

Вестник НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ Московского Основан в ноябре 1946 г. университета

Серия 25 **МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА**

ТОМ 10 • № 4 • 2018 • ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

История международных отношений и внешней политики

- Глазунова Е.Н., Манькин А.С. США и события в Индонезии
1965–1966 гг. 3
- Алиева А.И. Американско-турецкое «образцовое партнерство»: проверка на прочность (2009–2010) 41

Теория международных отношений

- Бартенев В.И. Вмешательство во внутренние дела: спор о дефиниции 79

Политэкономия международных отношений

- Нечкин Д.А. Эволюция понятия «политический риск»: классические и современные концепции 109

Научные обзоры и рецензии

- Золотарёв В.А. Война как объект междисциплинарного анализа. Рецензия на книгу академика РАН А.А. Кокошина «Вопросы прикладной теории войны» 138

Научная жизнь

- Наука на службе мира 147
- Мир и государство — строительство будущего на Ближнем Востоке 152
- Указатель статей и материалов, опубликованных в 2018 г.* 156

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2018

Moscow University

Bulletin of World Politics

ISSN 2076-7404

Vol. 10 • No. 4 • FALL • 2018

CONTENTS

History of International Relations and Foreign Policy

- Glazunova E.N., Manykin A.S. The United States and the Events of 1965–1966 in Indonesia 3
- Aliyeva A.I. The U.S.-Turkey ‘Model Partnership’: Testing the Limits (2009–2010) 41

Theory of International Relations

- Bartenev V.I. Intervention in the Domestic Affairs: Questioning Definitions 79

International Political Economy

- Nechkin D.A. Evolution of Political Risk Concept: Classical and Contemporary Interpretations 109

Review Essays and Book Reviews

- Zolotarev V.A. War Through an Interdisciplinary Lens. *Book Review of ‘An Inquiry into the Applied Theory of War’ by Andrey A. Kokoshin* 138

Academic Events

- Science for Peace 147
- Peace and State-Building Future of the Middle East 152
- Complete List of Papers and Other Materials Published in 2018* 156

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Е.Н. Глазунова, А.С. Манькин*

США И СОБЫТИЯ В ИНДОНЕЗИИ 1965–1966 гг.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В 1965–1966 гг. в Индонезии были совершены массовые убийства коммунистов и представителей левых сил, а также этнических китайцев, считавшихся членами прокоммунистических организаций. Эти кровавые события послужили первой и наиболее активной фазой процесса смены власти и началом «нового порядка». Окончательным же их итогом стали смещение давно вызывавшего раздражение у Вашингтона президента Сукарно и приход к власти в 1968 г. проамерикански настроенного генерала Сухарто, правившего Индонезией на протяжении последующих трех десятилетий. Несмотря на наличие острого внутреннего конфликта в стране, участие в рассматриваемых событиях внешних сил, в первую очередь Соединенных Штатов Америки, изначально не вызывало у историков сомнений. Однако в силу недостаточности документальной базы определить степень этого участия было сложно. В настоящей статье на основе изучения недавно рассекреченных и опубликованных в США материалов (преимущественно донесений американских дипломатов из Джакарты и других регионов страны) рассмотрена позиция Вашингтона в отношении происходивших в Индонезии событий, охарактеризована его стратегическая линия и объяснены причины и предпосылки принятого администрацией Л. Джонсона решения об уровне вовлеченности в индонезийский конфликт и ее конкретных формах. Сделан вывод о том, что американское правительство поддерживало тесные связи с верхушкой индонезийской армии, изначально приветствовало усилия генерала Сухарто по смещению президента, поощряло репрессии, оказывало финансовую поддержку антикоммунистическим группам, вело информацион-

* *Глазунова Елена Николаевна* — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: elenanglazunova@mail.ru); *Манькин Александр Серафимович* — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: modern@hist.msu.ru).

но-психологическую войну, охотно используя наработки ЦРУ. По сравнению с вмешательством США в Индокитае и Доминиканской Республике, эскалация которого происходила практически одновременно с рассматриваемыми событиями, вовлечение Вашингтона в индонезийский конфликт осуществлялось на более низком уровне. Однако при наличии сильного конфликтного потенциала во внутриаполитической жизни Индонезии и этой тактики оказалось достаточно, чтобы нанести сокрушительный удар по левому движению и отстранить от власти президента Сукарно.

Ключевые слова: «холодная война», «третий мир», США, Советский Союз, Индонезия, вмешательство во внутренние дела, Сукарно, «направляемая демократия», Сухарто, Коммунистическая партия Индонезии, Л. Джонсон, военная помощь.

Весной 1965 г. политическая разведка доложила президенту Индонезии Сукарно, что в высших военных кругах зреет руководимый неким «Советом генералов» заговор в целях смещения его с поста главы государства. Информация сопровождалась данными о связях заговорщиков с Западом. Тогда же для защиты президента из его окружения была сформирована группа «прогрессивных офицеров». Осенью «Совет генералов», воспользовавшись ухудшением здоровья Сукарно, якобы намеревался перейти к действиям. Офицеры-сукарнисты решили пойти на перехват предполагаемым заговорщикам. В ночь с 30 сентября на 1 октября 1965 г. несколько отрядов военнослужащих индонезийской армии совершили нападения на дома семи военачальников, похитили их и убили. Операция была проведена под руководством «Движения 30 сентября», возглавляемого командиром 1-го батальона личной охраны президента подполковником Унтунгом. Руководство Коммунистической партии Индонезии (КПИ) поддержало «Движение 30 сентября». При этом КПИ не пыталась мобилизовать массы, не обратилась к народу, а просто делегировала своих эмиссаров в оперативную группу, где те действовали от имени партии, поневоле создавая впечатление, что и коммунисты руководят заговором [Другов, Резников, 1969: 166–168].

События 30 сентября — 1 октября 1965 г. стали началом растянувшегося на два с лишним года государственного переворота в Индонезии. «Движение 30 сентября» было быстро разгромлено. В стране была развязана кампания беспощадного террора против

коммунистов и других организаций левого толка. Статистика ее результатов свидетельствует о величайшей национальной трагедии: жертвами массовых убийств стали, по разным подсчетам, от 500 до 700 тысяч ни в чем не повинных людей (иногда называют даже миллион погибших); до полутора миллионов индонезийцев были брошены в тюрьмы и отправлены в концлагеря¹. Итогом «кровавой осени» стало смещение Сукарно с поста президента. Это произошло в марте 1967 г., однако реальной власти он был лишен уже 11 марта 1966 г., когда под давлением высшего армейского командования подписал приказ «О принятии мер для обеспечения порядка, личной безопасности главы государства и стабильности управления». Приказ передавал полномочия в области «повседневного» руководства страной генералу Сухарто. Как отмечает известный российский специалист-индонезиевед А.Ю. Другов, хотя Сукарно оставался в эпицентре борьбы за власть вплоть до его смещения с поста президента, именно 11 марта 1966 г. «условно можно считать моментом установления в стране нового политического режима — “нового порядка”»; так это делает и официальная индонезийская историография» [Другов, 1989: 33].

Большинство завершившихся сменой режима конфликтов в странах «третьего мира» эпохи «холодной войны» ставят перед исследователями задачу определения соотношения внутренних и внешних факторов, способствовавших тому или иному исходу событий. Индонезия не является исключением. Резкое обострение и без того напряженных отношений, сложившихся у руководства страны в лице ее первого президента Сукарно с Соединенными Штатами, с самого начала заставляло предположить, что государственный переворот произошел там не без участия американцев. Однако определить степень вовлеченности Вашингтона до сих пор не удавалось. Очередная порция недавно рассекреченных в США документов², дополнивших отцифрованную коллекцию источников по политике американцев в странах Юго-Восточной

¹ А.Ю. Другов, ссылаясь на свидетельства бывшего шефа индонезийской службы безопасности Судомо, говорит о 500 тысячах погибших, отмечая, что эту цифру следует считать наименьшей из вероятных [Другов, 1989: 27].

² National Security Archive (далее — NSA). Indonesia Documentation Project. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/indonesia/2017-10-17/indonesia-mass-murder-1965-us-embassy-files> (accessed: 08.04.2019).

Азии³, дает исследователям надежду если и не расставить все точки над *i*, то все же подобраться ближе к истине.

* * *

Индонезия с ее сегодняшним более чем четвертьмиллиардным населением, огромным количеством внутренних социально-экономических и политических проблем (этноконфессиональные и религиозные конфликты, бедность, нерешенность аграрного вопроса, серьезный разрыв в уровне жизни и т.д.) никогда не была обделена вниманием отечественных историков и политологов. Начиная с 1940–1950-х годов, когда только что освободившаяся от голландского господства Индонезия стремилась определить пути независимого развития, и до настоящего времени отечественные востоковеды неизменно проявляли к ней большой интерес. Как справедливо отметил один из ведущих специалистов А.Ю. Другов, «немногие нации Востока удостоились столь пристального внимания ученых — историков, экономистов, политологов, культурологов, филологов, лингвистов в нашей стране и за ее пределами» [Другов, 1999: 3]. Касаясь времен «холодной войны», отечественные авторы уделяли большое внимание начальному периоду становления независимой Индонезии, политике СССР в отношении этого крупнейшего государства Юго-Восточной Азии и советско-индонезийским связям [Алёшин, 1963; Архипов, 1971; Национально-освободительное движение в Индонезии (1942–1965), 1970; Другов, Резников, 1969; Другов, Тюрин, 2005; Ефимова, 2015; Симония, 1978; Шолмов, 2009]. Интересные исследования советских и российских востоковедов посвящены лидерам послевоенной независимой Индонезии, в первую очередь Сукарно и Сухарто, их идеологическим воззрениям [Воронин, 2010; Другов, 1989; Ионова, 1974; Капица, Малетин, 1980; Малетин, 2001; Прозоровский, 2009; Пахомова, 2001; Севортыан, 1991; Шолмов, 2001; и др.]. Серьезный вклад наши ученые внесли в оценку социально-экономической ситуации периода «направляемой демократии», выявление причин возникновения острых внутривнутриполитических противоречий в индонезийском обществе и предпосылок разрушительных импульсов, в конечном счете

³Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). 1964–1968. Vol. XXVI. Indonesia; Malaysia–Singapore; Philippines. Washington, D.C.: Government Printing Office, 2000. Available at: <https://history.state.gov/> (accessed: 08.04.2019).

приведших к государственному перевороту [Воронин, 2016; Другов, 2016; Сумский, 1987]. Трагические события 1965–1966 гг., закончившиеся отстранением от власти президента Сукарно, в отечественной литературе рассматривались в контексте динамики внутренней политической ситуации и постепенно менявшегося соотношения сил в стране. Исследователи подчеркивали связь внутренней политики Сукарно и его сложного, не всегда последовательного внешнеполитического курса. Фиксируя риторику «воинствующего, почти крикливого» антиимпериализма индонезийского лидера [Другов, Резников, 1969: 3], способствовавшую эскалации напряженности в отношениях с Западом, наши авторы избегали прямой постановки вопроса о внутренних и внешних факторах конфликта. При этом они отмечали, что позиция западных держав сыграла немалую роль в борьбе против Сукарно. Организатором и движущей силой антиправительственных выступлений, закончившихся смещением президента, отечественные исследователи считали индонезийскую армию [Другов, 1989: 31]. Факты, свидетельствовавшие о том, что армейская верхушка Индонезии была связана с Западом, в первую очередь с США, были известны нашим востоковедам, тем не менее, касаясь этих сюжетов, они, как правило, проявляли осторожность. Объяснением служило, конечно, не отсутствие интереса к рассматриваемым событиям, а недостаточность документальной базы. Как известно, сам Сукарно после первой же попытки мятежа возложил вину за обострение социально-политической ситуации в стране на ЦРУ, поэтому на протяжении долгого времени упоминания о вмешательстве главного разведывательного ведомства США в индонезийский конфликт основывались на политических заявлениях президента, а также на косвенных источниках. Так, ссылаясь на газету «The Jakarta Post», А.Ю. Другов писал: «Правительство США, которое в то время вело войну против вьетнамских коммунистов, было, как говорят, довольно поражением коммунистов в Индонезии и рассматривало его как успех своей политики сдерживания. Рассекреченные документы ЦРУ и журналистское расследование <...> показали, что США помогали индонезийской армии в проведении антикоммунистической чистки, представив ей список на 5000 человек, подлежащих уничтожению. Затем США поддерживали режим Сухарто, организовавший массовые убийства» [Другов, 2016: 125]. До сих пор, однако, проблема вовлеченности американцев

в индонезийский конфликт в отечественной историографии отдельно не рассматривалась.

В зарубежной (в первую очередь американской) литературе Индонезия также не была обделена вниманием. Правда, больший интерес американских историков и специалистов в области политических наук вызывал более поздний период истории страны: переход от режима Сухарто к конституционному правлению и, конечно, конфликт в Восточном Тиморе. В этой связи не будет преувеличением сказать, что из всех многочисленных случаев вмешательства США во внутренние конфликты в странах «третьего мира» в период «холодной войны» события 1965–1966 гг. в Индонезии до сих пор остаются наименее изученными. Еще не так давно в американском (и не только) индонезиеведении было очевидно стремление идеологизировать и политизировать события начального периода истории страны, что, конечно, мешало объективности исследований. В 1960-е — начале 1970-х годов в сообществе специалистов (среди которых было немало ученых из Нидерландов) господствовали откровенно антисукарновский и антикоммунистический подходы [Brackman, 1969; Pauker, 1969; Van der Kroef, 1970]. Альтернативная точка зрения — о том, что переворот стал результатом конспирологического сговора между зарубежными спецслужбами (британской МИ-6 и ЦРУ США) и отдельной группой индонезийских офицеров во главе с Сухарто, — появилась в научной литературе несколько позже и была представлена единичными исследованиями [Scott, 1985]. В подавляющем большинстве историки отстаивали мнение, что именно Компартия, руководствуясь стремлением убрать проамериканскую верхушку армии, спланировала осенний мятеж, тем самым спровоцировав последующие трагические события и в конечном счете смену власти в Индонезии.

Наиболее авторитетную группу, объединившую специалистов из разных стран, представляли индонезиеведы Корнелльского университета США. Касаясь событий «кровавой осени», исследователи обосновывали отсутствие прямой причинно-следственной связи между выступлением «Движения 30 сентября» и последовавшими репрессиями [Anderson, McVey, 1971]. Представители школы отстаивали точку зрения о том, что КПИ не была связана с мятежниками и переворот был результатом действий офицеров среднего звена армии против генералитета. При этом истоки конфликта рассматривались учеными в широком политическом и

идеологическом контексте, включая сложный комплекс взглядов индонезийского лидера Сукарно, интересная трактовка которых представлена в монографии немецкого исследователя Б. Дама, написанной на основе сопоставления многочисленных голландских и индонезийских источников [Dahm, 1969].

После окончания «холодной войны» и особенно отставки Сухарто в 1998 г., когда постепенно стали появляться документальные материалы и «живые» свидетельства конца эпохи сукарновской «направляемой демократии», изучать события 30-летней давности как в самой Индонезии, так и на Западе стало проще. Даже те исследователи, кто прежде испытывал неприязнь к коммунистической идеологии или в силу определенных причин симпатизировал Сухарто, могли позволить себе большую свободу суждений. В заочной дискуссии «постсухартовского» периода приняли участие европейские, австралийские и американские индонезиеведы, в том числе эксперты, представлявшие корнелльскую школу [Melvin, 2018; Robinson, 1998, 2018; Roosa, 2006; Simpson, 2008; и др.]. В центре внимания ученых по-прежнему оставалась расстановка внутривластных сил в процессе «медленного» государственного переворота и особенно его первой фазы. Вместе с тем более активно стали обсуждать и проблему вовлеченности в индонезийский внутренний конфликт иностранных спецслужб. Правда, новая волна работ, опубликованных в последнее десятилетие XX и начале XXI в., отнюдь не означала, что все приверженцы прежней линии изменили свое мнение. Примером может служить американская исследовательница Х.-Л. Хантер, в течение 23 лет служившая в ЦРУ в качестве политического аналитика и эксперта по Дальнему Востоку. В 2007 г. она опубликовала книгу «Сукарно и государственный переворот в Индонезии: нерассказанная история» [Hunter, 2007], в которой подчеркивала чисто «внутренний» характер тех событий [Hunter, 2007: 14, 125].

Многие ученые приводили новые аргументы в пользу прежних трактовок событий, что способствовало сохранению вокруг них интриги. В 2005 г. австралийский историк А. Макинтайр опубликовал книгу, в которой вернулся к версии о ключевой роли КПИ на первом этапе конфликта. Позиция автора основывалась на свидетельствах о давнем соперничестве между военными, имевшими очень сильное политическое влияние, и Компартией, которая не только пользовалась покровительством Сукарно, но

и наряду с армией была опорой режима «направляемой демократии». А. Макинтайр рассказал, что идея ареста представителей высшего военного командования родилась буквально у постели тяжело заболевшего президента (Сукарно страдал периодически обострявшейся болезнью почек). В начале августа 1965 г., в момент очередного приступа, в окружении главы государства поползли слухи о терминальной стадии заболевания. Сподвижники Сукарно, в том числе представители руководства КПИ, понимали: слухи о возможной кончине президента вызовут активизацию армии, что поставит под угрозу само существование партии. Это обстоятельство и вызвало к жизни план ареста подозреваемых генералов и расследования их заговорческой деятельности — их физическое устранение поначалу не планировалось [McIntyre, 2005: 50–53].

Иную точку зрения на происхождение «превентивного» выступления против «Совета генералов» представил голландский исследователь Э. Дэйк, в 2006 г. опубликовавший яркую монографию, в которой попытался доказать, что главным режиссером событий 1 октября 1965 г. был сам президент Сукарно, стремившийся избавиться от мешавших ему армейских командиров. Отдельно автор обратился к вопросу о роли ЦРУ, отмечая (правда, весьма осторожно), что даже те исследователи, которые возлагали вину за убийство генералов на КПИ, теперь склонны думать, что на определенном этапе американские спецслужбы оказались вовлечены в антисукарновскую деятельность. Немецкий ученый доказывает, что «Совет генералов» действительно образовался для координации подрывной работы в армии, спонсировался ЦРУ и чрезвычайно активизировался после того, как президент Сукарно серьезно заболел [Dake, 2006: 263]. С большей определенностью и аргументированностью о близких отношениях США с индонезийской армией и последующем участии ЦРУ в перевороте повествуют солидно фундированная книга канадского историка Дж. Рузы «Предлог для массовых убийств» [Roosa, 2006], монография руководителя индонезийского проекта Архива национальной безопасности США Б. Симпсона «Экономисты с оружием. Авторитарный путь развития и американо-индонезийские отношения, 1960–1968» [Simpson, 2008], а также монография американской исследовательницы Дж. Мелвин «Армия и индонезийский геноцид. Механизмы массового убийства» [Melvin, 2018], основанная на

изучении военных архивов, в частности бывшего индонезийского разведывательного управления в Банда-Ачехе.

На сегодняшний день формулировка о взаимовлиянии внутренних и внешних факторов в индонезийском конфликте представляется наиболее убедительной. Сразу отметим, что назвать недавно опубликованные Архивом национальной безопасности США документы сенсационными было бы преувеличением. Совершенно очевидно, что подарка такой же ценности, какой обладали, например, доклад Д. Уилбера и сопутствующие материалы о роли США в свержении иранского премьер-министра М. Мосаддыка в 1953 г. или документы об устранении гватемальского президента Х. Арбенса в 1954 г., историки пока не получили. Возможно, в силу того, что исследователи-индонезиеведы уже испытали разочарование в связи с рассекреченным в 2008 г. и не оправдавшим их ожиданий докладом ЦРУ 1968 г., лишь подтвердившим «армейскую» версию о вине КПИ⁴, новая подборка документов не вызвала эйфории в научном мире. Тем не менее последнее пополнение «индонезийского досье», которое ЦРУ, без сомнения, очень бы хотело похоронить навеки⁵, но которое благодаря требованиям американской общественности в конце 1990-х — начале 2000-х годов частично уже было рассекречено и передано в Национальный архив США и Президентскую библиотеку Линдона Джонсона в г. Остине (штат Техас), стало весьма весомым вкладом в коллекцию первоисточников по проблемам американского вмешательства во внутренние конфликты стран «третьего мира» в целом.

* * *

В соревновании двух систем в рамках сложившегося после Второй мировой войны биполярного мира Индонезия, вступившая на независимый путь развития 17 августа 1945 г., была завидным призом. За страну боролись не только ее бывшая метрополия — Нидерланды, но и обе «сверхдержавы». Правда,

⁴ Central Intelligence Agency. Indonesia-1965: The Coup That Backfired. Washington, D.C.: CIA, 1968. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/esau-40.pdf> (accessed: 15.03.2019).

⁵ CIA Stalling State Department Histories. Archive Posts One of Two Disputed Volumes on Web. State Historians Conclude U.S. Passed Names of Communists to Indonesian Army, Which Killed At Least 105,000 in 1965–1966. National Security Archive Electronic Briefing Book No. 52. 27.07.2001. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB52/#FRUS> (accessed:15.03.2019).

до описываемых событий ни одна из них особенно в этом не преуспела: советско-американское противостояние за включение Индонезии в сферу своего влияния продолжалось с переменным для обоих государств успехом. В первые годы становления независимой страны преимущество скорее было у Советского Союза, руководство которого оказывало Индонезии всестороннюю поддержку в ООН и на международной арене в целом [Ефимова, 2015]. Несмотря на внушительные объемы предоставлявшейся Джакарте военно-экономической помощи⁶, с большой долей уверенности можно предположить, что каких-либо четких стратегических планов в отношении Индонезии у советских лидеров в то время не было.

К началу 1960-х годов стало очевидно, что надежды советского руководства в отношении Индонезии были напрасными. Лидер движения за ее национальное освобождение и первый президент страны Сукарно, комплекс политико-идеологических воззрений которого характеризовался необычайной сложностью и противоречивостью, охотно принимая советскую помощь, тем не менее не склонился в пользу социалистической ориентации. Правда, идейные расхождения харизматичного лидера Индонезии с СССР отнюдь не означали его перехода на сторону США: Сукарно выбрал «третий путь». Он верил в мирное сосуществование Москвы и Вашингтона, которые, по его мнению, могли адаптироваться друг к другу. Однако такое же мирное сосуществование развивающихся стран и империалистических держав, по его мнению, возможно только в том случае, если силы равны. Идеологически подобные декларации были весьма созвучны маоистской трактовке концепта «третьего мира».

Политика США отличалась большей расчетливостью. В условиях нараставшей биполярной конфронтации проблема национально-освободительных движений в бывших колониях стала источником напряженности в отношениях Вашингтона с западными союзниками, бывшими колониальными державами. В рамках процесса реализации идеи антиколониализма «холодная война» устанавливала свои ограничения. Несмотря на многолетнюю риторику вашингтонских властей, послевоенные реалии обусловили их избирательность в восприятии проблемы

⁶ Всего за период 1956–1962 гг. объемы советской военно-экономической помощи Индонезии, по данным, собранным американским ученым Б. Симпсоном, составили 750 млн долл. [Simpson, 2008: 34].

самоопределения: в каждом конкретном случае США должны были действовать исходя из глобальной задачи — «сдерживания» коммунизма. Включение Ост-Индии в рамки «либерального миропорядка» входило в планы США по нескольким причинам. Во-первых, Индонезия обладала богатыми запасами стратегически важного сырья. Во-вторых, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что американский бизнес был заинтересован в индонезийских ресурсах. В этой связи в Вашингтоне справедливо считали, что независимая, освобожденная от колониальных тисков Индонезия была бы предпочтительнее для США. В-третьих (и это, пожалуй, главное), в Вашингтоне полагали, что старая имперская политика, не принимающая в расчет национальные чаяния индонезийцев, расчищала дорогу коммунистическому, а значит, потенциально и советскому влиянию. В конце концов неуступчивость голландцев поставила Вашингтон перед выбором: решительная поддержка независимости Индонезии или риск ее превращения в удобренное поле для «подрывной деятельности» коммунизма. Однако был еще один, весьма важный момент, который в конечном счете и определил начальную политическую линию США в отношении этой страны. В 1948 г. индонезийские националисты, казнив местных коммунистических лидеров, «убедили» американцев в том, что способны самостоятельно осуществлять курс на достижение независимости. Именно после этих событий Вашингтон перешел к открытой поддержке Индонезии и уже очень скоро принял на себя обязательства по оказанию ей военной и экономической помощи. В это же время между США и индонезийской армией начали устанавливаться крепкие связи.

Поначалу оценки экспертов из ЦРУ, наблюдавших ситуацию в стране, были довольно оптимистичными. В 1956 г. они докладывали, что Индонезия в ближайшие годы продолжит, хотя и не быстрыми темпами, продвигаться в направлении построения современного демократического государства⁷. Однако скоро в Вашингтоне осознали, что столь благостные перспективы мало сочетаются с политической реальностью, в первую очередь с ростом и укреплением позиций КПИ. По данным, приводимым американским ученым-индонезиеведом Б.Р. Симпсоном, в период между 1954 и 1959 гг. количество ее членов с 200 000 возросло до

⁷ Intelligence Advisory Committee. Validity Study of NIE 65-56: Probable Developments in Indonesia. 07.08.1956 // CIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00400R000300100042-7.pdf> (accessed: 11.04.2019).

более 1,5 млн человек [Simpson, 2008: 32]. Параллельно усиливались другие организации левого толка — молодежные, женские, профсоюзные и т.д., причем влияние этих сил ощущалось не только в столице, но и практически во всех разбросанных на огромные расстояния регионах. Активизировалась и оппозиция: вооруженные антиправительственные группировки, состоявшие из сепаратистских движений разного толка, прежде всего из исламистских формирований, действовавших не только на Яве (где располагалось центральное правительство), но и в других регионах, создавали обстановку социально-политической нестабильности и приближали страну к гражданской войне. В этих условиях Сукарно при поддержке армии объявил о смене официальной политической доктрины: от провозглашенной в 1950 г. «либеральной демократии» Индонезия перешла к «направляемой демократии», предусматривавшей ограничение парламентаризма при значительном расширении президентских прерогатив⁸.

Вашингтон выражал крайнее недовольство не только внутренней, но и внешней политикой Сукарно: нейтралистская позиция Индонезии, население которой составляло на тот момент чуть ли не половину всех жителей Юго-Восточной Азии, ее отказ присоединиться к СЕАТО⁹ были прямо противоположны усилиям администрации Д. Эйзенхауэра по сдерживанию распространения коммунизма в регионе посредством системы двусторонних и региональных союзов. Приходилось искать другие средства. Излюбленный лозунг государственного секретаря США Дж.Ф. Даллеса об «аморальности и близорукости нейтралитета»¹⁰ применительно к Индонезии приобретал не только идеологическое, но и практическое звучание. «Полагаю, — говорил госсекретарь на пресс-конференции 11 февраля 1958 г., — что среди мусульман, особенно населяющих другие острова помимо Явы, растут чувство обеспокоенности усиливающимся коммунистическим влиянием в правительстве на Яве и недовольство тем, что эко-

⁸ В 1963 г. Сукарно был присвоен титул пожизненного президента.

⁹ Организация договора Юго-Восточной Азии (South-East Asia Treaty Organization, SEATO).

¹⁰ Dulles J.F. Text of Dulles Speech Explaining U.S. 'Peace Insurance Policy'. 10.06.1956 // The Cost of Peace Special to The New York Times. Available at: <http://www.nytimes.com/1956/06/10/archives/text-of-dullesspeech-explaining-us-peace-insurance-policy-the-cost.html> (accessed: 11.04.2019).

номические ресурсы отдаленных островов, таких как, например, Суматра, эксплуатируются вопреки интересам индонезийского народа» [Green, 1990: 6]. Дж.Ф. Даллесу и его брату, директору ЦРУ Аллену Даллесу, не стоило большого труда убедить президента Д. Эйзенхауэра в том, что индонезийское правительство и армия все больше попадают под влияние коммунистов. Вполне в стиле декады 1950-х годов США уже тогда попытались сместить Сукарно. По данным Дж. Мелвин, в 1955 г., накануне всеобщих выборов в Индонезии, главный конкурент президентской Национальной партии Индонезии, исламская партия Машуми, по секретным каналам получила от американцев 1 млн долл. [Melvin, 2018: 7]. Осенью 1957 г. Вашингтон развернул одну из наиболее масштабных тайных операций «холодной войны»: диссидентское Революционное правительство Республики Индонезия, формировавшее «революционные отряды» для повсеместного противостояния левым силам, начало получать миллионы долларов и внушительные объемы современного оружия. Американская поддержка сепаратистов способствовала разжиганию и распространению разрушительной и жестокой гражданской войны. Интересно, что операция держалась в тайне даже от посла США в Джакарте: ЦРУ надеялось собственными силами повернуть вспять левое движение, ослабить позиции или попросту свергнуть президента. Несмотря на то что Вашингтон всячески отрицал свою вовлеченность в конфликт, никто в Индонезии не воспринимал эти заверения всерьез. В январе 1958 г. американцы совершили прямую интервенцию, в которой были задействованы ВВС и ВМС США. Их задачей было прикрытие военных мятежников на Суматре. Практически в открытую американцы действовали с британских военных баз в Сингапуре и обучали военных чуть ли не повсюду в регионе — на Тайване, Гуаме, Филиппинах и т.д. Тогда же, в январе 1958 г., Дж.Ф. Даллес публично выразил намерение изучить вопрос о признании «правительства» мятежников. Фактически речь шла о смене неугодного режима Сукарно. Последний в ответ призвал США «не играть с огнем» [Малетин, 2001: 182]. В апреле 1958 г. самолет, пилотируемый работавшим на ЦРУ летчиком Алленом Поупом, был сбит индонезийскими зенитчиками, а сам пилот захвачен в плен и военным трибуналом приговорен к смертной казни (правда, через три года он был освобожден). Это событие

окончательно развеяло сомнения по поводу вовлеченности США в конфликт.

В дни обострения гражданской войны на помощь Сукарно пришел Советский Союз. Как пишет Б.Р. Симпсон, правительственная армия была снабжена сотнями танков, всеми видами стрелкового и артиллерийского оружия; в распоряжение ВВС Индонезии были переданы 170 истребителей и бомбардировщиков; военно-морской флот фактически состоял из советских кораблей [Simpson, 2008: 34]. Уже в мае 1958 г. в Вашингтоне осознали, что попытка убрать Сукарно провалилась. Результат проведенной тандемом братьев Даллесов операции был прямо противоположен задуманному: авторитет президента и позиции КПИ еще больше укрепились, а логическим последствием вмешательства стало резкое ухудшение американо-индонезийских отношений.

Президентство Джона Ф. Кеннеди было отмечено попытками загладить вину бывшей администрации и начать взаимодействие с Индонезией с «чистого листа». В отношениях с Сукарно американский президент проявлял большую гибкость и даже пытался с ним заигрывать. М. Грин пишет, что вскоре после вступления в должность Дж. Кеннеди пригласил Сукарно в Вашингтон, оказав ему подчеркнуто доброжелательный прием, подарил вертолет и назвал «индонезийским Джорджем Вашингтоном» [Green, 1990: 7]. В ответ Белый дом получил заверения индонезийского лидера в том, что он как никто другой делает всё для ограничения распространения коммунизма в Индонезии. Позже Дж. Кеннеди даже пренебрег союзническими обязательствами, пойдя навстречу Сукарно, который выдвинул «последнее требование» к голландским колонизаторам — возврат Западного Ириана (Западная Новая Гвинея), и оказав политическое давление на Нидерланды¹¹.

Российские исследователи обращали внимание на то, что подход Вашингтона в отношении Индонезии вырабатывался в условиях противостояния между Государственным департаментом и ЦРУ. Если дипломаты в основном разделяли умеренную и толерантно-выжидательную позицию американского посла в Индонезии Г. Джонса (у которого, кстати, были весьма теплые отношения с индонезийским лидером), полагавшего, что с Су-

¹¹ В марте 1962 г. США выступили с планом урегулирования вопроса о Западном Ириане, и 15 августа в ООН было подписано соглашение о передаче этой территории под управление ООН.

карно нужно сосуществовать и работать, то разведка, как пишут А.Ю. Другов и В.А. Тюрин, уже тогда продумывала планы его устранения вплоть до убийства [Другов, Тюрин, 2005: 216]. Во время президентства Дж. Кеннеди очевидно побеждала точка зрения Госдепартамента. По мнению указанных исследователей, свидетельством улучшения климата в отношениях между двумя странами стали состоявшиеся в мае 1963 г. переговоры относительно статуса американских и британских нефтяных компаний в Индонезии, завершившиеся взаимоприемлемым компромиссом [Другов, Тюрин, 2005: 217].

Однако период стабилизации отношений оказался недолгим. В администрации Дж. Кеннеди надеялись, что с помощью программ экономической и военной помощи Запад сможет «умиротворить» Сукарно. После урегулирования кризиса вокруг Западного Ириана индонезийский лидер объявил о том, что теперь наступил момент решения задач национальной индустриализации и экономического развития страны. Помощь ему действительно была крайне необходима. В то же время, как отметил российский востоковед Н.П. Малетин, Сукарно «поддерживал связи с США на определенном уровне (который он сам установил), чтобы сохранять рычаги давления в отношениях с СССР и, особенно, с КНР» [Малетин, 2001: 199]. В Вашингтоне это понимали, внимательно наблюдая не только за игрой индонезийского лидера, но и за процессом углублявшейся трещины в советско-китайских отношениях¹². Правда, извлечь ощутимую пользу из этого американцам не удавалось. Сукарно всё больше раздражал пришедшего в Белый дом в ноябре 1963 г. Л. Джонсона. «Создается такое впечатление, — говорил американский президент, — что чем больше мы идем навстречу Сукарно, тем труднее с ним иметь дело»¹³. Помощь Индонезии американский президент считал проявлением слабости, поощрением дерзости и своеволия индонезийского лидера. «Пустишь хулигана в свой двор сегодня — завтра он вышвырнет тебя из твоей же

¹² CIA Research Staff Intelligence Memo. 23.11.1962 // CIA. Available at: https://www.cia.gov/search?q=CIA+Research+Staff+Intelligence+Memo%2C+November+23%2C+1962&site=CIA&output=xml_no_dtd&client=CIA&myAction=%2Fsearch&proxystylesheet=CIA&submitMethod=get (accessed: 14.04.2019).

¹³ Memo of Conversation, Call on the President by Ambassador Jones. 18.12.1963. National Security Files, Indonesia. Vol. 1. November 1963 — April 1964. Box 246. Linton Baines Johnson Presidential Library (LBJL).

спальни»¹⁴, — в свойственной ему грубоватой манере рисовал Л. Джонсон перспективы задабривания Сукарно. В начале 1964 г., отвечая на затребованную главой Белого дома информацию, руководитель внешнеполитического ведомства США Дин Раск сообщал о том, что по сравнению с предыдущим годом военная помощь была сокращена более чем в восемь раз, а программы, направленные на «стабилизацию обстановки», приостановлены полностью¹⁵. Обосновывая это решение, Д. Раск указывал, что оно должно стать серьезным предупреждением Сукарно против эскалации его антималайзийской политики. Реакция индонезийского лидера не заставила себя ждать. Раздраженный тем, что страны Запада не спешат оказывать содействие развитию переживавшей трудности экономики Индонезии, выдвигая все новые и более жесткие условия, Сукарно не только призвал страну «стоять на собственных ногах», но и в присутствии американского посла Г. Джонса «послал к черту США с их помощью»¹⁶, при этом пригрозив национализацией американских компаний, таких как «Калтекс», «Станвак» и др.» [цит. по: Малетин, 2001: 199]. Интересно, что эта эмоциональная фраза, произнесенная Сукарно в 1964 г., фактически выражала позицию Компартии, считавшей, что «единственно правильный путь преодоления экономических трудностей — это не попрошайничество зарубежных займов и превращение индонезийцев в прислужников иностранного капитала» [цит. по: Mortimer, 1974: 144], а строительство собственной независимой экономики.

* * *

Во второй половине 1964 г. — начале 1965 г. отношения Индонезии с США резко ухудшились. Причиной этого стал целый комплекс факторов — как «индонезийского», так и «американского» происхождения.

¹⁴Telephone Conversation between Johnson and McNamara. 02.01.1964. Telephone Recordings and Transcripts, Recording of a conversation between Johnson and McNamara. Tape F64.3. PNO 5. Side A. LBJL.

¹⁵Memorandum from Secretary of State Rusk to President Johnson. Washington, 06.01.1964 // FRUS. 1964–1968. Vol. XXVI. Indonesia; Malaysia–Singapore; Philippines. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v26/d4> (accessed: 14.04.2019).

¹⁶U.S. Virtually Ends Aid to Indonesians // The New York Times. 31.03.1964. Available at: <https://www.nytimes.com/1964/03/31/archives/u-s-virtually-ends-aid-to-indonesians.html> (accessed: 14.04.2019).

Именно в это время, по мнению А.Ю. Другова и А.Б. Резникова, национализм «как протест против засилья богатых стран», прежде всего США и СССР, был возведен в Индонезии в ранг государственной политики [Другов, Резников, 1969: 134]. Происходило это на фоне сложной и продолжавшей ухудшаться социально-экономической ситуации. К 1964 г. большинство индонезийских государственных предприятий использовали менее 50%, а во второй половине 1965 г. — лишь 30% своих производственных мощностей. Поступления в казну от них составляли от 2 до 15% установленных сумм. Дискредитировалась сама идея способности государства играть позитивную роль в развитии национальной экономики. В начале 1964 г. на Яве, по данным, приводимым А.Ю. Друговым и В.А. Тюриным, около 100 тыс. человек находились на грани голодной смерти [Другов, Тюрин, 2005: 219]. Пик инфляции был отмечен в 1965 г., когда темпы ее роста составили 250%. Индекс цен возрос по сравнению с 1964 г. в 10 раз, причем этот процесс невозможно было компенсировать или замедлить ни увеличением зарплаты, ни продовольственными пайками. «Было очевидно, что инфляционный процесс подошел к такому рубежу, за которым может последовать взрыв или, во всяком случае, серьезные потрясения, — писала российский экономист-востоковед Л.Ф. Пахомова. — <...> На стадии гиперинфляции оппозиция направляемой демократии и направляемой экономики, а также лично президенту Сукарно и его правительству резко возросла» [Пахомова, 2001: 137–138]. Обострялась ситуация в деревне: направляемая коммунистами беднота требовала реализации аграрной реформы. Как отмечали те же А.Ю. Другов и В.А. Тюрин, участились столкновения между крестьянами и землевладельцами, причем на стороне последних выступали, как правило, отряды вооруженной полиции и военных; обострились отношения между КПИ и другими партиями, лидеры которых в большинстве своем были так или иначе связаны с крупными аграриями [Другов, Тюрин, 2005: 220].

Для того чтобы хоть как-то ослабить социальную напряженность в стране и перенаправить вектор радикальных общественных настроений, Сукарно прибег к испытанному приему — насаждению образа «внешнего врага». Недавняя победа, одержанная Индонезией в борьбе с Нидерландами за Западный Ириан, позволившая президенту укрепить свой личный авторитет и международный престиж страны, а также, что не менее важно,

упрочить свои позиции в армии, с готовностью и патриотическим подъемом воспринимавшей его националистические лозунги, вдохновляла индонезийского лидера на продолжение своего «антиимпериалистического» курса. Еще в 1963 г. Великобритания, инициировав создание независимого государства — Малайзии, предоставила Сукарно возможность напомнить о мессианской роли Индонезии как лидера прогрессивных сил в регионе и попытаться объединить общество на волне воинствующих призывов к борьбе с западным империализмом. Поддержанный Пекином, президент заявил, что появление вблизи индонезийских границ нового государства в результате неокOLONиалистского сговора недопустимо и что его страна вынуждена перейти к политике «Конфронтации» (Konfrontasi). Непримируемость позиции Сукарно со всей отчетливостью проявилась 7 января 1965 г., когда он в знак протеста против избрания Малайзии непостоянным членом Совета Безопасности ООН принял решение выйти из ее состава. Американский посол в Индонезии М. Грин (сменивший Г. Джонса в 1965 г.) усмотрел в выборе президентом данной стратегии по меньшей мере два резона. Во-первых, создавая образ врага у порога Индонезии, Сукарно рассчитывал на обретение воинственной националистической поддержки разных слоев общества. Во-вторых, «Конфронтация», как указывал М. Грин, способствовала подрыву связи между военными, которые оценили эту политику с точки зрения увеличения ассигнований на армию, и ее друзьями на Западе, в первую очередь в США [Green, 1990: 8]. Однако если эта политика и дала ожидавшийся Сукарно эффект, то он был очень краткосрочным. Перспектив у «Конфронтации» не было ни с какой стороны: в случае ее эскалации возникала высокая вероятность военного конфликта с Великобританией, на который Сукарно вряд ли бы решился. Что же касается попыток внутренней консолидации общества, то у них также было немного шансов на успех, поскольку, как пишет российский ученый-востоковед В.В. Сумский, слишком очевидным было «несоответствие сукарновской радикально-националистической, популистской фразеологии характеру реально складывавшихся социальных отношений» [Сумский, 1987: 39]. Эскалация политики «Конфронтации», по задумке индонезийского лидера, призванная консолидировать разные силы и укрепить национальное единство, на деле лишь обострила

внутриполитические противоречия и приблизила трагические события осени 1965 г.

Малайзийский конфликт окончательно похоронил и наметившееся потепление американо-индонезийских отношений. Безусловно, связано это было не только с политикой Сукарно: индонезийская стратегия администрации Л. Джонсона должна рассматриваться в контексте динамики внутриполитической ситуации и внешней политики США середины 1960-х годов.

Первый (неполный) срок президентства Л. Джонсона, как известно, начавшийся с трагических событий, был ознаменован яркой победой либеральных сил: принятием одного из наиболее важных в истории США документов — Закона о гражданских правах, проект которого был внесен в Конгресс еще Дж. Кеннеди. Закон в огромной степени стал личной заслугой Л. Джонсона. Благодаря влиянию на Капитолийском холме, а также мастерству убеждать и умению персонально работать с законодателями президенту удалось «протащить» билль через Конгресс, склонив на свою сторону его главных противников — южных демократов. В том же 1964 г. Л. Джонсон одержал свою первую «самостоятельную» победу на президентских выборах. Избиратели отдали за него голоса в силу самых разных предпочтений. Кто-то воспринимал его как преемника кумира большинства представителей молодого поколения американцев — Дж. Кеннеди; кто-то проголосовал в надежде увидеть результаты обещанных масштабных социальных реформ; кто-то сделал выбор в пользу кандидата от демократов, испугавшись кликушеских призывов его республиканского оппонента — импульсивного «ястреба» Б. Голдуотера. В сравнении с кандидатом от Великой старой партии Л. Джонсон предстал перед электоратом в качестве «голубя мира». В то же время определенной части американцев импонировали жесткость и решительность президента в «сдерживании» коммунизма. Тонкинская резолюция¹⁷ (или первая «доктрина Джонсона»), проложившая американским войскам дорогу в Индокитай, по времени совпала с избирательной кампанией.

Если говорить о внешнеполитических приоритетах администрации Л. Джонсона, то на первом месте для него, безусловно,

¹⁷Joint Resolution to Promote the Maintenance of International Peace and Security in Southeast Asia. P. L. 88–408. 10.08.1964 [H. J. Res. 1145]. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-78/pdf/STATUTE-78-Pg384.pdf> (accessed: 14.03.2019).

стоял Вьетнам. В марте 1965 г. США начали массированные бомбардировки ДРВ; в том же месяце первые подразделения морских пехотинцев высадились в Южном Вьетнаме. Соединенные Штаты стали полноценным участником гражданской войны в далекой азиатской стране. Однако одним Вьетнамом дело не ограничилось: в конце весны 1965 г. американскому президенту неожиданно пришлось санкционировать еще одно открытое военное вторжение — в Доминиканскую Республику.

Интервенция в Доминиканскую Республику дала рождение «второй доктрине Джонсона», провозглашенной в теле- и радиообращении к нации 2 мая 1965 г.¹⁸ В отечественной историографии отмечалось, что в соответствии с новой «доктриной» революция в любой отдельно взятой стране Западного полушария отныне не должна была рассматриваться как ее внутреннее дело [Печатнов, Маныкин, 2012: 404]. В том же месяце Л. Джонсон подвел теоретическую базу под американские «права» на вмешательство в политику суверенных стран: «В сегодняшнем мире, полном врагов, которые говорят о “национально-освободительных войнах”, старое разграничение “гражданских войн” и “международных войн” утратило свое значение»¹⁹.

Многочисленные документы, фиксировавшие официальные заявления и неформальные разговоры представителей американской администрации по поводу Вьетнама и доминиканского кризиса, свидетельствуют о том, что экспансия коммунизма воспринималась Вашингтоном в качестве реальной угрозы национальной безопасности США. Вместе с тем президент прекрасно понимал риск предпринимаемых шагов и остро реагировал на общественное мнение — как внутри страны, так и за рубежом. После начала массированных бомбардировок ДРВ в феврале 1965 г. и одобрения использования напалма против живой силы противника американская молодежь вышла на улицы с прямыми обвинениями в адрес главы государства. Во время интервенции в Доминиканской Республике осуждение

¹⁸ Lyndon B. Johnson: 'Radio and Television Report to the American People on the Situation in the Dominican Republic'. 02.05.1965 // The American Presidency Project. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=26932&st=Dominican+Republic&st1=> (accessed: 14.04.2019).

¹⁹ Lyndon B. Johnson. Commencement Address at Baylor University. 28.05.1965 // The American Presidency Project. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=27003> (accessed: 14.04.2019).

внешней политики администрации усилилось. Международная общественность с трибун ООН и Организации американских государств осуждала президента за «односторонний интервенционизм» и «тактику канонерок»²⁰. Однако более уязвимым Л. Джонсон оказался для внутренней критики, причем главная опасность исходила не от либералов, которые во главе с его заклятым врагом Робертом Кеннеди ругали президента за отход от концепции «новых рубежей» и резкий внешнеполитический крен вправо. Значительно чувствительнее Л. Джонсон был как раз к обвинениям, звучавшим с правого фланга, со стороны тех, кто требовал ужесточения «сдерживания». Для воплощения в жизнь намеченных планов и победы на выборах 1968 г. Л. Джонсону была необходима поддержка на Капитолийском холме, в том числе законодателей-«ястребов» из сенатского Комитета по вооруженным силам, а также занимавших важные посты в других ключевых комитетах Конгресса южных демократов. Объявляя войну коммунизму в Азии и Латинской Америке, Л. Джонсон покупал поддержку правых и ультраправых. Проблема, однако, была в том, что, выбрав этот путь и уступая требованиям консервативного крыла, он должен был идти дальше.

Обострение внутривластной ситуации в Индонезии произошло практически одновременно с первым кульминационным моментом в участии американцев во вьетнамской гражданской войне. 4 августа Сукарно тяжело заболел. Несмотря на старания его окружения скрыть этот факт, новость о том, что жизнь президента находится под угрозой, вскоре получила огласку. Было очевидно, что страна стояла на пороге серьезного кризиса. Именно в эти дни Л. Джонсону был представлен очень важный документ — доклад группы экспертов из ЦРУ, Агентства национальной безопасности, а также разведывательных ведомств Государственного департамента и Министерства обороны, подробно объяснявший вероятность коммунистического переворота в Индонезии и его возможные последствия. Основные положения доклада, выдержанного в алармистских тонах, сводились

²⁰ Lyndon Johnson and the Dominican Intervention of 1965. National Security Archive Electronic Briefing Book No. 513. Transcript of Tape No. 9: Don't you let them take that public sentiment away from me. You be arousing them as much as [they] arouse you. 02.05.1965 | 6:24 PM | LBJ, William Tapley Bennett, John Martin, and McGeorge Bundy | WH6505.02-7528 | LBJ Library // NSA. Available at: <http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB513/docs/Tape%2009%20transcript.pdf> (accessed: 21.04.2019).

к следующему. Сукарно ведет страну по авторитарному пути при безоговорочной поддержке трехмиллионной Компартии, представители которой занимают важные посты в центральном правительстве и огромное количество властных позиций на местах. Если сейчас Сукарно останется в живых, то через 2–3 года Индонезия с большой долей вероятности превратится в коммунистическое государство. В случае его смерти в борьбе за власть сойдутся КПИ и армия. Возможно, начнется гражданская война, но поскольку коммунисты лишатся поддержки Сукарно, их силы в противостоянии с военными уже не будут равными. Пока президент жив, позиции КПИ будут укрепляться, а антикоммунистических сил, напротив, слабеть. В этом случае нельзя исключать попытку скорого коммунистического переворота. Индонезия уже сейчас ведет себя по отношению к США более враждебно, чем коммунистические государства. Коммунистический переворот в Индонезии — большой, густонаселенной, богатой ресурсами и геостратегически важной стране — будет иметь огромное влияние на государства Южной и Восточной Азии. Пекин и Ханой получают огромное преимущество в борьбе с США. Коммунистический переворот в Индонезии приведет к серьезному изменению баланса сил в мире и придаст новый динамизм «коммунистической волне»²¹. Нетрудно увидеть, что методологической основой доклада была пресловутая «теория домино», причем на примере Индонезии эксперты продемонстрировали все возможные варианты ее интерпретации: «региональный эффект», «эффект глобальной революционной волны» и «глобальный эффект парадного оркестра» (band-wagon effect) [Глазунова, 2004: 379].

Несмотря на тревожную тональность доклада, не допускавшую бездействия со стороны США, никаких конкретных мер эксперты не предлагали. Ситуация для Л. Джонсона, много раз заявлявшего, что он не позволит себе стать «тем президентом, которому суждено увидеть Юго-Восточную Азию, идущую тем же путем, что выбрал Китай» [Simpson, 2008: 126], была архисложной. Парадоксально, но перспектива «потери» Индонезии

²¹ Special National Intelligence Estimate. Prospects for and strategic implications of a communist takeover in Indonesia. Washington, 01.09.1965. Doc. 137. P. 289–292 //NSA. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB52/doc189.pdf> (accessed: 12.03.2019).

для США была больше сравнима с «утратой» Китая в 1949 г., чем с ситуацией в Индокитае, за который Вашингтон уже вовсю воевал. И объяснялось это не только демографией (в 1965 г. по численности населения Индонезия занимала пятое место в мире) или размером архипелага, на 5000 км протянувшегося с востока на запад. Индонезия была чрезвычайно важна с точки зрения ее геополитического положения и геостратегического сырья — нефти, олова, каучука, никеля, золота, серебра и др. По мнению канадского историка Дж. Русы, вмешательство США в Индокитай не в последнюю очередь объяснялось стремлением «уберечь» Индонезию, а вслед за ней и Японию от коммунистов [Roosa, 2006: 14]. Именно в этом контексте следует воспринимать и озабоченность политической разведки возможностью нарушения мирового баланса сил.

В то же время выбор форм влияния на Индонезию у Л. Джонсона был невелик. В сложившейся внутренней ситуации сколь-либо «высокий» уровень вовлеченности в новый конфликт в Юго-Восточной Азии был просто невозможен. Администрации приходилось искать другие решения.

В предисловии к книге американского посла в Индонезии М. Грина «Индонезия. Кризис и трансформация» бывший помощник государственного секретаря США по делам Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского региона У. Банди, пришедший в Госдепартамент после нескольких лет работы в ЦРУ и Пентагоне, пишет о том, как в конце августа 1965 г. первый же подготовленный для Вашингтона доклад недавно прибывшего в Джакарту нового посла заставил заместителя госсекретаря Дж. Болла экспромптом провести у себя срочное заседание с участием полудюжины экспертов. «Правда ли, — спросил он присутствовавших, — что Индонезия по меньшей мере может сравниться с целым Индокитаем? — Присутствовавшие единогласно согласились. — Правда ли, что радикальный левый, если не тотально коммунистический переворот, несущий в себе огромный импульс влияния на некоммунистические страны Юго-Восточной Азии, <...> является там лишь вопросом времени? — Снова единогласное “да”. — Можно ли что-то сделать для замедления или противодействия этим тенденциям? — Консенсус: нет, поскольку не существует ни одного дружественного элемента или благоприятного фактора, за который можно было бы зацепиться и попытаться гальванизировать его». Тогда же,

продолжает У. Банди, возник вопрос чуть ли не о бессмысленности американского посольства в Джакарте [Green, 1990: xiii].

Если первая часть экспертной дискуссии подтверждается другими источниками, то последние два утверждения являются как минимум лукавством (хотя попытка У. Банди скрыть свое личное участие в событиях, которые сегодня справедливо называются геноцидом, вполне понятна). Пустить ситуацию в Индонезии на самотек американцы не могли, тем более что «дружественный» элемент в этой стране был — армия, а посольство США в Джакарте, как свидетельствуют доступные сегодня документы, стало не только источником информации, но и штабом по планированию стратегии свержения Сукарно и ее реализации. Как указывает британский исследователь Д. Истер, перед угрозой усиливавшихся в Индонезии антиамериканских настроений Л. Джонсон «в целях сокращения видимого американского присутствия» распорядился отозвать значительную часть дипломатического персонала, в то время как оставшимся там специалистам было велено незаметно поддерживать контакты с «конструктивными элементами силовых структур и создавать им наиболее благоприятные условия для противостояния КПИ» [Easter, 2004: 141]. Ждать американцам пришлось недолго.

* * *

Цели и намерения участников «Движения 30 сентября» до сих пор остаются открытым вопросом для индонезиеведения. В значительной степени это объясняется тем, что все лидеры мятежников были практически без промедления казнены. Анализ документов (главным образом индонезийских) и специальных исследований последних лет позволяет отдать предпочтение выводу о том, что «прогрессивные офицеры» действовали в интересах Сукарно, а главной целью их из рук вон плохо подготовленного выступления была чистка армии от антисукарновских и прозападных элементов. Фактическое одобрение мятежа со стороны лидеров КПИ, в первую очередь ее председателя Айдита, чему предшествовала активизация Компартии во время конфликта с Малайзией, ее ярко выраженные антизападные и антиамериканские настроения (в том числе несколько нападений на американские учреждения и акций по осаде консульств США в разных городах), а также отказ индонезийского лидера поддержать «Движение 30 сентября» облегчили армейской верхушке

задачу расправы сначала с коммунистами и левым движением в целом, а потом и с самим Сукарно.

Версия о том, что вылазка «Движения» стала полной неожиданностью для американского посольства в Джакарте (как это представляли сами дипломаты), весьма сомнительна. Американцы заранее обсуждали подобные сценарии. Еще в марте 1965 г. посол Г. Джонс на встрече с коллегами из Госдепартамента говорил: «С нашей точки зрения, <...> неудачный переворот, предпринятый КПИ, был бы идеальным предложением для изменения курса развития Индонезии» [цит. по: Roosa, 2006: 190–191]. Конечно, отсутствие прямых документальных свидетельств не позволяет утверждать, что выступление «прогрессивных офицеров» стало результатом тщательно продуманной и спланированной совместно с американцами армейской провокации, но логично предположить, что на каком-то этапе взаимодействия дипломаты обсудили эти планы с представителями армии. Не лишены основания и подозрения в том, что коммунистов сознательно втянули в «Движение 30 октября». Одним из косвенных подтверждений этой версии может служить до сих пор не совсем понятная роль самого Сухарто в событиях 1 октября²².

Уже 5 октября в Вашингтон был отправлен отчет о ситуации в стране. В докладе отмечалось, что армия перешла в наступление на коммунистов, вынужденных отчаянно защищаться; что, по всей видимости, можно наблюдать начавшийся процесс перехода власти от Сукарно к «другим лицам», которые изменят политический курс страны; и что Вашингтон не должен упускать возможность извлечь из создавшейся ситуации выгоду. Для этого, считали в посольстве, было крайне важно: а) избежать

²² Российские исследователи ставили вопрос о том, почему участники «Движения», захватив и убив некоторых генералов, не командовавших войсковыми частями, оставили в живых Сухарто, «в чьем распоряжении находились самые боеспособные части и который к тому же должен был автоматически заменить А. Яни в случае его недееспособности» [Другов, Тюрин, 2005: 230]. Сторонники точки зрения о том, что Сухарто как минимум был осведомлен о планах «Движения 30 сентября», основанной на свидетельствах ближайшего соратника Сукарно — бывшего первого заместителя премьер-министра, министра иностранных дел и начальника политической разведки Индонезии Субандрио, который в 2001 г., после 30-летнего пребывания в тюрьме, опубликовал книгу, утверждают, что Сухарто не просто знал о планировавшемся заговоре, но и поначалу обещал поддержать Унтунга, а потом, наблюдая за ходом событий, просто выждал и, воспользовавшись нерешительностью Сукарно, ударил по двум целям: по Компартии, а затем и по самому президенту.

открытого участия в конфликте; б) со всей определенностью донести до ключевых фигур в армии, в частности до генерала Сухарто, намерение США оказать им всевозможное, но тайное содействие; в) максимально расширить контакты с индонезийскими военными. В качестве приоритетной меры посольство рекомендовало «распространять истории о том, что в попытке реализации заговора 1 октября повинна КПИ, подчеркивая при этом коварство и жестокость предавших страну коммунистов»²³. Судя по ответной телеграмме, Госдепартаменту особенно понравилась идея о дезинформации и развязывании психологической войны²⁴. Д. Истер отмечает, что все последующие месяцы спецслужбы США, а также Великобритании и Австралии участвовали в кампании против коммунистов и Сукарно, фальсифицируя информацию и транслируя ее населению Индонезии посредством ведущих радиовещательных станций — «Голоса Америки», «Радио Австралии», «Би-би-си» и др. [Easter, 2004: 168–169].

Развязанная после 1 октября кампания массовых убийств и репрессий не была спонтанным и хаотичным ответом простых индонезийцев на «зверства» коммунистов (распространявшаяся для разжигания народного гнева информация об изощренных пытках, издевательствах и сексуальных унижениях похищенных генералов оказалась вымыслом, что стало известно сразу после того, как были обнаружены тела убитых). За этими действиями стояла армия — данный факт сегодня можно считать неопровержимым. Об этом прямо свидетельствуют не только индонезийские документы²⁵, в подлинности которых не при-

²³ Telegram from the Embassy in Indonesia to the Department of State. Jakarta, 05.10.1965 // FRUS. 1964–1968. Vol. XXVI. Indonesia; Malaysia–Singapore; Philippines. Doc. 147. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v26/d147> (accessed: 12.03.2019).

²⁴ Telegram from the Department of State to the Embassy in Indonesia. Washington, 06.10.1965 // FRUS. 1964–1968. Vol. XXVI. Indonesia; Malaysia–Singapore; Philippines. Doc. 148. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v26/d148> (accessed: 12.03.2019).

²⁵ В 2018 г. Дж. Мелвин опубликовала выдержки из переданной ей индонезийскими коллегами фотокопии, по всей видимости, чудом уцелевшего 250-страничного отчета об убийствах коммунистов в отдельных провинциях Индонезии. По описанию Дж. Мелвин, документ содержит важнейшие приложения, включая «карту смерти», на которой кружками отмечены места убийств «элементов КПИ», бுவально почасовую хронологию событий, последовавших за выступлением «прогрессивных офицеров», численность военного персонала в каждом конкретном районе с точным отчетом о количестве единиц выданного оружия [Melvin, 2018: 19–21].

ходится сомневаться, но недавно рассекреченные американские источники. Посольство было не просто прекрасно осведомлено о том, что творит армейское командование, но и сотрудничало с ним. Более того, американские официальные лица знали, что предполагаемые члены КПИ или других левых организаций, арестованные или убитые в ходе репрессий, не играли никакой роли в «Движении 30 сентября» либо даже не знали о его существовании²⁶. Одна из дипломатических телеграмм из Джакарты содержала информацию о широко распространенной фальсификации предполагаемых «признаний»²⁷. Позже, в апреле 1966 г., когда «первый раунд» переворота будет уже завершен, посол М. Грин откровенно признал, что обвинения в адрес КПИ, якобы направленной Китаем и присоединившейся к «Движению 30 сентября», были сфабрикованы в силу «потребностей момента»²⁸.

На основании наблюдений работавших в Индонезии американцев помощник президента по национальной безопасности У. Банди докладывал Л. Джонсону, что после событий 1 октября у власти в стране оказались два правительства — Сукарно и армия. Опровергая точку зрения тех вашингтонских политиков, которые считали ситуацию в Индонезии опасной и бесперспективной для США, советник обосновывал необходимость «руководствоваться долгосрочными интересами и держать руку на пульсе»²⁹. В этой связи Белый дом неоднократно указывал работникам посольства, насколько важно не упустить момент, когда армия сможет перейти в наступление на Сукарно.

²⁶ Indonesia Documentation Project. Doc. 14. Telegram 1516 from American Embassy in Jakarta to Secretary of State, Secret. 20.11.1965 // NSA. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/dc.html?doc=4107024-Document-14-Telegram-1516-from-American-Embassy> (accessed: 12.03.2019).

²⁷ Ibid. Doc. 23. US Department of State, Airgram A-398 to U.S. Embassy Jakarta, Secret. 17.12.1965 // NSA. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/dc.html?doc=4107033-Document-23-US-Department-of-State-Airgram-A-398> (accessed: 12.03.2019).

²⁸ Ibid. Doc. 30. Telegram A-673 from American Embassy to Department of State, Confidential. 'Example of Anti-Chinese Propaganda'. 04.03.1965 // NSA. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/dc.html?doc=4107038-Document-28-Telegram-A-673-from-American-Embassy> (accessed: 12.03.2019).

²⁹ Memorandum from the President's Special Assistant for National Security Affairs (Bundy) to President Johnson. Washington, 22.10.1965 // FRUS. 1964–1968. Vol. XXVI. Indonesia; Malaysia–Singapore; Philippines. Doc. 160. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v26/d160> (accessed: 12.03.2019).

Опубликованные Архивом национальной безопасности США документы позволяют хронологически отследить динамику событий первого этапа антисукарновского переворота. В разгар кампании по преследованию коммунистов посольство отослало в Вашингтон телеграмму с отчетом о встрече с одним из представителей армейского командования Суртарто. В телеграмме отмечалось, что «репрессивные акции против КПИ, приобретающие колоссальный географический размах и проходящие теперь не только на Центральной Яве, но и в Медане, Южной Суматре и Макассаре, проводятся армией и мусульманскими [группами]». Суртарто открыто рассказывал американцам о ходе допросов лидера «Движения 30 сентября» Унтунга и сообщал о намерении «вздернуть» руководителей КПИ³⁰. С посольством обсуждались конкретные кандидатуры тех, кого нужно было устранить с политической арены. Так, М. Грин сообщал в Вашингтон о «дилемме армии и Соединенных Штатов» (курсив наш. — Авт.) в отношении Центральной Всеиндонезийской рабочей организации (СОБСИ; *Sentral Organisasi Buruh Seluruh Indonesia, SOBSI*), которую Сухарто «намеревался запретить», а также судьбы министра труда Сутомо. М. Грин считал «невероятным» участие СОБСИ в «Движении», однако подчеркивал, что армия рассматривает организацию как независимую политическую силу и, следовательно, угрозу своим планам по консолидации власти³¹.

В посольство США стекалась информация из различных регионов Индонезии, где американские дипломатические представительства фиксировали нарастающую жестокость и беспощадность кампании террора. «Даже если отбросить преувеличения, — сообщалось из консульства в Сурабае (провинция Восточная Ява), — понятно, что происходит массовая резня»³². Осведомленность дипломатов о репрессиях и казнях не может не

³⁰ Indonesia Documentation Project. Doc. 5. Telegram 779A from American Embassy in Jakarta to Secretary of State in Washington, Secret. 18.10.1965 // NSA. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=4107015-Document-5-Telegram-779A-from-American-Embassy> (accessed: 12.03.2019).

³¹ Ibid. Doc. 6. US Embassy in Jakarta, Telegram 1168 to Secretary of State, Secret. 23.10.1965 // NSA. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=4107016-Document-6-US-Embassy-in-Jakarta-Telegram-1168> (accessed: 12.03.2019).

³² Ibid. Doc. 15. Action Telegram 183 from American Consul Surabaya to Jakarta, Confidential. 26.11.1965 // NSA. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=4107025-Document-15-Action-Telegram-183-from-American> (accessed: 12.03.2019).

изумлять: донесения в Вашингтон, день за днем сухим казенным языком описывавшие кровавые события, включали подробнейшие детали. При этом невозможно не заметить благожелательный и даже одобрителный тон работников посольства в отношении армии. «Как в провинциях, так и в Джакарте продолжают репрессии против КПИ, причем главной проблемой остаются еда и размещение заключенных, — говорилось в еженельном отчете посольства. — Многие провинции, как представляется, *успешно решают эту проблему* [курсив наш. — Авт.], подвергая казни заключенных из числа КПИ или убивая их, чтобы не брать в плен»³³. Дипломаты фиксировали детали, которые свидетельствовали об изменениях в тактике террора: очевидно, что в определенный момент исполнители на местах получили приказ командования действовать не настолько демонстративно и показательно, как в первые дни. «Жертвы, — сообщал американский консул из Сурабайи, — в настоящее время вывозятся из густонаселенных районов, перед тем как их убивают», и их тела «хоронят, а не бросают в реку. <...> В Мадииуне схваченных коммунистов теперь передают для расправы гражданским лицам»³⁴ — под ними, очевидно, имелись в виду «мусульманские молодежные группы, которые оказывали *помощь*» (курсив авт.) в решении стоявших перед армией задач³⁵. Из донесений дипломатов следует, что исламистские группы и мусульманские объединения (например, Исламская организация Нахдатул Улама (Nahdlatul Ulama) и Мухаммадия в Медане) принимали активное участие в зачистке страны от коммунистов. Террор на Восточной Яве имел окраску священной войны: убийство неверных, как наставляли имамы и муллы, должно было дать билет на небеса; если же кровь жертвы нанести себе на лицо, то путь туда окажется еще вернее. В мечетях распространялись отпеча-

³³ Ibid. Doc. 16. Airgram A-353, Joint Weeka No. 45 from U.S. Embassy Jakarta to State, Secret. 30.11.1965 // NSA. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/dc.html?doc=4107026-Document-16-Airgram-A-353-Joint-Weeka-No-45-from> (accessed: 12.03.2019).

³⁴ Ibid. Doc. 26. Telegram from 212 American Consul in Surabaya to Jakarta, 'Joint Sitrep 22', Confidential. 28.12.1965 // NSA. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/dc.html?doc=4107036-Document-26-Telegram-from-212-American-Consul-in> (accessed: 12.03.2019).

³⁵ Ibid. Doc. 16. Airgram A-353, Joint Weeka No. 45 from U.S. Embassy Jakarta to State, Secret. 30.11.1965 // NSA. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/dc.html?doc=4107026-Document-16-Airgram-A-353-Joint-Weeka-No-45-from> (accessed: 12.03.2019).

танные инструкции, утверждавшие, что коммунисты являются низшим уровнем неверных, «пролитие крови которых сравнимо с убийством курицы»³⁶. Американцы финансировали эти группы: при том что основной массив источников, касающихся адресной денежной помощи, все еще засекречен, факт передачи наличности в размере 50 млн рупий руководству организации «Единство действий против контрреволюционного движения 30 сентября» (КАР Gestapu), в состав которого входили упомянутые исламистские группировки, сегодня документально подтвержден [цит. по: Robinson, 2018: 203].

Практически с самого начала американцы знали и безусловно поддерживали конечную цель армейского командования — государственный переворот. Уже 12 октября посол США М. Грин сообщил своему начальству в Вашингтоне, что «теперь армия Индонезии рассматривает возможность свержения самого Сукарно и уведомляет западные посольства о том, что такая возможность имеется»³⁷. Именно при содействии американцев армейская верхушка получила возможность эффективно продолжать давно начатую политику отстранения президента от власти, на этот раз выступая в роли его защитницы от КПИ. Сукарно не оказывал эффективного противодействия кампании массовых политических убийств. Впрочем, как писали российские ученые А.Ю. Другов и А.Б. Резников, «объем сохранившейся у президента реальной власти был так невелик, что вряд ли он смог бы остановить террор» [Другов, Резников, 1969: 173]. При этом, правда, Сукарно пресекал попытки армии убедить его в соучастии Компартии в мятеже и на этом основании подписать указ о ее роспуске³⁸.

На первых порах «черную пропаганду» и дезинформацию в американском посольстве считали оптимальными инструментами разжигания народного гнева и ненависти. Поначалу в накаленной обстановке противостояния двух еще совсем недавно «равных» противников — армии и КПИ — увеличение поставок вооружений военным было бы рискованным реше-

³⁶ Ibid. Doc. 18. Telegram 184A from American Consulate in Medan to the American Embassy in Jakarta, Confidential. 06.12.1965 // NSA. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=4107028-Document-18-Telegram-184A-From-American> (accessed: 12.03.2019).

³⁷ Ibid. Doc. 4. US Embassy in Jakarta, Telegram 971 to Secretary of State, Secret. 12.10.1965 // NSA. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=4107014-Document-04-US-Embassy-in-Jakarta-Telegram-971> (accessed: 12.03.2019).

³⁸ Ibidem.

нием. В Вашингтоне предполагали, что руководство Компартии объявит мобилизацию и попытается дать армии отпор. Однако полная деморализация руководства коммунистов, что, по всей видимости, служит чуть ли не единственным объяснением его полной пассивности в страшные месяцы политической чистки конца 1965 — начала 1966 г., удивила американцев и, очевидно, придала им решимости. В конце октября 1965 г. в посольстве США заволновались по поводу того, как бы армия не остановилась на полпути. В одной из записок, направленных в адрес государственного секретаря, второй секретарь посольства Р. Рич изложил содержание своего разговора с помощником генерального прокурора Индонезии Насутионом, в котором обсуждалась проблема «убеждения умеренных политических сил Индонезии» в том, как важно в критический момент «продолжать расправу над коммунистами, чтобы сломать хребет КПИ»³⁹. Одновременно посол М. Грин обратился к администрации Л. Джонсона с просьбой изучить возможность единовременной помощи армии, которая должна была послужить сигналом о том, что США готовы к увеличению объемов секретной поддержки военных, включающей деньги, средства связи и вооружение⁴⁰.

Волнения дипломатов по поводу недостаточной решимости генерала Сухарто довести дело до конца оказались напрасными, о чем в рождественские дни 1965 г. первый секретарь посольства Мария Луиза Трент сообщила своему начальству. Отправленный ею еженедельный сводный отчет отметил «поразительный успех армии и ее усилий по консолидации власти»⁴¹. Трент имела в виду в первую очередь успехи в уничтожении левого движения Индонезии. Фактическое ниспровержение Сукарно в марте 1966 г. окончательно убедило американцев в правильности выбранной стратегии.

³⁹ Ibid. Doc. 7. US Embassy in Jakarta, Telegram A 298 to Secretary of State, Secret; Memorandum of Conversation: The Situation in Indonesia After the Coup Attempt and Efforts of Indonesian Moderates to Assist the Army to Destroy the PKI. 23.10.1965 // NSA. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=4107017-Document-7-US-Embassy-in-Jakarta-Telegram-A-298> (accessed: 12.03.2019).

⁴⁰ Ibid. Doc. 8. Letter from Norman Hannah, CINCPAC to Marshall Green, Secret. 23.10.1965 // NSA. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=4107018-Document-8-Letter-from-Norman-Hannah-CINCPAC-to> (accessed: 12.03.2019).

⁴¹ Ibid. Doc. 24. Airgram A-408, Joint Weeka No. 48 from U.S. Embassy Jakarta to State, Secret. 21.12.1965 // NSA. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.html?doc=4107034-Document-24-Airgram-A-408-Joint-Weeka-No-48-from> (accessed: 12.03.2019).

Доступные сегодня источники позволяют подтвердить факты о том, что американское правительство поддерживало тесные связи с верхушкой индонезийской армии; с самого начала приветствовало усилия генерала Сухарто по смещению президента; не только располагало подробнейшими сведениями о проводимой индонезийскими военными кампанией массовых убийств коммунистов и представителей рабочего и левого движений, вело «учет» казненных и брошенных в тюрьмы ни в чем не повинных людей, но и исподволь поощряло репрессии; подпитывало антикоммунистические группы финансовыми вливаниями; охотно пускало в ход наработки ЦРУ по ведению психологической войны, распространению дезинформации и «черной пропаганды». Несмотря на разнообразие форм вмешательства администрации Л. Джонсона в индонезийский конфликт по сравнению с вовлеченностью США в события в Индокитае и Доминиканской Республике, речь шла о действиях низкой интенсивности, предполагавших минимум риска. Однако в условиях высокой степени конфликтности индонезийской общественной жизни второй половины 1965 — начала 1966 г., выраженной противостоянием двух основных столпов режима «направляемой демократии» — армии и Компартии, этой тактики оказалось достаточно, чтобы реализовать изначально заданные цели — разделаться с левым движением и отстранить давно раздражавшего Вашингтон президента Сукарно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алёшин Ю. Советско-индонезийские отношения в 1945–1962 годах. М., 1963.
2. Архипов В.Я. Экономика и экономическая политика Индонезии (1945–1968). М., 1971.
3. Воронин С.А. Режим «направляемой демократии» как развитие теории о социалдемократии. К вопросу о формировании концепции «третьего пути» в Индонезии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2016. № 3. С. 5–17.
4. Воронин С.А. Сукарно. Орел, парящий в одиночестве (формирование концепции «третьего пути») // Вестник Московского государственного областного университета. 2010. № 1. С. 125–136.
5. Глазунова Е.Н. Либерально-консервативный консенсус в США по отношению к конфликтам на периферии «биполярного мира» (1945–1970-е гг.) // США: эволюция основных идейно-политических концепций. Памяти профессора Н.В. Сивачева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 362–388.

6. Другов А.Ю. Индонезийская демократия: экзамен на зрелость // *Восток (Oriens)*. 2016. № 3. С. 116–125.
7. Другов А.Ю. Индонезия: политическая культура и политический режим. М.: ИВ РАН, 1997.
8. Другов А.Ю. Политическая власть и эволюция политической системы Индонезии (1965–1988). М.: Наука, 1989.
9. Другов А.Ю. Политическая культура и политический процесс в независимой Индонезии (1945–1998): Автореф. дисс. ... д-ра полит. наук. М., 1999.
10. Другов А.Ю., Резников А.Б. Индонезия в период «направляемой демократии». М.: Наука, 1969.
11. Другов А.Ю., Тюрин В.А. История Индонезии. XX век. М.: ИВ РАН, 2005.
12. Ефимова Л.М. СССР и становление независимой Республики Индонезия // *Вестник МГИМО-Университета*. 2015. № 40 (1). С. 153–164.
13. Ионова А.И. Об эволюции «национальной идеологии» в Индонезии (60–70-е годы) // *Народы Азии и Африки*. 1974. № 2. С. 31–38.
14. Капица М.С., Малетин Н.П. Сукарно: политическая биография. М.: Мысль, 1980.
15. Малетин Н.П. Сукарно — руководитель внешней политики Республики Индонезия // *Сукарно: политик и личность. К 100-летию со дня рождения первого президента Индонезии*. М.: Форум, 2001. С. 167–205.
16. Национально-освободительное движение в Индонезии (1942–1965) / Под ред. А.А. Губера. М., 1970.
17. Пахомова Л.Ф. Поиск пути к справедливому и процветающему государству. От экономики «laissez-faire» к направляемой экономике // *Сукарно: политик и личность. К 100-летию со дня рождения первого президента Индонезии*. М.: Форум, 2001. С. 98–145.
18. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012.
19. Прозоровский А.С. Политический лидер и модернизация на Востоке. Опыт Индонезии и Южной Кореи во второй половине XX века. М.: ИМЭМО РАН, 2009.
20. Севортян Н.Э. Исторический опыт жесткой власти (индонезийский пример) // *Авторитаризм и демократия в «третьем мире»*. М., 1991. С. 225–233.
21. Симония Н.А. Индонезия. М.: Наука, 1978.
22. Сумский В.В. Национализм и авторитаризм: политико-идеологические процессы в Индонезии, Пакистане и Бангладеш. М.: Наука, 1987.
23. Шолмов Ю.А. Россия–Индонезия. Годы сближения и тесного сотрудничества (1945–1965). М.: ИВ РАН, 2009.
24. Шолмов Ю.А. Сукарно и Советский Союз // *Сукарно: политик и личность. К 100-летию со дня рождения первого президента Индонезии*. М.: Форум, 2001. С. 220–247.
25. Anderson B., McVey R. A preliminary analysis of the October 1, 1965 Coup in Indonesia. Ithaca, N.Y.: Cornell University Southeast Asia Program, 1971.
26. Brackman A. The Communist collapse in Indonesia. New York: Norton, 1969.
27. Dahm B. Sukarno and the struggle for Indonesian independence. Ithaca; London: Cornell University Press, 1969.

28. Dake A. The Sukarno file, 1965–1967. Chronology of a defeat. Leiden; Boston: Brill, 2006.
29. Easter D. Britain and the confrontation with Indonesia: 1960–1966. London: Tauris Academic Studies, 2004.
30. Green M. Indonesia: Crisis and transformation, 1965–1968. Washington, D.C.: Compass Press, 1990.
31. Hunter H.-L. Sukarno and the Indonesian Coup. The untold story. Westport, Connecticut; London, 2007.
32. Legge J.D. Sukarno. A political biography. New York; Washington: Praeger Publishers, 1972.
33. McIntyre A. The Indonesian presidency. The shift from personal toward constitutional rule. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2005.
34. Melvin J. The army and the Indonesian genocide. Mechanics of mass murder. London: Routledge, 2018.
35. Mortimer R. Indonesian Communism under Sukarno: Ideology and politics, 1959–1965. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1974.
36. Pauker G. The rise and fall of the Communist Party of Indonesia. Santa Monica: RAND Corporation, 1969.
37. Penders C.L.M. The life and times of Sukarno. Rutherford; Madison; Teaneck: Fairleigh Dickinson University Press, 1974.
38. Robinson G.B. The dark side of paradise: Political violence in Bali. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1998.
39. Robinson G.B. The killing season. A history of the Indonesian massacres, 1965–1966. Princeton: Princeton University Press, 2018.
40. Roosa J. Pretext for mass murder: The September 30th movement and Suharto's Coup d'Etat in Indonesia. Madison: The University of Wisconsin Press, 2006.
41. Scott P.D. The United States and the overthrow of Sukarno, 1965–1967 // Pacific Affairs 58. Summer 1985. No. 2. P. 239–264.
42. Simpson B.R. Economists with guns: Authoritarian development and U.S.-Indonesian relations, 1960–1968. Stanford: Stanford University Press, 2008.
43. Van der Kroef J. Interpretation of the 1965 Coup in Indonesia: A review of a literature // Pacific Affairs. 1970. Vol. 43. No. 4. P. 557–577.

E.N. Glazunova, A.S. Manykin

**THE UNITED STATES
AND THE EVENTS OF 1965–1966 IN INDONESIA**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In 1965–1966 Indonesia experienced mass killings of communists and Leftists, as well as ethnic Chinese, who were thought to be members of pro-communist organizations. These bloody events opened the most active phase of change of power in Indonesia, marked the beginning of the

'new order' period, and paved the way to the 1968 ouster of the President Sukarno, whom the United States had long been displeased with, and the ascension to power of the General Suharto, who would rule the country for the next three decades. Despite the fact that Indonesia faced a severe domestic political conflict, involvement of external actors, primarily the United States, has never been questioned by the historians. However, due to a lack of primary sources, it has been difficult to determine the extent of this involvement. This paper is based on a close examination of recently declassified (and published in the U.S.) materials, mainly the reports of American diplomats from Jakarta and other Indonesian regions. The authors characterize U.S. position towards the aforementioned events in Indonesia and explain the Johnson administration's choice of the intensity level and particular tools of involvement in the conflict. The conclusion is drawn that the U.S. government maintained close ties with the leadership of the Indonesian military, initially welcomed the General Suharto's efforts aimed at ousting President Sukarno, encouraged the repressions and led a broad information-psychological campaign using the CIA playbooks. The intensity of these actions was much lower than in Indochina or the Dominican Republic but in specific local conditions in Indonesia characterized by high level of political violence, the tactics chosen by the U.S. sufficed to deliver a devastating blow to the Leftist movement and to oust the President Sukarno.

Keywords: Cold War, Third World, United States, Soviet Union, Indonesia, interference in internal affairs, President Sukarno, 'Guided Democracy', General Suharto, Communist Party of Indonesia, Lyndon Johnson, military aid.

About the authors: *Elena N. Glazunova* — PhD (History), Leading Research Fellow, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: elenanglazunova@mail.ru); *Aleksandr S. Manykin* — Doctor of Sciences (History), Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University (e-mail: modern@hist.msu.ru).

REFERENCES

1. Alyoshin Yu. 1963. *Sovetsko-indonezijskie otnosheniya v 1945–1962 godakh* [The Sovieto-Indonesian relations in 1945–1962]. Moscow. (In Russ.)
2. Arkhipov V.Ya. 1971. *Ekonomika i ekonomicheskaya politika Indonezii (1945–1968)* [Economy and economic policy of Indonesia (1945–1968)]. Moscow. (In Russ.)
3. Voronin S.A. 2016. Rezhim napravlyaemoi demokratii kak razvitie teorii o sotsiodemokratii. K voprosu o formirovanii kontseptsii 'tret'ego puti' v Indonezii [Regime of 'Guided Democracy' as a development of theory of social democracy: On formation of the 'Third Way' ideology in Indonesia]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya*, no. 3, pp. 5–17. (In Russ.)

4. Voronin S.A. 2010. Sukarno. Oryol, paryashchii v odinochestve (formirovanie kontseptsii 'tret'ego puti') [Sukarno. An eagle hovering in loneliness (Formation of the 'Third Way' concept)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, no. 1, pp. 125–136. (In Russ.)
5. Glazunova E.N. 2004. Liberal'no-konservativnyi konsensus v SShA po otnosheniyu k konfliktam na periferii 'bipolyarnogo mira' (1945–1970-e gg.) [The US liberal-conservative consensus on conflicts at the periphery of a bipolar world (1945–1970)]. In Manykin A.S. (ed.). *SShA: evolyutsiya osnovnykh ideino-politicheskikh kontseptsii. Pamyati professora N.V. Sivacheva* [The United States: Evolution of the main ideological and political concepts. In commemoration of Professor N.V. Sivachev]. Moscow, Moscow University Press Publ. (In Russ.)
6. Drugov A.Yu. 2016. Indoneziyskaya demokratiya: ekzamen na zrelost' [Indonesian democracy: Maturity test]. *Vostok (Oriens)*, no. 3, pp. 116–125. (In Russ.)
7. Drugov A.Yu. 1997. *Indoneziya: politicheskaya kul'tura i politicheskii rezhim* [Indonesia: Political culture and political regime]. Moscow, IV RAN Publ. (In Russ.)
8. Drugov A.Yu. 1989. *Politicheskaya vlast' i evolyutsiya politicheskoi sistemy Indonezii (1965–1988)* [Political power and evolution of political system in Indonesia (1965–1988)]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
9. Drugov A.Yu. 1999. *Politicheskaya kul'tura i politicheskii protsess v nezavisimoi Indonezii (1945–1998)* [Political culture and political process in Indonesia after independence (1945–1998)]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)
10. Drugov A.Yu., Reznikov A.B. 1969. *Indoneziya v period 'napravlyаемoi demokratii'* [Indonesia in the era of 'Guided Democracy']. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
11. Drugov A.Yu., Tyurin V.A. 2005. *Istoriya Indonezii. XX vek* [History of Indonesia. XX century]. Moscow, IV RAN Publ. (In Russ.)
12. Efimova L.M. 2015. SSSR i stanovlenie nezavisimoi Respubliki Indoneziya [The USSR and the emergence of the independent Republic of Indonesia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 40 (1), pp. 153–164. (In Russ.)
13. Ionova A.I. 1974. Ob evolyutsii 'natsional'noi ideologii' v Indonezii (60–70-e gody) [On evolution of national ideology in Indonesia (1960–70s)]. *Narody Azii i Afriki*, no. 2, pp. 31–38. (In Russ.)
14. Kapitsa M.S., Maletin N.P. 1980. *Sukarno: politicheskaya biografiya* [Sukarno: A political biography]. Moscow, Mysl' Publ. (In Russ.)
15. Maletin N.P. 2001. Sukarno — rukovoditel' vneshnei politiki Respubliki Indoneziya [Sukarno — the head of the Republic of Indonesia's foreign policy]. In *Sukarno: politik i lichnost'. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya pervogo prezidenta Indonezii* [Sukarno: A politician and a person. Commemorating the 100th anniversary of the first president of Indonesia]. Moscow, Forum Publ., pp. 167–205. (In Russ.)
16. Guber A.A. (ed.). 1970. *Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Indonezii (1942–1965)* [National liberation movement in Indonesia (1942–1965)]. Moscow. (In Russ.)
17. Pakhomova L.F. 2001. Poisk puti k spravedlivomu i protsvetayushchemu gosudarstvu. Ot ekonomiki 'laissez-faire' k napravlyаемoi ekonomike [Searching for a path towards a just and prosperous state. From 'laissez-faire' economy to the 'Guided Economy']. In *Sukarno: politik i lichnost'. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya pervogo prezidenta Indonezii* [Sukarno: A politician and a person. Commemorating

the 100th anniversary of the first president of Indonesia]. Moscow, Forum Publ., pp. 98–145. (In Russ.)

18. Pechatnov V.O., Manykin A.S. 2012. *Istoriya vneshnei politiki SShA* [History of the U.S. foreign policy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

19. Prozorovskii A.S. 2009. *Politicheskii lider i modernizatsiya na Vostoke. Opyt Indonezii i Yuzhnoi Korei vo vtoroi polovine XX veka* [Political leadership and modernization in the East. The cases of Indonesia and Republic of Korea in the second half of the XX century]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)

20. Sevortyan N.E. 1991. *Istoricheskii opyt zhestkoi vlasti (indoneziyskii primer)* [Historical experience of authoritarian government (the case of Indonesia)]. In *Avtoritarizm i demokratiya v 'tret'em mire'* [Authoritarianism and democracy in the Third World]. Moscow, pp. 225–233. (In Russ.)

21. Simoniya N.A. 1978. *Indoneziya* [Indonesia]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

22. Sumskii V.V. 1987. *Natsionalizm i avtoritarizm: politico-ideologicheskie protsessy v Indonezii, Pakistane i Bangladeshe* [Nationalism and authoritarianism: Political and ideological processes in Indonesia, Pakistan and Bangladesh]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

23. Sholmov Yu.A. 2009. *Rossiya–Indoneziya. Gody sblizheniya i tesnogo sotrudnichestva (1945–1965)* [Russia–Indonesia. The years of rapprochement and close cooperation (1945–1965)]. Moscow, IV RAN Publ. (In Russ.)

24. Sholmov Yu.A. 2001. Sukarno i Sovetskii Soyuz [Sukarno and the Soviet Union]. In *Sukarno: politik i lichnost'. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya pervogo prezidenta Indonezii* [Sukarno: A politician and a person. Commemorating the 100th anniversary of the first president of Indonesia]. Moscow, Forum Publ., pp. 220–247. (In Russ.)

25. Anderson B., McVey R. 1971. *A preliminary analysis of the October 1, 1965 Coup in Indonesia*. Ithaca, N.Y., Cornell University Southeast Asia Program.

26. Brackman A. 1969. *The Communist collapse in Indonesia*. New York, Norton.

27. Dahm B. 1969. *Sukarno and the struggle for Indonesian independence*. Ithaca, London, Cornell University Press.

28. Dake A. 2006. *The Sukarno file, 1965–1967. Chronology of a defeat*. Leiden, Boston, Brill.

29. Easter D. 2004. *Britain and the confrontation with Indonesia: 1960–1966*. London, Tauris Academic Studies.

30. Green M. 1990. *Indonesia: Crisis and transformation, 1965–1968*. Washington, D.C., Compass Press.

31. Hunter H.-L. 2007. *Sukarno and the Indonesian Coup. The untold story*. Westport, Connecticut, London.

32. Legge J.D. 1972. *Sukarno. A political biography*. New York, Washington, Praeger Publishers.

33. McIntyre A. 2005. *The Indonesian presidency. The shift from personal toward constitutional rule*. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Oxford, Rowman & Littlefield Publishers, Inc.

34. Melvin J. 2018. *The army and the Indonesian genocide. Mechanics of mass murder*. London, Routledge.

35. Mortimer R. 1974. *Indonesian Communism under Sukarno: Ideology and politics, 1959–1965*. Ithaca, N.Y., Cornell University Press.

36. Pauker G. 1969. *The rise and fall of the Communist Party of Indonesia*. Santa Monica, RAND Corporation.
37. Penders C.L.M. 1974. *The life and times of Sukarno*. Rutherford, Madison, Teaneck, Fairleigh Dickinson University Press.
38. Robinson G.B. 1998. *The dark side of paradise: Political violence in Bali*. Ithaca, N.Y., Cornell University Press.
39. Robinson G.B. 2018. *The killing season. A history of the Indonesian massacres, 1965–1966*. Princeton, Princeton University Press.
40. Roosa J. 2006. *Pretext for mass murder: The September 30th movement and Suharto's Coup d'Etat in Indonesia*. Madison, The University of Wisconsin Press.
41. Scott P.D. 1985. The United States and the overthrow of Sukarno, 1965–1967. *Pacific Affairs*, vol. 58, no. 2, pp. 239–264.
42. Simpson B.R. 2008. *Economists with guns: Authoritarian development and U.S.-Indonesian relations, 1960–1968*. Stanford, Stanford University Press.
43. Van der Kroef J. 1970. Interpretation of the 1965 Coup in Indonesia: A review of a literature. *Pacific Affairs*, vol. 43, no. 4, pp. 557–577.

А.И. Алиева*

**АМЕРИКАНО-ТУРЕЦКОЕ
«ОБРАЗЦОВОЕ ПАРТНЕРСТВО»:
ПРОВЕРКА НА ПРОЧНОСТЬ (2009–2010)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

США и Турцию многие десятилетия связывали прочные узы стратегического партнерства, оформившегося еще на заре «холодной войны». Однако в последние годы отношения между союзниками по НАТО развиваются по весьма неустойчивой траектории. Корни многих нынешних противоречий между Анкарой и Вашингтоном проявились еще в первые годы президентства Б. Обамы. В статье обозначены причины и характер сложностей, с которыми США и Турция столкнулись на пути воплощения в жизнь предложенной демократической администрацией концепции «образцового партнерства» в 2009–2010 гг. Рассмотрено, в частности, влияние произошедшей за 2000-е годы трансформации внешнеполитической стратегии Турции на изменение ее общей линии поведения в отношениях с США и появление у Анкары настойчивого желания добиться от Вашингтона признания и уважения своих национальных интересов. Трудности выработки Турцией и США согласованной позиции проиллюстрированы на примерах противоречий касательно взаимодействия с Израилем и Ираном. Показано, что различные методы убеждения и давления на Анкару, к которым прибегала администрация Б. Обамы, не всегда были эффективными, а их применение в ряде случаев лишь усугубляло ситуацию. Автор также подробно изучает развернувшуюся на фоне обострившихся разногласий в политических и академических кругах США дискуссию о перспективах двустороннего сотрудничества и внешнеполитической идентичности современной Турции. Наконец, в статье определены основные факторы сближения стран после временного кризиса. Автор приходит к выводу, что определяющую роль в предотвращении дальнейшей его эскалации сыграл фактор безопасности. Военно-стратегическое сотрудничество США и Турции в рамках НАТО осталось — вопреки

* *Алиева Алтунай Илгар кызы* — младший научный сотрудник факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, эксперт Центра проблем безопасности и развития ФМП МГУ (e-mail: altunay.i.aliyeva@gmail.com).

разногласиям по отдельным региональным вопросам и громким политическим скандалам — краеугольным камнем двусторонних отношений. Американо-турецкое партнерство, пусть и не став «образцовым», выдержало проверку на прочность, чтобы вскоре испытать на себе воздействие еще более сложных вызовов, связанных с дестабилизацией региона в результате «Арабского пробуждения».

Ключевые слова: США, Турция, американо-турецкие отношения, Б. Обама, турецко-израильские отношения, ядерная программа Ирана, НАТО, Ближний Восток, Партия справедливости и развития, «образцовое партнерство».

В августе 2018 г. в газете «The New York Times» была опубликована статья президента Турецкой Республики Р.Т. Эрдогана¹. Ее выход (весьма неожиданный) совпал по времени с решением властей США ввести санкции в отношении двух турецких министров в связи с отказом Анкары освободить из-под ареста американского пастора Э. Брансона². Президент Турции в своей статье обращался к руководству США, с которым уже не первый месяц находился в конфликте. Американская помощь боевым подразделениям сирийских курдов, спор из-за экстрадиции из США в Турцию проповедника и лидера организации «Хизмет» Ф. Гюлена³, покупка Анкарой российских систем ПВО С-400 — лишь малая часть тех вопросов, которые вызывали взаимное недовольство двух государств.

Р.Т. Эрдоган на страницах «The New York Times» напомнил о том, как «две страны плечом к плечу боролись с общими вызовами в годы “холодной войны” и после нее»⁴, с огорчением заметив, что турецко-американское партнерство находится под угрозой. По мнению турецкого лидера, односторонние действия США против Турции противоречили американским интересам и вынуждали его страну искать себе новых друзей и союзников⁵. Президент Турецкой Республики предупреждал: «Прежде чем станет слишком поздно, Вашингтон должен отказаться от

¹Erdogan: How Turkey sees the crisis with the U.S. // The New York Times. 10.08.2018.

²Э. Брансон находится в заключении в Турции с октября 2016 г. Он обвиняется в шпионаже и в преступлениях против государственного строя Турецкой Республики.

³Власти Турции предъявили обвинения Ф. Гюлену, проживающему в добровольном изгнании в США, в связи с делом о государственном перевороте 15 июля 2016 г.

⁴Erdogan: How Turkey sees the crisis with the U.S. // The New York Times. 10.08.2018.

⁵Ibidem.

ошибочного представления о том, что наши отношения могут быть асимметричными, и смириться с тем фактом, что у Турции есть альтернативы»⁶.

Еще 10 лет назад представить себе появление подобной статьи в одной из ведущих американских газет было крайне сложно. Сегодня столь смелые высказывания турецкого руководства в адрес американских властей уже мало кого удивляют. Спустя три дня в журнале вышла статья одного из ведущих американских экспертов по Турции, старшего научного сотрудника по изучению Ближнего Востока и Африки Совета по международным отношениям С. Кука. По его словам, президент Р.Т. Эрдоган рассказал только половину истории, заставив читателей поверить в то, что Турция — надежный союзник и партнер — стала жертвой стратегических просчетов Вашингтона. С. Кук же обращал внимание на то, что у Соединенных Штатов имелся свой список претензий к Анкаре, и возлагал вину за ухудшение отношений между странами на турецкое руководство, при этом критикуя турецкую политику администрации Б. Обамы и хваля администрацию Д. Трампа за то, что она принимает меры для исправления ситуации⁷.

Большинство нынешних противоречий между Анкарой и Вашингтоном действительно возникли еще до прихода Д. Трампа в Белый дом. В этой связи особое значение приобретает вопрос о предпосылках ухудшения отношений давних стратегических партнеров и союзников, которые еще в 2009 г. — по инициативе администрации Б. Обамы — предприняли попытку выстроить «образцовое партнерство» («model partnership»).

Кризис отношений США и Турции уже становился предметом рассмотрения как в российской, так и в зарубежной литературе.

В России к изучению отношений двух стран в период президентства Б. Обамы обратились относительно недавно. Актуальность эта проблематика приобрела главным образом в контексте сирийского конфликта и продолжающейся трансформации региона Ближнего Востока. Одна из наиболее близких по тематике работ принадлежит перу известного специалиста по истории американско-турецких отношений, доцента кафедры всеобщей истории и политических наук Вятского государственного университета И.В. Смольняка. В ней он рассмотрел политику США в отношении Турции до и после «Арабского пробужде-

⁶ Ibidem.

⁷ Cook S. Trump is the first president to get Turkey right // Foreign Policy. 13.08.2018.

ния», сконцентрировавшись на проблемах сотрудничества двух стран в военной области, и в контексте борьбы с терроризмом на Ближнем Востоке и пришел к выводу, что недоверие между США и Турцией усилилось за годы правления администрации Б. Обамы, когда американо-турецкий альянс подвергся серьезным испытаниям [Смоляняк, 2017]. Отдельные аспекты американо-турецкого партнерства нашли освещение в публикациях старшего научного сотрудника Российского института стратегических исследований И.А. Свистуновой. В одной из своих работ она представила подробный анализ военно-стратегического и политического сотрудничества США и Турции на Ближнем Востоке [Свистунова, 2014]. Еще одно исследование этого автора было посвящено эволюции американо-турецкого взаимодействия в сфере безопасности на ближневосточном направлении в 1990–2010-е годы. По мнению эксперта, стержневую роль в отношениях США и Турецкой Республики играли связи в рамках Североатлантического альянса [Свистунова, 2016]. Эволюцию взаимодействия Турецкой Республики с Европейским союзом и Соединенными Штатами Америки в вопросах безопасности и их подходы к борьбе с терроризмом в 1990–2010-е годы исследовал также доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ П.В. Шлыков [Шлыков, 2017]. К развитию партнерства двух стран на ближневосточном направлении во многих своих работах обращалась и тюрколог, доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО И.И. Иванова. В одной из них она осветила те события на Ближнем Востоке, которые оказали влияние на логику и динамику развития американо-турецких отношений на ранних этапах президентства Б. Обамы, уделив основное внимание проблемам, возникшим из-за различий в подходах США и Турции к Израилю и Ирану⁸.

Вместе с тем приходится констатировать, что перечень отечественных работ, которые охватывали бы заявленный хронологический период, невелик. Это связано с тем, что в российской историографии наибольшее внимание было сосредоточено на событиях после 2011 г. — начале «Арабского пробуждения» и конфликте в Сирии, когда в дела Ближнего Востока стала в большей степени вовлекаться Россия. Развитие американо-ту-

⁸ Иванова И.И. Ближний Восток в турецко-американских отношениях // Институт востоковедения РАН. 2010. Доступ: <https://mgimo.ru/upload/iblock/ced/ced42227a057240ad15a90a925f8f226.pdf> (дата обращения: 10.02.2019).

рецкого взаимодействия в предыдущие годы остается до сих пор изученным в существенно меньшей степени.

В зарубежной же научной литературе взаимоотношениям США и Турции в первые годы президентства Б. Обамы было посвящено гораздо больше работ. Стоит отметить, что приход в 2009 г. к власти новой администрации и связывавшиеся с ней в турецком обществе ожидания позитивных перемен в отношении двух государств нашли отражение в ряде исследований об эволюции американо-турецкого партнерства [Arı, 2010; Türkmen, 2012]. На наш взгляд, важно также обратить внимание на то обстоятельство, что и американские, и турецкие авторы активно оперировали ключевыми терминами, которые появились в дискурсе в данный период и пока мало знакомы российскому читателю. В первую очередь речь идет как раз о понятии «образцовое партнерство» между США и Турцией, которое встречается в трудах многих исследователей [Han, 2010; Gözen, 2010; Kardaş, 2011; Walker, 2010; Yılmaz, 2011a, 2011b; Williams, 2011; Aslan, 2012; Türkmen, 2012].

Вместе с тем, несмотря на обилие работ о развитии американо-турецких отношений в первые годы президентства Б. Обамы, ни в одной из них нет четкой трактовки данного концепта. При этом для зарубежной историографии весьма характерна попытка объяснить многие изменения (положительные и отрицательные) в американо-турецком партнерстве появлением «новой» Турции и трансформацией ее глобальной и региональной политики [Türkmen, 2009; Kalın, 2010; Larrabee, 2010a, 2010b, 2011; Sims, 2010; Taşpınar, 2011].

Особый интерес для нашего исследования представляли труды, посвященные «израильскому» и «иранскому» вопросам в двусторонних отношениях [например: Özhan, 2010; Üstün, 2010; Çakmak, Güneysu, 2013], поскольку, по мнению большинства ученых, во время этих кампаний кризисные тенденции в развитии американо-турецкого взаимодействия проявились наиболее ярко. Вместе с тем в указанных работах нет четкого ответа на вопрос, почему это произошло при Б. Обаме в 2009–2010 гг.

Предлагаемая статья призвана восполнить этот пробел. Цель автора — понять истоки кризиса в американо-турецких отношениях через осмысление сложностей, с которыми США и Турция столкнулись на пути воплощения в жизнь предложенной администрацией Б. Обамы концепции «образцового партнерства».

Для решения поставленной задачи в статье сначала будут кратко затронуты ключевые изменения в логике поведения Турции на международной арене после прихода к власти Партии справедливости и развития в 2002 г., раскрыты истоки и содержание концепции «образцового партнерства» и рассмотрены первые шаги по восстановлению доверия между Вашингтоном и Анкарой, предпринятые США при администрации Б. Обамы. Далее внимание будет сосредоточено на развитии взаимоотношений Турции с Израилем и Ираном, которые в наибольшей степени способствовали резкому торможению процесса реализации «образцового партнерства». Наконец, в последних разделах статьи будет раскрыто содержание развернувшейся на фоне ухудшения американо-турецких отношений в обеих странах дискуссии о внешнеполитической идентичности Турции и прочности декларируемого партнерства и определены факторы, способствовавшие смягчению разногласий между Вашингтоном и Анкарой перед началом «Арабского пробуждения», несмотря на ряд препятствий и политических скандалов.

* * *

Пришедшая в 2002 г. к власти в Турции Партия справедливости и развития (ПСР) приступила к пересмотру положения страны в системе международных отношений. К середине 2000-х годов одним из внешнеполитических принципов ПСР стала установка на «ноль проблем с соседями», предполагавшая нормализацию отношений с пограничными странами и регионами [см.: Murinson, 2006; Danforth, 2008; Kramer, 2010; Abramowitz, Edelman, 2013]. Это позволило Турции наладить диалог со многими государствами, не входившими в круг ее традиционных партнеров, например с Ираном, Сирией, Россией⁹. Подтверждением серьезности намерений руководителей ПСР «обнулить проблемы» с соседями стал и запущенный в 2008 г. переговорный процесс с Арменией.

Однако у «добрососедской» политики обнаружились «побочные эффекты»: она не позволяла находиться в дружественных отношениях одновременно со всеми. Так, лидерам ПСР удалось наладить диалог с Ираном и Сирией, но вместе с тем наблюдалось ухудшение на израильском направлении. Критика

⁹ Например: Weitz R. The new United States-Turkey partnership: A view from Washington. Rethink Paper no. 7. December. Washington, D.C.: Rethink Institute, 2012. P. 1.

региональной политики израильских властей и их действий в отношении сектора Газа со стороны Анкары усиливалась с каждым годом.

При этом Турция сохранила западный (европейский) вектор внешней политики в качестве приоритетного. В первые годы своего правления ПСР провела важные политические и экономические преобразования, начала переговоры с Брюсселем о вступлении страны в Европейский союз. Однако нерешенность многолетнего кипрского спора и принятие в 2004 г. Республики Кипр в состав ЕС стали серьезными преградами на пути евроинтеграции Турции. К концу 2008 г. поставленная цель не была достигнута, однако от сотрудничества с Европой и западным миром в целом Анкара не собиралась отказываться.

Продолжало развиваться и военно-стратегическое взаимодействие Турции с ее союзниками по НАТО. На турецкой территории сохранялись военные объекты Североатлантического альянса; ее географическое положение имело стратегическое значение для проведения операций в Ираке и Афганистане. Многочисленная армия (вторая после США) также выделяла Турцию среди членов НАТО, не меньшее значение имел и ее политический вес в альянсе. Во многих вопросах Анкара занимала принципиальную позицию, и ей удавалось добиваться значимых уступок от своих партнеров по блоку. Например, в Афганистане турецкие военнослужащие не участвовали в боевых действиях, а занимались лишь реализацией программ, направленных на содействие развитию и безопасности этой страны.

Другой важной внешнеполитической инициативой ПСР стала проактивная, упреждающая мирная дипломатия, нацеленная на предотвращение возникновения кризисов и их эскалации до критического уровня¹⁰. Региональная политика Турции опиралась на идеи «безопасности для всех», политического диалога на высоком уровне, экономической интеграции, взаимозависимости и сосуществования различных культур¹¹.

Эти принципы были реализованы, в частности, на иракском направлении. Ситуация в соседней стране воспринималась Анкарой сквозь призму курдского вопроса и борьбы с Рабочей партией Курдистана (РПК). Появление автономной курдской области

¹⁰ Article by H.E. Ahmet Davutoğlu published in Foreign Policy magazine (USA) on 20 May 2010 // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Available at: http://www.mfa.gov.tr/article-by-h_e_-ahmet-davutoglu-published-in-foreign-policy-magazine-_usa_-on-20-may-2010.en.mfa (accessed: 01.09.2018).

¹¹ Ibidem.

на севере Ирака вызывало серьезное беспокойство турецкого руководства, которое воспринимало это как предпосылку для активизации РПК и усиления сепаратистских настроений среди турецких курдов. В этих условиях возникали серьезные угрозы безопасности Турции и ее территориальной целостности. После ряда военных операций против сил РПК Анкара совершила разворот на 180 градусов. Во второй половине 2000-х годов турецкое правительство подписало соглашения с иракскими курдами об импорте нефти, начало официальный диалог с Региональным правительством Курдистана и сократило свое сотрудничество с Фронтом иракских туркоман [см.: Barkey, 2010: 2–3]. К началу 2009 г. угроза национальной безопасности Турции, исходившая от РПК, была снижена.

Фактор безопасности сыграл ключевую роль и в американо-турецких отношениях. В годы президентства Дж. Буша-мл. в них произошел глубокий и продолжительный спад¹². Несмотря на то что отношения улучшились после решения Белого дома предоставить Анкаре «оперативную информацию» о деятельности РПК в конце 2007 г., сдвиг в политике США случился слишком поздно, чтобы оказать серьезное влияние на турецкое руководство [Larrabee, 2010c: 175–176]. По мнению главы отдела европейской безопасности «Корпорации РЭНД» Ф.С. Лэрреби, нежелание Вашингтона помочь Турции в ее борьбе против РПК привело к значительной напряженности во взаимоотношениях и резкому росту антиамериканских настроений среди турок. По оценкам Исследовательского центра Пью (Pew Research Center), в 2008 г. лишь 12% турецких граждан относились к Соединенным Штатам позитивно (для сравнения: в 2000 г. — 52%)¹³.

По словам бывшего посла США в Турции М. Пэрриса, к концу 2008 г. отношения двух стран находились в худшем состоянии, чем в начале правления республиканца Дж. Буша-мл. [Parris, 2008: 5]. Ситуацию требовалось срочно исправлять, и победа на президентских выборах кандидата от Демократической партии Б. Обамы давала на это определенные надежды.

¹² Турецкий парламент отказался предоставить Соединенным Штатам доступ к военным базам на турецкой территории для атаки Ирака с севера. В марте 2003 г. он проголосовал против принятия соответствующей резолюции. Однако впоследствии дал такое право США для проведения военной кампании в Ираке.

¹³ Global public opinion in the Bush years (2001–2008) // Pew Research Center. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2008/12/18/global-public-opinion-in-the-bush-years-2001-2008/> (accessed: 26.07.2018).

В целом у команды Б. Обамы на момент объявления результатов выборов в ноябре 2008 г. отсутствовала продуманная стратегия в отношении Турецкой Республики. В ходе предвыборной кампании будущий президент упоминал Анкару лишь тогда, когда речь заходила о событиях 1915 г. в Османской империи, которые он квалифицировал как геноцид¹⁴. Только спустя месяц после президентских выборов, в декабре 2008 г., была опубликована программа Обамы–Байдена «Более крепкое партнерство с Европой для более безопасной Америки»¹⁵, в которой налаживание тесных отношений со стабильной, демократической, ориентированной на Запад Турцией определялось как «важный национальный интерес США».

Новое американское руководство осознавало важность для Анкары вопроса об обеспечении безопасности перед лицом террористической угрозы, источником которой выступала РПК. Раскол Ирака вследствие новых вооруженных столкновений турецких военнослужащих с курдскими боевыми подразделениями был весьма нежелательным для американцев в свете запланированного вывода войск из этой страны. Программа Обамы–Байдена постулировала необходимость содействия сближению турок и курдов Северного Ирака для достижения ими согласия о противодействии РПК, территориальной целостности Турции и турецких инвестициях для оживления двусторонней торговли¹⁶. Новая американская администрация демонстрировала, что признает право Турецкой Республики на защиту от террористической угрозы. Уже 23 января 2009 г. Вашингтон, Анкара и Багдад договорились о создании на севере Ирака совместного оперативного центра для сбора разведанных на бойцов РПК. Для Турции это означало в первую очередь укрепление ее безопасности и получение гарантий территориальной целостности. Первый шаг на пути американо-турецкого сближения демократами был сделан.

¹⁴ Barack Obama on the importance of US-Armenia relations. Statement // Vote Smart. 19.01.2008. Available at: <https://votesmart.org/public-statement/314330/barack-obama-on-the-importance-of-us-armenia-relations&speechType=6> \1 “XOLDOS9eMgo (accessed: 28.07.2018).

¹⁵ Obama B., Biden J. A stronger partnership with Europe for a safer America // Scribd. 08.12.2008. Available at: <https://ru.scribd.com/document/6245758/Barack-Obama-Joe-Biden-A-Stronger-Partnership-with-Europe-for-a-Safer-America> (accessed: 19.08.2018).

¹⁶ Ibidem.

Команде Б. Обамы было необходимо выработать собственный подход к взаимодействию с Анкарой. Мощную интеллектуальную и информационную поддержку ей оказали в этом различные аналитические центры США и ведущие американские специалисты по Турции. Пожалуй, ключевую роль сыграл Институт Брукингса. Наравне с главным экспертом по американо-турецким отношениям — О. Ташпынаром [Taşpınar, 2009] — свои рекомендации касательно турецкой стратегии Б. Обамы также давали бывший посол США в Турции М. Пэррис¹⁷ и директор по европейским делам в Совете национальной безопасности при администрации У. Клинтона Ф. Гордон [Gordon et al., 2008]. Последний был назначен Б. Обамой советником госсекретаря США по делам Европы и Евразии и в команде нового президента стал известен как активный сторонник сближения двух стран.

Значительный вклад в разработку турецкой политики администрации Б. Обамы внес Центр за американский прогресс (ЦАП). В декабре 2008 г. его эксперты С.П. Бойер и Б. Катулис опубликовали доклад об американо-турецких отношениях под названием «Забытый альянс» [Boyer, Katulis, 2008], где заявляли, что 44-му президенту выпала уникальная возможность по-новому выстроить взаимодействие с Турцией. Предполагалось развивать партнерство по трем основным географическим направлениям: Ближний Восток; Южный Кавказ и Центральная Азия; Европа.

На ближневосточном направлении приоритетными задачами были обозначены установление двустороннего диалога с Турцией для формулирования и продвижения набора общих интересов и целей, сотрудничество в борьбе с РПК, развитие взаимодействия Анкары с Багдадом и Региональным правительством Курдистана, стабилизация Ирака для дальнейшей передислокации американских войск, поощрение развития турецко-израильских связей в целях содействия диалогу между Израилем и Сирией, совместная работа над решением «иранской ядерной проблемы», поддержка миротворческих усилий Турции в таких странах, как Ливан и Афганистан.

Рассматривая второе направление, эксперты ЦАП исходили из того, что географическое положение Турецкой Республики

¹⁷ Parris M. Memorandum to President-elect Obama, re: Turkey // Brookings Institution. 12.11.2008. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/memorandum-to-president-elect-obama-re-turkey/> (accessed: 21.08.2018); Parris M. Prospect for U.S.-Turkish relations in the Obama era // Brookings Institution. 11.02.2009. Available at: <https://www.brookings.edu/on-the-record/prospect-for-u-s-turkish-relations-in-the-obama-era/> (accessed: 21.08.2018).

делало ее главным кандидатом на поставку энергоресурсов в Европу. Администрации Б. Обамы рекомендовалось уделить внимание процессу нормализации отношений Турции и Армении, а также продолжить сотрудничество в энергетической области со странами Центральной Азии.

Что касается третьего направления, то принятие Турции в Евросоюз оценивалось как критически важная задача, решение которой могло позитивно повлиять на безопасность и экономические интересы США. Эксперты советовали Белому дому предложить свое посредничество и продолжить настаивать на вступлении Турции в ЕС. Основные политические меры включали убеждение европейских союзников (в первую очередь Франции и Германии), разрешение кипрского вопроса, поощрение процесса демократизации Турции, а также расширение двусторонних инвестиционных, деловых, образовательных и культурных связей между Вашингтоном и Анкарой.

Интересно, что авторы доклада рекомендовали Б. Обаме сделать остановку в Турции в рамках его первой поездки по Европе в качестве президента США. Принципиально важным было то, что визит в эту страну должен был быть совершен в рамках европейского, а не ближневосточного турне. Это означало бы, что новая администрация считает членство Турецкой Республики в Европейском союзе и укрепление ее связей с Западом своей стратегической целью¹⁸.

Последующие события свидетельствуют о том, что многие идеи, высказанные экспертами близких к Демократической партии «мозговых трестов», были восприняты новой администрацией.

* * *

В первые месяцы президентства Б. Обамы демократы бросили все силы на восстановление позитивного настроения и доверия между Турцией и США¹⁹. С этой целью Вашингтон инициировал серию двусторонних встреч. В конце февраля 2009 г. в Анкару прибыл специальный посланник американского президента на Ближнем Востоке Дж. Митчелл. Дипломат объявил Турцию ключевым партнером США в регионе и призвал ее правительство приложить усилия к достижению всеобъемлющего мира на всей

¹⁸ Ibid. P. 3.

¹⁹ Brown I.T., Nyiri Z. Obama hopes for approval turnaround with Turkish public // Gallup. 03.04.2009. Available at: http://www.gallup.com/poll/117253/Obama-Hopes-Approval-Turnaround-Turkish-Public.aspx?g_source=position2&g_medium=related&g_campaign=tiles (accessed: 02.09.2018).

его территории²⁰. Вслед за Дж. Митчеллом турецкую столицу посетила глава Государственного департамента США Х. Клинтон. Лейтмотивом переговоров госсекретаря с турецкими властями стало намерение нового американского руководства продолжить сотрудничество с Турцией по вопросам, имевшим значение для обеих стран²¹.

Главным же событием нового этапа американо-турецкого партнерства стал визит Б. Обамы в Анкару, который он совершил — в соответствии с рекомендациями ЦАП — в начале апреля 2009 г. в рамках первого заокеанского турне.

Примечательно, что эта поездка проходила в довольно напряженной атмосфере. Дело в том, что накануне в Конгресс был внесен проект резолюции о признании событий 1915 г. в Османской империи²² геноцидом, против чего Турция, не опровергая факта массовой гибели армянского населения, ожесточенно выступает. Стремясь завоевать доверие Анкары и турецкой общественности, новая администрация предпочла не идти на обострение.

6 апреля президент Б. Обама выступил перед Великим национальным собранием Турции. Он не использовал слово «геноцид» в своей речи, но призвал турецкое руководство наладить отношения с Ереваном [см., например: Bengür, 2009: 44–45]. Помимо этого новый американский президент обозначил основные направления совместной работы Турции и США на Южном Кавказе, в Восточном Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке и в Европе. Б. Обама достаточно подробно останавливался на тех сферах, в которых его администрация планировала привлечь Турцию к сотрудничеству²³. Озвученные им региональные и глобальные цели и задачи будущего партнерства Вашингтона и Анкары во многом перекликались с теми, которые ранее были определены экспертами ЦАП.

²⁰ Mitchell: Obama Türkiye'yi takdir ediyor // Milliyet. 26.02.2009.

²¹ Joint Statement by Turkey and the United States of America on the Occasion of the Visit of U.S. Secretary of State Hillary Rodham Clinton Upon the Invitation of Minister of Foreign Affairs of Turkey Ali Babacan. 07.03.2009 // U.S. Department of State. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/03/120113.htm> (accessed: 26.07.2018).

²² H.Res.252 — Affirmation of the United States Record on the Armenian Genocide Resolution. 111th Congress (2009–2010). March 2009 // U.S. Congress. Available at: <https://www.congress.gov/bill/111th-congress/house-resolution/252/text> (accessed: 15.08.2018).

²³ Remarks by President Obama to the Turkish Parliament // The White House. 06.04.2009. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-obama-turkish-parliament> (accessed: 29.07.2018).

На совместной с турецким президентом А. Гюлем пресс-конференции Б. Обама провозгласил «образцовое партнерство» между США и Турцией. Речь шла о сотрудничестве «преимущественно христианской и преимущественно мусульманской наций, западной страны и страны, расположенной на двух континентах»²⁴. Фактически признав растущую роль ислама и исламских ценностей в Турции, Б. Обама тем самым дал понять, что религиозная идентичность этого государства становилась важным фактором для формирования «набора решений, которые ликвидировали бы разрыв между мусульманским миром и Западом»²⁵. Другой особенностью будущего партнерства была определена совместная работа сразу в трех «измерениях»: политическом, военно-стратегическом, а также экономическом²⁶.

Концепт «образцового партнерства» вызвал большой интерес в обеих странах. Развернулась активная дискуссия относительно его содержательного наполнения [см., например: Han, 2010; Sims, 2010; Kardaş, 2011; Williams, 2011; Yılmaz, 2011a]. Однако ясности в отношении того, какой смысл администрация Б. Обамы вкладывала в новый термин, не было. По мнению К.Б. Каната, эксперта турецкого Фонда политических, экономических и социальных исследований (Siyaset, Ekonomi ve Toplum Araştırmaları Vakfı, SETA), с 1990-х годов каждая американская администрация предлагала свой вариант обозначения партнерства, но ни одной не удавалось определить, в каком формате должны быть построены долгосрочные отношения [Kanat, 2015: 13]. Любое новое руководство Белого дома, предлагавшее какое-то риторическое обрамление американо-турецкого взаимодействия, сталкивалось с невозможностью сохранять в общении с Турцией позитивный настрой в течение длительного времени: разногласия в двусторонних отношениях возникали неизбежно. Провозглашение «образцового партнерства» К.Б. Канат считал закономерным процессом. С его точки зрения, ситуативные и стратегические союзы всегда возникали вследствие региональных кризисов, и как только эти кризисы разрешались, американо-турецкие отношения неизбежно сталкивались с отсутствием какого-либо ориентира [Kanat, 2015: 13]. Администрации Б. Обамы нужно было предложить такой ориентир, что и было сделано президентом во время его

²⁴ Joint Press Availability with President Obama and President Gül of Turkey // The White House. 06.04.2009. Available at: <https://www.historycentral.com/Bio/Obama/Obama1/Gul.html> (accessed: 29.07.2018).

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibidem.

первой поездки в Турцию. Нам представляется обоснованным и мнение К.Б. Каната о том, что появление концепта «образцового партнерства» пришлось на относительно «мирное» время, когда отсутствовали острые региональные кризисы, а в отношениях США и Турции не было непреодолимых противоречий.

В Анкаре признавали важность идейного обновления двустороннего сотрудничества и горячо поддерживали предложенный Б. Обамой концепт. По определению эксперта Вашингтонского Центра стратегических и международных исследований Б. Алиризы, послание американского президента стало «глотком свежего воздуха для правительства Р.Т. Эрдогана»²⁷. Назначенный в апреле 2009 г. новым главой МИД «архитектор» современной внешней политики Турции А. Давутоглу стал в правительстве Гюля–Эрдогана одним из сторонников активного взаимодействия с Соединенными Штатами. На 28-й ежегодной конференции по отношениям США и Турции, организованной Американо-турецким советом (American Turkish Council), он объявил о том, что «образцовое партнерство» было «не вопросом выбора, а необходимостью»²⁸. Позитивный старт давал надежду на начало совершенного нового, уникального по своему характеру этапа американо-турецкого сотрудничества.

Трансформация политического дискурса предполагала качественное изменение американского подхода к Турции. Выделение третьего, экономического, «измерения» в рамках «образцового партнерства», на первый взгляд, стало главным «нововведением» администрации Б. Обамы. Однако эта сторона американо-турецкого взаимодействия всегда присутствовала, о чем свидетельствовал тот факт, что занимавшая 17-е место среди ведущих экономик мира Турецкая Республика была объявлена в Соединенных Штатах «приоритетным рынком» для американского бизнеса. По нашему мнению, Б. Обама лишь формально выделил торгово-экономическое сотрудничество в качестве самостоятельного направления, заслуживающего особого вни-

²⁷ Aliriza B. President Obama's trip to Turkey: Building a 'model partnership'. Turkey Update // The Center for Strategic and International Studies. 08.04.2009. Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/090408_turkey_update.pdf (accessed: 25.07.2018).

²⁸ Speech Delivered by the Minister of Foreign Affairs H.E. Ahmet Davutoğlu at the 28th Annual Conference on US-Turkish Relations Organized by ATC-DEIK: 'Turkey-US relations: A Model Partnership, Global and Regional Dimensions'. Washington, D.C. 02.06.2009 // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Available at: http://www.mfa.gov.tr/minister_s-speechat-the-28th-annual-conference-on-us-turkish-relations.en.mfa (accessed: 25.09.2018).

мания. Акцентирование этой составляющей отношений Турции и США было продиктовано необходимостью более решительных действий в сфере экономики и энергетики. Почти сразу после визита Б. Обамы в Анкару была запущена «Рамочная программа стратегического экономического и торгового сотрудничества» (Framework for Strategic Economic and Commercial Cooperation, FSECC). Чуть позднее заработал Турецко-американский деловой совет (Turkey-U.S. Business Council), призванный определять возможные пути укрепления двусторонних экономических отношений и разрабатывать политические рекомендации.

В целом 2009 год прошел для Вашингтона и Анкары на позитивной ноте. Турецкие власти также активно поддерживали идею «образцового партнерства». Во время визита Р.Т. Эрдогана в США в декабре 2009 г. премьер-министр Турции подтвердил намерение своего правительства придерживаться новой парадигмы: «Сейчас предпринимаются важные шаги для того, чтобы продолжать развивать наши двусторонние отношения, чтобы придать большее значение термину “образцовое партнерство”», — заявил турецкий лидер²⁹. Однако премьер-министр не пояснил, какой смысл он и его окружение вкладывали в это понятие. По всей видимости, предложенная Б. Обамой идея в Турции также была принята главным образом как риторическое оформление двусторонних отношений.

Однако в правительстве Р.Т. Эрдогана далеко не все разделяли мысль, что «образцовое партнерство» двух стран развивается на условиях равенства и взаимного уважения. В этом плане весьма показательным было содержание опубликованной в феврале 2010 г. статьи главного советника премьер-министра Турции по внешней политике И. Калына [Kalin, 2010], одной из ключевых фигур в правительстве Р.Т. Эрдогана. Успех страны, «восходящей» региональной державы, он объяснял ее стремлением использовать те новые возможности, которые предоставляла глобализация, и быстрым экономическим ростом. Рассуждая о состоянии американо-турецкого партнерства на современном этапе, И. Калын рекомендовал новому руководству США поддерживать хорошие отношения с Турцией и учитывать фундаментальные принципы ее внешней политики. Высокопоставленный

²⁹ Remarks by President Obama and Prime Minister Erdogan of Turkey after Meeting // The White House. 07.12.2009. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-obama-and-prime-minister-erdogan-turkey-after-meeting> (accessed: 30.07.2018).

турецкий чиновник также предупреждал, что нежелание США принимать изменения не только в глобальной политике, но и во внешнеполитической стратегии другого государства, а также масштаб и глубина тех международных проблем, над решением которых работали две страны, могли привести к трениям и серьезным разногласиям между ними [Kalın, 2010]. В дальнейшем вышедшие на первый план на фоне провозглашения «образцового партнерства» противоречия между Вашингтоном и Анкарой в решении отдельных региональных вопросов наглядно показали, что рассуждения турецкого политика оказались верными.

* * *

В первую очередь необходимо остановиться на проблемах американо-турецкого взаимодействия в годы президентства Б. Обамы, возникших в связи со стремительным ухудшением отношений Турции и Израиля.

Несмотря на то что новая администрация попыталась продолжить выработанный предыдущим правительством подход, ориентированный на активное вовлечение Анкары и Тель-Авива в решение региональных проблем, к началу 2009 г. отношения между двумя ближневосточными союзниками США были уже накалены. В декабре 2008 г. Израиль начал в секторе Газа военную операцию «Литой свинец», что стало полной неожиданностью для правительства Турции, поскольку несколькими днями ранее израильские официальные лица выражали намерение искать пути только мирного урегулирования палестинно-израильского конфликта. Лидеры ПСР расценили действия Тель-Авива как предательство интересов Анкары и удар по их дружбе и призвали правительство Б. Нетаньяху прекратить блокаду Газы.

В начале января 2009 г. Американский еврейский комитет потребовал от Р.Т. Эрдогана прекратить резкие высказывания в адрес Израиля, однако это не оказало воздействия на турецкое правительство. Затем произошел «давосский инцидент». 29 января 2009 г. на Международном экономическом форуме в Давосе (Швейцария) на одну из конференций были приглашены премьер-министр Р.Т. Эрдоган и президент Израиля Ш. Перес. После речи израильского лидера неожиданно для всех слово взял турецкий политик. «Вы хорошо знаете, как убивать людей», — заявил Р.Т. Эрдоган, осуждая действия израильских войск в Газе. После словесной перепалки премьер-министр демонстративно покинул зал заседания, заявив, что «на этом Давос для него

закончился»³⁰. Демарш главы турецкого правительства стал не просто актом протеста против Израиля, но и открытым жестом солидарности с мусульманским миром.

Администрация Б. Обамы предпочла не обострять ситуацию и попыталась выйти на конструктивный диалог с турецким руководством. Направившийся в Анкару одним из первых после этих событий спецпосланник президента Дж. Митчелл призывал турецкие власти продолжить сотрудничество с израильским правительством. Главным образом он предлагал руководителям Турции вновь «сыграть уникальную роль в мирных переговорах» между Израилем и Сирией³¹. Об этом же просила Анкару и госсекретарь США Х. Клинтон. Однако раз за разом просьбы американской администрации наладить с Израилем отношения оставалась неслышанными.

Переход турецко-израильского противостояния на новый уровень случился уже осенью 2009 г. Политический конфликт двух стран перекинулся на военно-стратегическую сферу. В октябре Турция отказала Израилю в участии в ежегодных учениях военно-воздушных сил «Анатолийский орел». В ответ на это США отозвали собственную заявку³², продемонстрировав солидарность с Израилем. Это не осталось без внимания Анкары: осенью того же года американцы не сумели убедить турок принять участие в решении ряда важных для них региональных вопросов, в частности оказать посредничество в сирийско-израильских переговорах³³.

К концу 2009 г. будущее сотрудничества в трехстороннем формате — США, Турция, Израиль — оставалось неопределенным. Несмотря на то что в Вашингтоне признавали право Анкары развивать отношения не только с западным миром, но и со странами Ближнего Востока, стремительное дистанцирование израильтян и турок друг от друга воспринималось в администрации Б. Обамы довольно болезненно. Это могут подтвердить слова заместителя госсекретаря США по делам Европы и Евразии Ф. Гордона, раскритиковавшего турецкое руководство за его избирательный подход. «Когда Турция говорит, что хочет обеспечить “ноль проблем” со своими соседями и иметь с ними

³⁰ Davos'ta kriz // CNN Turk. 29.01.2009.

³¹ ABD özel temsilcisi Mitchell: 'Bölgenin güvenliği ve ferahı için birlikte çalışabiliriz' // Cihan. 26.02.2009.

³² Israel hits back at Turkey over scuppered air force drill // Haaretz. 11.10.2009.

³³ US says would welcome Tukey's mediation in Israel-Syria talks // Today's Zaman. 26.11.2009.

хорошие партнерские отношения, я думаю, многие американцы надеются, что в их числе есть и Израиль», — заявил представитель Госдепартамента в ходе своего визита в Анкару в ноябре 2009 г.³⁴ Однако надежды американских властей на скорейшее восстановление конструктивного диалога между двумя странами так и не оправдались: отношения недавних союзников продолжали ухудшаться.

Кульминацией стали трагические события, случившиеся весной 2010 г. в Средиземном море. В ночь с 30 на 31 мая у берегов Израиля произошло столкновение между израильским пограничным спецназом и активистами правозащитного пропалестинского движения «Свободная Газа» («Free Gaza Movement») и турецкого Фонда защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи (İnsan Hak ve Hürriyetleri ve İnsani Yardım Vakfı — ИНН, Humanitarian Relief Foundation)³⁵. Направлявшаяся в сектор Газа с гуманитарной помощью «Флотилия свободы» в 72 милях от берегов Израиля была остановлена десантным подразделением «13-я флотилия ВМС Израиля» («Шайетет-13»). Пассажиры на одном из кораблей «Mavi Marmara» оказали сопротивление, в результате столкновения погибли 9 и были ранены более 30 человек³⁶. Разразился громкий международный скандал.

Данный инцидент привел к свертыванию сотрудничества Турции и Израиля почти во всех областях [Arbell, 2014: 2]. Анкара отозвала своего посла из Тель-Авива и выдвинула весьма жесткие условия для примирения. В скором времени Турция вновь отсекла Израиль от участия в военно-воздушных учениях «Анатолийский орел», запланированных на июнь. Открытая конфронтация недавних союзников и партнеров США на Ближнем Востоке стремительно приобретала затяжной характер.

В конфликте Турции и Израиля администрация Б. Обамы предпочла занять максимально осторожную, нейтральную позицию. В заявлениях Госдепартамента трагические события

³⁴ U.S.-Turkey Relations. Remarks. Philip H. Gordon. Assistant Secretary, Bureau of European and Eurasian Affairs. Press Event at U.S. Embassy, Ankara. Ankara, Turkey. 12.11.2009 // U.S. Department of State. Available at: <https://2009-2017.state.gov/p/eur/rls/rm/2009/132649.htm> (accessed: 02.09.2018).

³⁵ Фонд защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи позиционирует себя как гуманитарная неправительственная организация, работающая на добровольных началах, но ей также приписывают связи с такими группировками, как «ХАМАС».

³⁶ См. подробнее: Migdalovitz C. Israel's blockade of Gaza, the Mavi Marmara incident, and its aftermath // Congressional Research Service. 23.06.2010. P. 2–3.

на «Mavi Marmara» представлялись как инцидент с участием только Израиля и были сведены к проблеме улучшения условий поставки гуманитарной помощи в сектор Газа³⁷. Однако сохранять полный нейтралитет Вашингтону все же не удавалось. Так, вице-президент США Дж. Байден открыто выражал поддержку израильской стороне, оправдывая ее действия тем, что «у Израиля есть полное право действовать в соответствии со своими интересами безопасности»³⁸.

В отличие от правительства, члены Конгресса были менее осторожны в своих высказываниях и действиях. Например, республиканец М. Пенс, конгрессмен от штата Индиана, осудив Анкару за инцидент с флотилией, рекомендовал турецким властям пересмотреть свою позицию по Израилю и другим странам в регионе. «Турции необходимо решить, отвечает ли ее нынешний курс ее долгосрочным интересам?» — задавался вопросом конгрессмен³⁹. 24 июня 2010 г. Сенат США одобрил резолюцию, объявившую пассажиров «Mavi Marmara» «экстремистами» и провозгласившую «неоспоримое право Израиля на самооборону»⁴⁰. Столь однозначная принципиальная позиция Конгресса в отношении Турции осложняла администрации Б. Обамы проведение более гибкой политики в данном вопросе.

* * *

Весьма серьезные сложности для американо-турецкого партнерства возникли и на иранском треке. Прорыва в решении ядерной проблемы Ирана Вашингтону в короткий срок добиться не удалось. В октябре 2009 г. Тегеран отверг предложение «Группы 5+1» и МАГАТЭ об обмене части своего низкообогащенного урана на ядерное топливо для реактора Тегеранского научно-исследовательского ядерного центра. К концу 2009 г. администрация

³⁷ Crowley P.J. Free Gaza Flotilla. Press Statement. 31.05.2010 // U.S. Department of State. Available at: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/05/142386.htm> (accessed: 30.08.2018).

³⁸ Biden: Israel has right to stop Gaza ships // FOXNEWS. 03.06.2010.

³⁹ Текст см.: Pence: Turkey needs to decide // Vote Smart. 10.06.2010. Available at: https://votesmart.org/public-statement/518377/pence-turkey-needs-to-decide#.XQBMYS_vUgo (accessed: 19.08.2018).

⁴⁰ S. Res. 548. To Express the Sense of the Senate that Israel Has Undeniable Right to Self-Defense, and to Confirm the Recent Destabilizing Actions by Extremists Aboard the Ship Mavi Marmara, 111th Congress. 24.06.2010 // GovInfo. Available at: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-111sres548ats/pdf/BILLS-111sres548ats.pdf> (accessed: 01.09.2018).

США начала закладывать основу для введения более жестких санкций против ИРИ, пытаясь консолидировать международное сообщество в случае занятия Тегераном конфронтационной позиции [Sims, 2010: 175–176].

Такой подход Вашингтона к решению иранского вопроса не устраивал Анкару, для которой Тегеран стал важным партнером в области торговли и энергетики. Новые ограничительные меры американцев неизбежно ударили бы по иранской экономике, что в свою очередь негативно отразилось бы и на деловых связях двух соседей. В условиях, когда введение санкций против Ирана становилось, по сути, делом времени, турецкие власти приняли решение активнее вовлечься в урегулирование вопроса об иранской ядерной программе. Такая возможность им выпала в ноябре 2009 г., когда генеральный директор МАГАТЭ М. аль-Барадеи предложил Ирану вывозить низкообогащенный уран в Турцию. Анкара дала свое согласие на участие в переговорах с Тегераном⁴¹, веря в возможность добиться от него необходимых уступок.

В Соединенных Штатах между тем усиление давления на Иран путем введения новых санкций посчитали наиболее эффективным методом воздействия. По словам прибывшего в ноябре 2009 г. в Турцию заместителя госсекретаря США по делам Европы и Евразии Ф. Гордона, американские власти рассчитывали, что Анкара будет помимо содействия решению «иранской ядерной проблемы» дипломатическим путем поддерживать продвигаемые американцами санкции. Он также скептически высказался по поводу того, что соглашение об обмене низкообогащенного урана убедит мировое сообщество в готовности иранского правительства отказаться от планов по созданию ядерного оружия⁴². В словах вашингтонского чиновника была достаточно четко отражена позиция американского руководства: какие-либо переговоры с Ираном и их результаты в администрации Б. Обамы на тот момент уже не собирались рассматривать всерьез.

Белый дом не оставлял попыток добиться от Турции ее полной поддержки нового пакета санкций против Ирана. Выступая

⁴¹ Еще одним участником переговоров с Ираном была Бразилия.

⁴² U.S.-Turkey Relations. Remarks. Philip H. Gordon. Assistant Secretary, Bureau of European and Eurasian Affairs. Press Event at U.S. Embassy, Ankara. 12.11.2009 // U.S. Department of State. Available at: <https://2009-2017.state.gov/p/eur/rls/rm/2009/132649.htm> (accessed: 28.07.2018).

17 марта 2010 г. в Институте Брукингса, Ф. Гордон достаточно позитивно отозвался о динамике американо-турецкого сотрудничества и роли Турции во внешней политике США, при этом призвав Анкару «присоединиться к широкой группе стран в Совете Безопасности ООН, стремящихся удержать Иран в рамках обязательств перед МАГАТЭ и СБ ООН»⁴³. Таким образом, руководство США давало понять, что по-прежнему не доверяет иранскому правительству.

Во время подготовки проекта резолюции для Совета Безопасности ООН, призванной ввести новый пакет санкций в отношении Ирана, США и страны «шестерки» получили неожиданные известия из ИРИ. 17 мая 2010 г. Турция, Бразилия и Иран подписали трехстороннее соглашение, по которому Тегеран соглашался передать Анкаре 1200 кг низкообогащенного (3,5%) урана в обмен на топливо для тегеранского реактора⁴⁴. Договоренности трех государств не вызвали одобрительной реакции со стороны США⁴⁵. В Белом доме сомневались в эффективности соглашения для решения «иранской ядерной проблемы»⁴⁶, поскольку были убеждены в том, что Иран, несмотря на достигнутую договоренность, вовсе не собирался отказываться от попыток завладеть ядерным оружием в будущем.

Неприятной новостью для администрации Б. Обамы стал не сам факт участия Анкары в переговорах с иранским руководством, а то, что Турция не пожелала согласовать с американской стороной условия договора и свои действия. США раскритиковали дипломатические старания турецкого и бразильского правительств, восприняв их как явное пренебрежение интересами участников шестисторонних переговоров с Ираном. Решение подписать документ без предварительного рассмотрения в МАГАТЭ в Вашингтоне также сочли неправильным. Однако

⁴³ The United States and Turkey: The view from the Obama administration. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 2010. P. 14.

⁴⁴ A copy of the Joint Declaration signed by Iran, Turkey and Brazil on 17 May 2010 // Federation of American Scientists. Available at: <https://fas.org/nuke/guide/iran/joint-decl.pdf> (accessed: 25.09.2018).

⁴⁵ Podesta J. The Unique Importance of the Turkish-American Relationship. 19.10.2010 // Center for American Progress. Available at: <https://www.americanprogress.org/issues/security/news/2010/10/19/8562/the-unique-importance-of-the-turkish-american-relationship/> (accessed: 19.08.2018).

⁴⁶ Press Briefing by Press Secretary Robert Gibbs // The White House. President Barack Obama. 17.05.2010. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/press-briefing-press-secretary-robert-gibbs-5172010> (accessed: 25.09.2018).

стоит отметить, что именно эта организация предложила Турции и Бразилии провести соответствующие переговоры. Встреча Б. Обамы с Р.Т. Эрдоганом на саммите по ядерной безопасности в Вашингтоне в апреле 2010 г. также подтверждала то, что в американском руководстве знали о продолжавшемся с осени 2009 г. переговорном процессе.

Анкара не оставила без ответа критику своих дипломатических усилий. Посол Турции в США Н. Тан назвал трехстороннее соглашение «мерой по созданию атмосферы доверия», заявив, что остался разочарован реакцией американской администрации. Тем самым он выразил настроение турецкого правительства⁴⁷. Кроме того, посол раскритиковал позицию США и их желание выбрать на иранском направлении стратегию принуждения. «Мы [турки. — А.А.] не верим в санкции. <...> Они не работают», — заявлял Н. Тан⁴⁸. В Соединенных Штатах его слова предпочли проигнорировать.

В начале лета 2010 г. правительству Турции, на тот момент имевшей статус непостоянного члена СБ ООН, предстояло сделать выбор: отвергнуть или поддержать санкции против Ирана. 9 июня Турция проголосовала против проекта резолюции СБ ООН № 1929⁴⁹, как и Бразилия. Это, конечно, не помешало введению нового пакета ограничительных мер, однако сделанный Анкарой выбор имел далеко идущие последствия для американо-турецкого партнерства.

* * *

Ухудшение отношений с Турцией (или их полный разрыв) из-за разногласий по израильскому и иранскому вопросам не отвечало политическим и геостратегическим интересам Вашингтона. На полях саммита «Группы двадцати», состоявшегося 26–27 июня 2010 г. в Торонто, Б. Обама встретился с Р.Т. Эрдоганом. Раскритиковав Турцию за то, что она в ходе голосования в СБ ООН «поступила не так, как подобает союзнику США»⁵⁰,

⁴⁷ Sanger D.E., Slackman M. U.S. is skeptical on Iranian deal for nuclear fuel // The New York Times. 17.05.2010.

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Resolution S/RES/1929 (2010). Security Council. 09.06.2010 // United Nations. Available at: https://www.iaea.org/sites/default/files/unsc_res1929-2010.pdf (accessed: 25.09.2018).

⁵⁰ Obama warns Erdogan international Gaza flotilla probe bad for Turkey // Haaretz. 03.07.2010.

американский лидер потребовал от своего визави смены позиции по Ирану, грозя в случае отказа прекратить поставки американских вооружений⁵¹.

В то же время Б. Обама попытался убедить турецкого премьер-министра улучшить отношения с Тель-Авивом, предложив со своей стороны приложить необходимые усилия для их нормализации. Слово свое он сдержал. В начале июля в Брюсселе состоялась тайная встреча турецкого министра иностранных дел А. Давутоглу и израильского министра промышленности, торговли и занятости Б. Бен-Элиэзера, нацеленная на поиск путей примирения⁵², на которой присутствовал также посол США в Турции Дж. Джеффри. Официально сообщалось о том, что американский дипломат не участвовал в переговорах. В интервью газете «Sabah» он заявил, что США не занимались посредничеством, а лишь поддерживали страны в их попытках разрешить имеющиеся спорные вопросы⁵³. Несмотря на это, переговоры прошли безрезультатно — стороны не помирились⁵⁴.

В Белом доме и Госдепартаменте принципиальная позиция Турции по израильскому и иранскому вопросам не воспринималась как серьезная причина для ее отдаления от Запада. На следующий день после беседы глав двух государств в Торонто заместитель госсекретаря США по делам Европы и Евразии Ф. Гордон заявил: в Вашингтоне верят в то, что «Турция по-прежнему сохраняет приверженность НАТО, Европе и Соединенным Штатам, но ей необходимо это продемонстрировать»⁵⁵. Обосновал он свои слова тем, что внешнеполитическая ориентация Анкары и ее партнерство с Западом были поставлены под сомнение в американском обществе⁵⁶. И он был прав.

Через кризисных ситуаций с участием Турции породила в американских политических и научных кругах немало споров о надежности Анкары как партнера и союзника. Стали выдвигаться разные версии о причинах смены вектора турецкой внешней политики. Наиболее обсуждаемой из них стала кон-

⁵¹ Dombey D. U.S. warns Turkey on Iran and Israel // Financial Times. 15.08.2010.

⁵² Israel and Turkey hold secret talks // Financial Times. 01.07.2010.

⁵³ Arabulucu değiliz // Sabah. 02.07.2010.

⁵⁴ Официальное перемирие между странами произошло в марте 2013 г. по личной инициативе Б. Обамы.

⁵⁵ Desmond B. United States presses Turkey to improve relations with West // Associated Press. 26.04.2010.

⁵⁶ Ibidem.

цепция «смещении оси» (axis shift)⁵⁷, получившая популярность в США еще в 2000-е годы. В общих чертах суть ее сводилась к тому, что внутренняя и внешняя политика современной Турецкой Республики — это результат изменений, инициированных ПСР с целью «развернуть» Турцию на Восток. Летом 2010 г. идея получила новый импульс для развития. «Израильский» и «иранский» кризисы явно выбивались из первоначального представления демократов об «образцовом партнерстве» — тесном сотрудничестве с прозападной Турцией. О том, что делать в сложившейся ситуации с недавним «образцовым» партнером и союзником, говорили и на специальных слушаниях в Комитете по иностранным делам Палаты представителей США, состоявшихся 28 июля 2010 г. Их участники сформулировали немало конкретных претензий к Анкаре: критика Израиля, поддержка движения «ХАМАС», непризнание событий 1915 г. как геноцида армян, препятствование решению кипрского вопроса, отсутствие в стране свободы слова и печати, а также затягивание с возобновлением работы Духовной семинарии на Халки⁵⁸. Директор программы по изучению Турции в Вашингтонском институте ближневосточных исследований С. Чагаптай даже озвучил мнение, что ПСР руководствуется не исламом, а исламизмом и что премьер-министр Р.Т. Эрдоган и его правительство предпочли встать на сторону исламистов, а не Запада⁵⁹. Неожиданно «исламская идентичность», которую президент Б. Обама с трибуны турецкого парламента называл важной чертой современной демократической Турции, теперь преподносилась как серьезная помеха для сотрудничества с этой страной.

Турецкое общество и правительство были уязвлены подходом американцев к оценке дипломатических усилий Анкары и ее действий на региональной арене в целом. В турецких политических и академических кругах считали сомнения в верности страны своим обязательствам перед западными партнерами и

⁵⁷ Например: Werz M. The new Levant. Understanding Turkey's shifting roles in the Eastern Mediterranean. Washington, D.C.: Center for American Progress, 2010.

⁵⁸ Халкинская богословская школа была религиозным учебным заведением, в котором обучали и готовили представителей духовенства для Константинопольского патриархата. В 1971 г. семинария была закрыта по решению Конституционного суда Турции.

⁵⁹ U.S. Congress. Turkey's New Foreign Policy Direction: Implications for U.S.-Turkish Relations. Hearing Before the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. Serial No. 111–113. P. 39 // U.S. Government Publishing Office. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-111hhrg57688/html/CHRG-111hhrg57688.htm> (accessed: 25.09.2018).

союзниками несправедливыми и необоснованными. Исследователь К. Устюн (Колумбийский университет, США) счел решение Турецкой Республики проголосовать против введения санкций в отношении Ирана в условиях международной критики в ее адрес важной вехой в эволюции ее внешнеполитической деятельности. Турции было важно поддержать сделку по обмену ядерными материалами — так она сумела бы сохранить доверие к себе и продемонстрировать международному сообществу, что серьезно относится к дипломатии как способу урегулировать иранский ядерный вопрос [Üstün, 2010: 26]. Рассуждая на эту же тему, генеральный директор турецкого Фонда политических, экономических и социальных исследований (Siyaset, Ekonomi ve Toplum Araştırmaları Vakfı, SETA) Т. Озхан пришел к выводу, что современная Турция начала адаптироваться к условиям многополярного и постамериканского мира. По мнению эксперта, с этой целью страна принялась избавляться от своей «западно-центричной и евроцентричной запрограммированности», а ее отказ одобрить санкции Совета Безопасности ООН в отношении Ирана это лишь подтвердил [Özhan, 2010: 18]. К похожему выводу пришел и посол Турции в США Н. Тан. Дипломат задавался вопросом: если произошло «смещение оси», то чем можно объяснить присутствие турецких войск в Афганистане? По его мнению, рассматривать активную многовекторную внешнюю политику как признак «смещения оси» не только ошибочно, но и несправедливо в свете искренних усилий Турции по обеспечению мира и стабильности, расширению торговли, укреплению взаимозависимости и мирному урегулированию конфликтов [Tan, 2010: 16–17].

В поисках ответа на вопрос, остается ли Турецкая Республика союзником и партнером США, в свою очередь американское политическое и академическое сообщество разделилось на два лагеря. К первому и более многочисленному относились те, кто считал, что Турция уже «потеряна» для западного мира⁶⁰, и винил в этом ПСР. Ярким примером может служить случай, связанный с турецким министром иностранных дел А. Давутоглу. Накануне его визита в Вашингтон председатель подкомитета по Ближнему Востоку и Южной Азии Комитета по иностранным делам Палаты представителей США демократ от штата Нью-Йорк Г. Акерман направил директору Международного исследователь-

⁶⁰ Например: Ülgen S. In search of lost time: Turkey-U.S. Relations after Bush. US-Europe analysis series. Washington, D.C.: Brookings Institution, 2009.

ского центра имени Вудро Вильсона Л. Гамильтону письмо, в котором настоятельно рекомендовал лишить главу турецкого МИД высокой награды, ежегодно вручаемой исследовательским центром выдающимся личностям за заслуги в государственной службе, на том основании, что внешняя политика Турции под руководством А. Давутоглу стала воплощением «беззакония, безответственности и лицемерия»⁶¹.

В случившихся в первые два года правления Б. Обамы кризисах Белый дом обвинял не только руководителей ПСР, но и предыдущую администрацию во главе с Дж. Бушем-мл. Министр обороны США Р. Гейтс пошел еще дальше. Сразу после голосования в Совете Безопасности ООН по проекту резолюции о введении санкций в отношении Ирана он заявил, что европейские страны, в первую очередь Германия и Франция, способствовали дистанцированию Анкары от Запада. По мнению Р. Гейтса, своим отказом принять Турцию в состав ЕС они подтолкнули ее к сближению с Ираном и отдалили от Израиля⁶². Однако поиски виновного в сложившейся ситуации не давали демократам четких ответов на вопрос о том, как им «вернуть» Турцию.

Ко второму лагерю в американском истеблишменте можно отнести тех, кто полагал, что делать выводы о «смещении оси» и «потере» Турции для Запада преждевременно⁶³. В их числе был старший научный сотрудник Центра изучения безопасности и разведывательной деятельности в XXI веке Института Брукинга О. Ташпынар, чья оценка нам представляется наиболее взвешенной. По его мнению, в современной Турецкой Республике наблюдалось торжество «турецкой славы и величия». Поведение Турции на международной арене определяла вовсе не ее исламская идентичность, а гораздо более националистическая, независимая, самодостаточная и дерзкая стратегическая ориентация. О. Ташпынар характеризовал поведение Анкары как «турецкий голлизм», проводя аналогию с внешней политикой Франции в 1960-е годы [Taşınar, 2011].

В американском правительстве также помнили о том, что помимо «израильского» и «иранского» оставались другие реги-

⁶¹ Цит. по: Rogin J. Wilson Center honors Turkish foreign minister with 'Public Service Award' // Foreign Policy. 16.06.2010. Available at: <https://foreignpolicy.com/2010/06/16/wilson-center-honors-turkish-foreign-minister-with-public-service-award/?hidecomments=yes> (accessed: 27.07.2018).

⁶² U.S. Defence Secretary Gates blames EU for Turkey 'drift' // BBC. 09.06.2010.

⁶³ Например: Ülgen S. A place in the sun or fifteen minutes of fame? // Carnegie Papers. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2010.

ональные вопросы и области сотрудничества, где у двух стран имелись схожие взгляды и точки соприкосновения. Уже в июле 2010 г. Б. Обама объявил о необходимости «продолжать взаимодействие с Анкарой и указать ей на преимущества интеграции с Западом, при этом действуя не из страха, а из уважения к особой природе Турции как великой мусульманской демократии»⁶⁴. По мнению Ф.С. Лэрреби, руководителя отдела европейской безопасности «Корпорации РЭНД», американские политики отныне имели дело с «новой Турцией» — политически более уверенной в себе и более склонной отстаивать свои национальные интересы [Larrabee, 2011: 4].

Во второй половине лета 2010 г. наблюдалось оживление политического диалога США и Турции. Стороны старались пояснить друг другу свои подходы к вопросам, вызвавшим у них разногласия. Анкара особенно была заинтересована в донесении своей позиции до американского истеблишмента и укреплении своего авторитета. С этой целью в августе 2010 г. в Вашингтон прибыла делегация МИД Турции во главе с советником министра иностранных дел Ф. Синирлиоглу. Ее представители озвучили готовность турецкого правительства наладить отношения с Тель-Авивом и сохранить дистанцию в общении с Тегераном. Американские политики и дипломаты получили заверения в том, что Анкара выступает против новой вооруженной эскалации и усиления политического напряжения в регионе. Это позволяло вернуть диалог с турецким правительством в нужное для демократов русло [Kanat, 2015: 14], хотя взаимное недовольство в отношениях сохранялось, чему способствовала также явно антитурецкая позиция Конгресса.

* * *

Осенью 2010 г. негласная политическая борьба Турции и США за продвижение своих интересов продолжилась с новой силой. На фоне продолжавшейся турецко-израильской конфронтации Белый дом опять попытался воздействовать на Анкару: в начале сентября США в очередной раз отказались от участия в учениях «Анатолийский орел»⁶⁵, однако это так и не заставило правительство Турции пойти на примирение с Израилем.

⁶⁴ Цит. по: Migdalovitz C. Turkey: Selected foreign policy issues and U.S. views // Congressional Research Service. 28.11.2010. P. 46.

⁶⁵ US will not take part in Turkey's October military drills // Hurriyet Daily News. 01.09.2010.

Последующие события вызвали у американцев большее беспокойство, нежели ссора Анкары с Тель-Авивом. Турция начала активно выстраивать связи с Китаем. В период с 20 сентября по 4 октября 2010 г. на турецкой авиабазе в городе Конье впервые прошли совместные учения ВВС двух государств⁶⁶. Затем последовали взаимные визиты премьер-министра КНР В. Цзябао в Турцию и министра иностранных дел А. Давутоглу в Китай. Было объявлено о планах выведения турецко-китайских отношений на уровень стратегического партнерства и создания механизма по совместной борьбе с терроризмом и радикализмом. Очевидный поворот «на Восток» и интенсификация связей с Пекином не только отвечали национальным интересам Турции, но и служили дополнительным фактором воздействия на Соединенные Штаты.

Политика усиления давления на Анкару грозила еще большим отдалением Турции от Запада, поэтому США требовалось найти способы побудить турецкие власти к более конструктивному диалогу. Осенью 2010 г. новый импульс для развития получило американо-турецкое деловое партнерство. 19 октября состоялась первая встреча участников «Рамочной программы стратегического экономического и торгового сотрудничества». Представители американских деловых кругов активно вовлекали турецких бизнесменов в совместные проекты и инициативы. «Турция является приоритетным рынком для товаров и услуг США и может сыграть ключевую роль в росте объемов товарооборота и в достижении цели президента Б. Обамы — удвоить экспорт в ближайшие пять лет», — заявлял министр торговли США Г. Локк⁶⁷. Результатом октябрьской встречи стали договоренности о создании рабочих групп для продвижения совместных инициатив в энергетической сфере, торговле, инвестициях, науке и сельском хозяйстве и о расширении связей частных компаний США и Турции. Партнеры договорились о начале работы Американо-турецкого делового совета для подготовки рекомендаций, касающихся развития двусторонних экономических отношений.

Новые значимые успехи были достигнуты и в военно-стратегической области. В сентябре 2010 г. председатель Объединенного

⁶⁶ Cohen A. The Anatolian eagle is looking eastward // The Daily Signal. 15.10.2010.

⁶⁷ Obama Trade Officials, Turkish Counterparts Announce New Initiatives to Strengthen U.S.-Turkey Commercial Relations. 19.10.2010 // Office of the United States Trade Representative. Available at: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2010/october/obama-trade-officials-turkish-counterparts-announce> (accessed: 01.08.2018).

комитета начальников штабов ВС США адмирал М. Маллен провел в Анкаре переговоры с турецким военным командованием и политическим руководством. Турции было дано обещание не использовать ее территорию для вывода американских войск из Ирака и продолжить совместную борьбу с РПК. Адмирал также призвал Анкару сохранить присутствие в Кабуле и его окрестностях и после того, как в октябре истечет официальный срок ее руководства Столичным региональным командованием (Regional Command Capital)⁶⁸. Стороны обсудили и проблему создания позиционного района противоракетной обороны (ПРО) в Европе, которая должна была стать центральной темой запланированного на ноябрь саммита НАТО⁶⁹.

Участники Североатлантического альянса уже не первый месяц планировали разместить на территории Турецкой Республики объекты стратегического назначения. В октябре газета «The Wall Street Journal» писала, что для Турции наступал очередной момент истины: либо поддержать этот план, продвигаемый США, и тем самым продемонстрировать свою прозападную ориентацию, либо отказаться от участия в его реализации и продолжить «обхаживание» Ирана⁷⁰. Свою позицию Анкара не афишировала вплоть до ноябрьского саммита НАТО в Лиссабоне, на котором была принята новая стратегическая концепция Североатлантического альянса⁷¹. Решение об установке радара раннего предупреждения о ракетном нападении принималось для защиты всех членов блока от потенциально опасных действий Тегерана. Турция поддержала новую инициативу альянса, но озвучила свое условие: не указывать какую-либо конкретную страну в качестве источника угрозы [Kibaroglu, 2011: 7; Çakmak, Güneysu, 2013: 198; Oğuzlu, 2013: 218], таким образом дав понять, что желает сохранить свои отношения как с Ираном, так и с

⁶⁸ Столичное региональное командование (Regional Command Capital — Kabul) — военное подразделение Международных сил содействия безопасности в Афганистане со штаб-квартирой в Кабуле.

⁶⁹ См.: Kardaş Ş. Admiral Mullen discusses critical military engagement in Turkey. 08.09.2010 // The Jamestown Foundation. Available at: <https://jamestown.org/program/admiral-mullen-discusses-critical-military-engagement-in-turkey/> (accessed: 01.09.2018).

⁷⁰ Champion M. Turkey in dilemma over NATO Shield // The Wall Street Journal. 27.10.2010.

⁷¹ Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation adopted by Heads of State and Government in Lisbon. 19.11.2010 // NATO. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68580.htm (accessed: 19.08.2018).

союзниками по НАТО. Однако Анкара выдвигала и другие требования, в частности, о том, чтобы затраты на проект делились поровну между участниками блока, а доступ к разведанным, собранным на объектах в Турции, был закрыт для Израиля [Oğuzlu, 2012: 158–159]. Союзники по НАТО пошли ей на уступки в этих вопросах.

Тем не менее в скором времени по репутации Турции был нанесен весьма чувствительный удар. В конце ноября 2010 г. на портале «WikiLeaks» были опубликованы секретные материалы сотрудников Госдепартамента США, из них 8000 файлов были посвящены Турции. В них американские дипломаты давали весьма нелицеприятные характеристики ключевым фигурам турецкого истеблишмента, обвиняя руководителей правящей партии в коррупции и исламизме. Портал обнародовал якобы достоверные сведения о состоянии ведущих турецких политиков, в частности премьер-министра Р.Т. Эрдогана, и его счетах в швейцарских банках. В документах содержались и довольно критические оценки внешней политики ПСР и деятельности главы турецкого МИД А. Давутоглу. Анкара обвинялась в ведении «двойной игры» и выстраивании отношений одновременно с Ираном и Европейским союзом⁷².

Реакция турецкого руководства не заставила себя ждать. Премьер-министр Турции расценил слова американских чиновников как распространение «клеветы» и пригрозил подать в суд. При этом он заявил, что серьезность сайта «WikiLeaks» всегда вызывала большие сомнения⁷³. Министр иностранных дел Турции А. Давутоглу направился в Вашингтон на встречу с госсекретарем Х. Клинтон. В Вашингтоне турецкое руководство заверили в приверженности многолетнему партнерству двух стран. На совместной пресс-конференции Х. Клинтон заявила, что публикация документов нанесла удар не только по США, но и по мировому сообществу в целом, но не стала опровергать или подтверждать разглашенную информацию⁷⁴. В свою очередь пресс-секретарь Белого дома Р. Гиббс объявил, что организация «WikiLeaks», опубликовавшая конфиденциальные документы, и те, кто допустил утечку информации, совершили «преступление», а всю ситуацию охарактеризовал как нарушение закона.

⁷² Wikileaks merakla beklenen belgeleri yayınladı // Hürriyet. 01.12.2010.

⁷³ Erdoğan, için bekleyecek // Takvim. 29.11.2010.

⁷⁴ Taniş T. Clinton özür diledi // Hürriyet. 30.11.2010.

Тем временем Б. Обама призвал ужесточить меры по проверке конфиденциальной информации⁷⁵. Только в декабре 2010 г. пресс-служба Белого дома официально сообщила о том, что в ходе телефонного разговора с турецким премьер-министром американский президент «выразил сожаление в связи с прискорбными действиями “WikiLeaks”»⁷⁶. Конфликт на этом, как считали в Вашингтоне, должен был быть исчерпан.

Таким образом, 2010 год стал годом проверки «образцового партнерства» США и Турции на прочность. Внешние факторы — «израильский» и «иранский» кризисы — оказали серьезное негативное воздействие на американо-турецкие отношения. Однако стороны доказали, что их партнерство имеет достаточно прочную основу, которую несовпадение интересов в отдельных вопросах не может одномоментно разрушить. Вместе с тем, оглядываясь назад, нетрудно заметить, что первые два года президентства Б. Обамы были чуть ли не наиболее спокойным периодом в развитии американо-турецкого партнерства за многие годы. Впереди США и Турцию ожидала новая фаза турбулентности, связанная с «Арабским пробуждением».

* * *

Администрация Б. Обама с большим энтузиазмом приступила в 2009 г. к реализации идеи «образцового партнерства» с Турецкой Республикой. Полагая, что именно политика Дж. Буша-мл. препятствовала сближению Анкары с Вашингтоном и западным миром, демократы во главе с новым президентом надеялись завоевать доверие турецкого правительства и турецкого народа и восстановить дух партнерства и союзничества. Однако уже в первые два года администрация Б. Обамы столкнулась с новой реальностью: турецкая политика Вашингтона не смогла долго продержаться на «жестах доброй воли» в сторону Анкары и позитивной риторике.

В годы правления ПСР Турция успела встать на путь проведения самостоятельной и активной внешней политики и отличалась от того образа, который первоначально рисовали демократы. Страна активно взаимодействовала не только с США и западным миром, но и со многими другими участни-

⁷⁵ Clinton'dan Davutoğlu'na 'WikiLeaks' şzrü // CNNTurk. 29.11.2010.

⁷⁶ Obama affirms diplomatic engagement based on 'trust and candour' // The Guardian. 14.12.2010.

ками международных отношений. Важно и другое: у Турецкой Республики в рассматриваемый период не было веских причин для слепого следования в кильватере политики США. Главная угроза ее национальной безопасности и территориальной целостности, источником которой она считала курдский сепаратизм, в тот период отошла на второй план.

Более уверенная и основанная на четком осознании своих национальных интересов деятельность Турции на международной арене создавала условия для возникновения разногласий с Вашингтоном. Американское же правительство не смогло вовремя и адекватно оценить все глубинные перемены, произошедшие во внутренней и внешней политике Анкары за первое десятилетие XXI в. Напротив, оно чаще всего демонстрировало нежелание учитывать мнение своего ключевого союзника на Ближнем Востоке, рискуя в определенный момент столкнуться с еще более жестким противодействием с его стороны.

В результате «образцовое партнерство» так и осталось всего лишь яркой метафорой для обрамления американо-турецких отношений. Однако несмотря на острые разногласия в вопросах региональной политики и кризисные ситуации с участием других акторов, США и Турция даже в самые критические периоды так или иначе приходили к общему знаменателю в вопросах обеспечения обороны и безопасности, что продемонстрировало согласие Турции на размещение элемента системы ПРО на ее территории на Лиссабонском саммите НАТО в 2010 г. Сегодня взаимозависимость двух стран в военно-стратегической области остается прочной основой их партнерства, пусть уже и не «образцового».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Свистунова И.А. Ближневосточный вектор турецко-американских отношений // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 5 (26). С. 56–73.
2. Свистунова И.А. В поисках новой модели: отношения Турции и США в сфере безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2 (47). С. 53–61.
3. Смольняк И.В. Турция в либеральных конструкциях США в начале XXI в. // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 11. С. 116–129.
4. Шлыков П.В. Ближневосточная дилемма безопасности Турции: от сотрудничества с Западом в борьбе с терроризмом к опоре на джихадистов в региональной политике // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 4. С. 35–65.

5. Abramowitz M., Edelman E.S. From rhetoric to reality: Reframing U.S.-Turkey policy // Foreign Policy Project. Washington, D.C.: Bipartisan Policy Center, 2013.

6. Arbell D. The US-Turkey-Israel triangle // Center for Middle East Policy. Analysis Paper. No. 34. October. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2014.

7. Arı T. Yükselen güç. Türkiye-ABD ilişkileri ve Orta Doğu. Bursa: Marmara Kitap Merkezi, 2010.

8. Aslan A. The foreign policy-hegemony nexus: Turkey's search for a 'new' subjectivity in world politics and its implications for US-Turkish relations // Perceptions. 2012. Vol. 27. No. 4. P. 159–184.

9. Balcı A. Türkiye dış politikası. Ülkeler, aktörler, uygulamalar. İstanbul: Etkileşim, 2013.

10. Barkey H.J. Turkey's new engagement in Iraq. Embracing Iraqi Kurdistan. Special Report. No. 237. Washington, D.C.: United States Institute of Peace, 2010.

11. Bengür O. Turkey's image and the Armenian question // Turkish Policy Quarterly. 2009. Vol. 8. No. 1. P. 43–48.

12. Boyer S.P., Katulis B. The neglected alliance. Restoring U.S.-Turkish relations to meet 21st century challenges. December. Washington, D.C.: Center for American Progress, 2008.

13. Çakmak C., Güneysu G. Turkish-American relations during Obama era: Unfulfilled expectations // Turkish Studies. 2013. Vol. 14. No. 2. P. 193–211.

14. Danforth N. Ideology and pragmatism in Turkish foreign policy: From Atatürk to the AKP // Turkish Policy Quarterly. 2008. Vol. 7. No. 3. P. 83–95.

15. Gordon P.H., Taşpınar Ö., Özel S. Winning Turkey. How America, Europe, and Turkey can revive a fading partnership. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2008.

16. Gözen R. Turkish-American relations in 2009 // Perceptions. 2010. Vol. 25. No. 3–4. P. 49–77.

17. Han A.K. From strategic partnership to model partnership: AKP, Turkish-US relations and the prospects under Obama // UNISCI Discussion Papers. 2010. No. 23. P. 77–112.

18. Kalın I. US-Turkish relations under Obama: Promise, challenge and opportunity in the 21st century // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2010. Vol. 12. No. 1. P. 93–108.

19. Kanat K.B. Turkey and the U.S.: The longest two years of the relations. June. No. 16. Washington, D.C.: SETA, 2015.

20. Kardaş Ş. Turkish-American relations in the 2000s: Revisiting the basic parameters of partnership? // Perceptions. 2011. Vol. 26. No. 3. P. 25–52.

21. Kibaroğlu M. Turkey, NATO and nuclear sharing: Prospects after NATO's Lisbon summit. Nuclear policy paper. April. No. 5. Arms Control Association/ British-American Security Information Council/Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg, 2011.

22. Kramer H. AKP's new foreign policy between vision and pragmatism. Working Paper. FG 2. June. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2010.

23. Larrabee F.S. The 'New Turkey' and American-Turkish relations // Insight Turkey. 2011. Vol. 13. No. 1. P. 1–9.

24. Larrabee F.S. Troubled partnership: US-Turkish relations in an era of global geopolitical change. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2010.

25. Larrabee F.S. Turkey's new geopolitics // *Survival*. 2010. Vol. 52. No. 2. P. 157–180.
26. Murinson A. The Strategic Depth Doctrine of Turkish foreign policy // *Middle Eastern Studies*. 2006. Vol. 42. No. 6. P. 945–964.
27. Oğuzlu T. Testing the strength of the Turkish-American strategic relationship through NATO: Convergence or divergence within the alliance? // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2013. Vol. 15. No. 2. P. 207–222.
28. Oğuzlu T. Turkey's eroding commitment to NATO: From identity to interests // *The Washington Quarterly*. 2012. Vol. 35. No. 3. P. 153–164.
29. Özhan T. Turkey, Israel and the US in the wake of the Gaza flotilla crisis // *Insight Turkey*. 2010. Vol. 12. No. 3. P. 7–18.
30. Parris M.R. Common values and common interests? The Bush legacy in U.S.-Turkish relations // *Insight Turkey*. 2008. Vol. 10. No. 4. P. 5–14.
31. Sims J. Turkey's maturing foreign policy: A view from the USA // *Bilge Strateji*. 2010. Cilt 2. Sayı 2. Bahar. S. 169–200.
32. Stein A. Resetting U.S.-Turkish relations: Charting a new way forward // *Journal of Strategic Security*. 2011. Vol. 4. No. 1. P. 1–18.
33. Tan N. Turkish-U.S. strategic partnership // *Turkish Policy Quarterly*. 2010. Vol. 9. No. 3. P. 13–21.
34. Taşpınar Ö. Obama's Turkey policy: Bringing credibility to 'strategic partnership' // *Insight Turkey*. 2009. Vol. 11. No. 1. P. 13–21.
35. Taşpınar Ö. The rise of Turkish Gaullism: Getting Turkish-American relations right // *Insight Turkey*. 2011. Vol. 13. No. 1. P. 11–17.
36. Tersch E. von. Developing a strategic partnership with Turkey. U.S. Army War College Strategy Research Project. Carlisle, PA: U.S. Army War College, 2009.
37. Türkmen F. Kırılğan İttifaktan 'Model Ortaklığa'. Türkiye-ABD ilişkileri. İstanbul: Timaş Yayınları, 2012.
38. Türkmen F. Turkish-American relations: A challenging transition // *Turkish Studies*. 2009. Vol. 10. No. 1. P. 109–129.
39. Üstün K. Turkey's Iran policy: Between diplomacy and sanctions // *Insight Turkey*. 2010. Vol. 12. No. 3. P. 19–26.
40. Walker J.W. The United States and Turkey: Can they agree to disagree? Crown Center for Middle East Studies. November. No. 46. Waltham, Massachusetts: Brandeis University, 2010.
41. Wexler R. United States and Turkey: Allies at odds? // *Insight Turkey*. 2010. Vol. 12. No. 4. P. 9–14.
42. Williams P.A. Barack Obama and the 'model partnership'? // *America's challenges in the Greater Middle East: The Obama Administration's policies* / Ed. by Sh. Akbarzadeh. New York: Palgrave Macmillan, 2011. P. 246–254.
43. Yılmaz N. Stratejik Ortaklıktan Model Ortaklığa: Türkiye'nin Bağımsız Dış Politikasının Etkileri // *Türk Dış Politikası Yıllığı 2010*. SETA Yayınları. Ankara: SETAV, 2011. S. 551–577.
44. Yılmaz N. U.S.-Turkey relations: Model partnership as an 'empty signifier' // *Insight Turkey*. 2011. Vol. 13. No. 1. P. 19–25.

A.I. Aliyeva

**THE U.S.-TURKEY ‘MODEL PARTNERSHIP’:
TESTING THE LIMITS (2009–2010)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The United States and Turkey have been bound by strong ties of strategic partnership for decades since the dawn of the Cold War. However, the relationship between two NATO allies have become quite strained over the recent years. The root causes of the current contradictions between Ankara and Washington manifested themselves clearly at the beginning of the Obama presidency. This paper examines the reasons behind and the nature of the difficulties that the U.S. and Turkey would confront in 2009–2010 while trying to implement the concept of ‘model partnership’ introduced by the Democratic administration. In particular, it assesses the extent to which the transformation of the Turkish foreign policy strategy modified the logic of its interaction with Washington and reinforced Ankara’s desire to have its national interests recognized and respected by the United States. The differences between the U.S. and Turkish positions are illustrated with the examples of their contradictions about interaction with Israel and Iran. The author demonstrates that various methods of persuasion and coercion practiced by the Obama administration were not necessarily effective and their use led to a deterioration of situation on several occasions. The author also provides a detailed overview of the debates on the prospects of the bilateral cooperation and the foreign policy identity of modern Turkey that took place in the U.S. political and academic circles at that time. The paper also determines the main factors behind a rapprochement of two countries following a temporary estrangement. The conclusion is drawn that a further escalation of tensions was prevented mainly because security factor played a predominant role. The U.S.-Turkish military-strategic cooperation within NATO remained — regardless of divergences on several regional issues and political scandals — the cornerstone of the bilateral relationship. The U.S.-Turkish partnership, though not a model one, passed an endurance test only to face even more complex challenges related to a destabilization of a broader region in the wake of the Arab Awakening.

Keywords: United States, Turkey, U.S.-Turkey relations, ‘model partnership’, Barack Obama, Turkish-Israeli relations, Iranian nuclear program, NATO, Middle East, Justice and Development Party.

About the author: *Altunay I. Aliyeva* — Junior Research Fellow, Expert at the Center for Security and Development Studies, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: altunay.i.aliyeva@gmail.com).

REFERENCES

1. Svistunova I.A. 2014. Blizhnevostochniy vector turetsko-amerikanskikh otnosheniy [Middle Eastern vector of the Turkish-American relations]. *Problemy natsional'noy strategiyi*, no. 5 (26), pp. 56–73. (In Russ.)
2. Svistunova I.A. 2016. V poiskakh novoy modeli: otnosheniya Turtsii i SShA v sfere bezopasnosti [The security aspect of Turkey-United States relations: In search for a new model]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 2 (47), pp. 53–61. (In Russ.)
3. Smol'nyak I.V. 2017. Turtsiya v liberal'nykh konstrukttsiyakh SShA v nachale 21 veka [Turkey in the liberal structures of the USA in the early XXI century]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 11, pp. 116–129. (In Russ.)
4. Shlykov P.V. 2017. Blizhnevostochnaya dilemma bezopasnosti Turtsii: ot sotrudnichestva s Zapadom v bor'be s terrorizmom k opore na dzhyhadistov v regional'noy politike [Turkey's Middle East security dilemma: From cooperation with the West in the fight against terrorism to the reliance on jihadists in regional politics]. *Aktual'nyye problemy Yevropy*, no. 4, pp. 35–65. (In Russ.)
5. Abramowitz M., Edelman E.S. 2013. *From rhetoric to reality: Reframing U.S.-Turkey policy*. Foreign Policy Project. October. Washington, D.C., Bipartisan Policy Center.
6. Arbell D. 2014. *The US-Turkey-Israel triangle*. Center for Middle East Policy. Analysis Paper, no. 34. October. Washington, D.C., Brookings Institution Press.
7. Arı T. 2010. *Yurkselen guch. Turkiye-ABD ilishkileri ve Orta Dogu* [Rising power. Turkey-US relations and the Middle East]. Bursa, Marmara Kitap Merkezi. (In Turkish.)
8. Aslan A. 2012. The foreign policy-hegemony nexus: Turkey's search for a 'new' subjectivity in world politics and its implications for US-Turkish relations. *Perceptions*, vol. 27, no. 4, pp. 159–184.
9. Balcı A. 2013. *Turkiye dysh politikasy. Ulkeler, aktorler, uygulamalar* [Turkey's foreign policy. Countries, actors, practices]. İstanbul, Etkileşim. (In Turkish.)
10. Barkey H.J. 2010. *Turkey's new engagement in Iraq. Embracing Iraqi Kurdistan*. Special Report, no. 237. Washington, D.C., United States Institute of Peace.
11. Bengür O. 2009. Turkey's image and the Armenian question. *Turkish Policy Quarterly*, vol. 8, no. 1, pp. 43–48.
12. Boyer S.P., Katulis B. 2008. *The neglected alliance. Restoring U.S.-Turkish relations to meet 21st century challenges*. December. Washington, D.C., Center for American Progress.
13. Çakmak C., Güneysu G. 2013. Turkish-American relations during Obama era: Unfulfilled expectations. *Turkish Studies*, vol. 14, no. 2, pp. 193–211.
14. Danforth N. 2008. Ideology and pragmatism in Turkish foreign policy: From Atatürk to the AKP. *Turkish Policy Quarterly*, vol. 7, no. 3, pp. 83–95.
15. Gordon P.H., Taşpınar Ö., Özel S. 2008. *Winning Turkey. How America, Europe, and Turkey can revive a fading partnership*. Washington, D.C., Brookings Institution Press.
16. Gözen R. 2010. Turkish-American relations in 2009. *Perceptions*, vol. 25, no. 3–4, pp. 49–77.
17. Han A.K. 2010. From strategic partnership to model partnership: AKP, Turkish-US relations and the prospects under Obama. *UNISCI Discussion Papers*, no. 23, May, pp. 77–112.

18. Kalın I. 2010. US-Turkish relations under Obama: Promise, challenge and opportunity in the 21st century. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, vol. 12, no. 1, pp. 93–108.
19. Kanat K.B. 2015. *Turkey and the U.S.: The longest two years of the relations*. June, no. 16. Washington, D.C.: SETA.
20. Kardaş Ş. 2011. Turkish-American relations in the 2000s: Revisiting the basic parameters of partnership? *Perceptions*, vol. 26, no. 3, pp. 25–52.
21. Kibaroğlu M. 2011. *Turkey, NATO and nuclear sharing: Prospects after NATO's Lisbon summit*. Nuclear policy paper. April, no. 5. Arms Control Association/British-American Security Information Council/Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg.
22. Kramer H. 2010. *AKP's new foreign policy between vision and pragmatism*. Working Paper. FG 2, June. Berlin, Stiftung Wissenschaft und Politik.
23. Larrabee F.S. 2011. The 'New Turkey' and American-Turkish relations. *Insight Turkey*, vol. 13, no. 1, pp. 1–9.
24. Larrabee F.S. 2010a. *Troubled partnership: US-Turkish relations in an era of global geopolitical change*. Santa Monica, CA, RAND Corporation.
25. Larrabee F.S. 2010b. Turkey's new geopolitics. *Survival*, vol. 52, no. 2, pp. 157–180.
26. Murinson A. 2006. The Strategic Depth Doctrine of Turkish foreign policy. *Middle Eastern Studies*, vol. 42, no. 6, pp. 945–964.
27. Oğuzlu T. 2013. Testing the strength of the Turkish-American strategic relationship through NATO: Convergence or divergence within the alliance? *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, vol. 15, no. 2, pp. 207–222.
28. Oğuzlu T. 2012. Turkey's eroding commitment to NATO: From identity to interests. *The Washington Quarterly*, vol. 35, no. 3, pp. 153–164.
29. Özhan T. 2010. Turkey, Israel and the US in the wake of the Gaza flotilla crisis. *Insight Turkey*, vol. 12, no. 3, pp. 7–18.
30. Parris M.R. 2008. Common values and common interests? The Bush legacy in U.S.-Turkish relations. *Insight Turkey*, vol. 10, no. 4, pp. 5–14.
31. Sims J. 2010. Turkey's maturing foreign policy: A view from the USA. *Bilge Strateji*, vol. 2, no. 2, pp. 169–200.
32. Stein A. 2011. Resetting U.S.-Turkish relations: Charting a new way forward. *Journal of Strategic Security*, vol. 4, no. 1, pp. 1–18.
33. Tan N. 2010. Turkish-U.S. strategic partnership. *Turkish Policy Quarterly*, vol. 9, no. 3, pp. 13–21.
34. Taşpınar Ö. 2009. Obama's Turkey policy: Bringing credibility to 'strategic partnership'. *Insight Turkey*, vol. 11, no. 1, pp. 13–21.
35. Taşpınar Ö. 2011. The rise of Turkish Gaullism: Getting Turkish-American relations right. *Insight Turkey*, vol. 13, no. 1, pp. 11–17.
36. Tersch E. von. 2009. *Developing a strategic partnership with Turkey*. U.S. Army War College Strategy Research Project. Carlisle, PA, U.S. Army War College.
37. Türkmen F. 2012. *Kyrylgan ittifaktan 'Model Ortaklygha'. Turkiye-ABD ilishkileri* [From fragile alliance to 'model partnership'. Turkey-US relations]. Istanbul, Timash Yayinlary. (In Turkish.)
38. Türkmen F. 2009. Turkish-American relations: A challenging transition. *Turkish Studies*, vol. 10, no. 1, pp. 109–129.
39. Üstün K. 2010. Turkey's Iran policy: Between diplomacy and sanctions. *Insight Turkey*, vol. 12, no. 3, pp. 19–26.

40. Walker J.W. 2010. *The United States and Turkey: Can they agree to disagree?* Crown Center for Middle East Studies. November, no. 46. Waltham, Massachusetts, Brandeis University.

41. Wexler R. 2010. United States and Turkey: Allies at odds? *Insight Turkey*, vol. 12, no. 4, pp. 9–14.

42. Williams P.A. 2011. Barack Obama and the ‘model partnership’? In Akbarzadeh Sh. (ed.). *America’s challenges in the Greater Middle East: The Obama administration’s policies*. New York, Palgrave Macmillan, pp. 246–254.

43. Yılmaz N. 2011a. Stratejik ortaklyktan model ortaklygha: Turkiyenin baghymсыz dysh politikasynyn etkileri [From strategic partnership to model partnership: Impacts of Turkish independent foreign policy]. *Turk dysh politikasy yillyghy 2010* [Turkish foreign policy yearbook 2010]. Ankara, SETAV, s. 551–577. (In Turkish.)

44. Yılmaz N. 2011b. U.S.-Turkey relations: Model partnership as an ‘empty signifier’. *Insight Turkey*, vol. 13, no. 1, pp. 19–25.

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В.И. Бартнев*

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА: СПОР О ДЕФИНИЦИИ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

На фоне увеличения числа интернационализированных внутренних конфликтов в последнее время в научной литературе наблюдается устойчивый рост интереса к тематике внешнего вмешательства в дела суверенных государств. Цель библиографического обзора — обобщить подходы тех ученых, главным образом зарубежных, которые фокусировались на исследовании концептуально-теоретических аспектов данной проблематики. В структурном плане обзор разделен на три части. В первой раскрыты смысловые нюансы ключевых русскоязычных и англоязычных терминов и особенности их употребления в международно-правовых документах. Вторая и третья части посвящены двум «большим спорам» в литературе о вмешательстве. Один из них касается вопроса о целесообразности и возможности разработки дефиниции вмешательства как таковой, другой — определения содержательных границ понятия «вмешательство». Первый спор представлен в виде столкновения позиций ученых, воспринимавших вмешательство как данность, убежденных сторонников разработки научно обоснованного определения вмешательства и, наконец, исследователей, наотрез отказывавшихся заниматься поисками такой дефиниции. Аргументы критиков получения «чистого» знания о феномене вмешательства, которые в большинстве своем являются приверженцами конструктивизма или постструктурализма и призывают отталкиваться от изучения дискурса, в том числе субъектов, осуществляющих интервенционистские действия, оспорены в

* *Бартнев Владимир Игоревич* — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, директор Центра проблем безопасности и развития факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vladimir.bartenev@fmp.msu.ru).

** Статья подготовлена по результатам исследований, проводившихся на базе Центра проблем безопасности и развития ФМП МГУ при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований в 2015–2017 гг. в рамках научного проекта № 15-01-00363.

заклучении. Обоснована необходимость формулирования рабочего определения вмешательства, которое позволило бы в условиях обострения межгосударственного противоборства, возрождения идеологического соперничества и усиления различий в представлениях о границах государственного суверенитета и допустимости их нарушения вырваться из ловушки конфликта восприятий. Приведены аргументы в пользу максимально широкой трактовки вмешательства, которая, с одной стороны, в отличие от узкой, легалистской интерпретации, давала бы возможность включить как силовые, так и несиловые инструменты (оказание помощи, применение санкций, информационное воздействие), а с другой — была бы применима к различным историческим эпохам. Подчеркнуто, что принятие на вооружение какого-то отдельного определения или разработка собственной дефиниции — лишь первый шаг на пути к классификации видов вмешательства, в построении которой в то же время имеет смысл отталкиваться от изучения конкретно-эмпирического материала, а не от априорно заданных параметров.

Ключевые слова: вмешательство во внутренние дела, интервенция, невмешательство, суверенитет, интернационализированный внутренний конфликт, бихевиоризм, английская школа международных отношений, конструктивизм, постструктурализм, дискурс, внешняя помощь, санкции.

В последнее время в международных отношениях отчетливо прослеживается тенденция к увеличению числа интернационализированных внутренних конфликтов — противостояний, осложненных внешним вмешательством, каждое из которых вновь и вновь выводит на первый план вопрос о границах государственного суверенитета. Этот тренд одновременно свидетельствует и о снижении стрессоустойчивости политических систем, особенно в государствах глобального Юга, все более уязвимых к различного рода внутренним и внешним вызовам, и об изменениях в структуре международной системы. Независимо от того, видят ли акторы в условиях нарастания неопределенности преимущественно угрозы своим жизненно важным интересам или же, напротив, «окна возможностей», они в целом становятся более склонны применять многообразные инструменты вмешательства — как военные, так и невоенные — с целью оказывать воздействие на ход внутривнутриполитических процессов в зарубежных государствах.

Указанная тенденция находит отражение и в научной литературе, в первую очередь зарубежной, где наблюдается устойчивый рост интереса к проблематике вмешательства во внутренние дела. Значительная часть исследований посвящена морально-правовым аспектам вмешательства, прежде всего проблеме легитимности применения силы в отношении суверенных государств. Этими вопросами главным образом озадачены правоведы, для которых уже на протяжении нескольких столетий — со времен Х. фон Вольфа и Э. де Ваттеля — концепт (не)вмешательства выступает одним из системообразующих¹ и которые даже посвящают этой теме специализированные издания (например, «Journal on the Use of Force and International Law», издаваемый с лета 2014 г.). Весьма активно указанную проблематику разрабатывают и политологи, приверженцы различных теоретических парадигм, в последние десятилетия особенно полюбившие тему вмешательства по гуманитарным мотивам. Эта проблематика находит отражение и в научно-квалификационных работах, и в монографических исследованиях, и в экспертно-аналитических докладах [Бордачев, 1998; Худайкулова, 2003; Никитин, 2017; Finnemore, 2003; Rethinking humanitarian intervention in the 21st century, 2018; и др.].

Большая часть трудов о вмешательстве посвящена исследованию конкретно-эмпирического материала (с фокусом на действиях глобальных держав, в первую очередь США). При этом в литературе нередко можно встретить утверждение, что понятие «вмешательство» часто употребляется без его критического осмысления — как «нечто само собой разумеющееся» [Reus-Smit, 2013: 1058]. Отдельные авторы, пусть и с плохо скрываемой иронией, даже записывают вмешательство в «содержательно неоспариваемые понятия» (*essentially uncontested concept*) [Weber, 1992: 199].

Такая оценка носит в большей степени провокационный характер. Безусловно, примеры некритического отношения к понятию «вмешательство» имели место: достаточно вспомнить основоположника политического реализма Г. Моргентау, который, ставя вмешательство в один ряд с войной и диплома-

¹ Об эволюции представлений см.: [Камаровский, 2016; Jones, 1979; Talentino, 2005; The Oxford handbook of the use of force in international law, 2017; Law on the use of force and armed conflict, 2017; Nowak, 2018; The use of force in international law, 2018; Дидманидзе, 2017].

тией в качестве важнейших инструментов внешней политики [Morgenthau, 1967: 425], не считал нужным озадачиваться поисками оптимальной дефиниции. Однако абсолютному большинству авторов вмешательство представлялось как раз крайне размытым, амбивалентным понятием, требующим пояснения [Young, 1968; Beloff, 1968; Dunér, 1985: 61; Intervention in world politics, 1984: 9–10; Evans, Newnham, 1992: 159]. Более того, для целого ряда ученых оценка перспектив разработки научно обоснованного определения вмешательства стала одним из магистральных направлений интеллектуального поиска, а кому-то и снискала международную славу.

В данном библиографическом обзоре наше внимание будет сосредоточено на обобщении подходов именно тех ученых, которые фокусировались на концептуализации проблемы вмешательства. В отсутствие значимого числа крупных работ теоретического характера по данной тематике в отечественной литературе² объектами рассмотрения станут труды зарубежных ученых. При этом стоит сразу отметить, что мы сознательно не устанавливали хронологических или территориальных рамок отбираемых исследований. Без сомнения, представления о вмешательстве во внутренние дела, отраженные в трудах эпохи «холодной войны», по определению не могли совпадать с подходами исследователей, осмыслявших, а в ряде случаев и активно подталкивавших процесс пролиферации гуманитарных интервенций после ее окончания. Но именно эти различия и представляют отдельный научный интерес, и благодаря акценту на их выявлении предлагаемый библиографический обзор может быть полезен отечественным ученым, интересующимся вмешательством, независимо от того, на каком именно историческом периоде, стране или регионе они специализируются.

В структурном плане статья делится на три раздела. В первом раскрыты некоторые семантические тонкости ключевых терминов в русском и английском языках и особенности их употребления в международно-правовых документах. Второй и третий разделы посвящены своего рода «большим спорам» в литературе о

² К работам теоретического плана можно отнести разве что отдельные публикации Д.С. Голубева, доцента кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, руководителя реализуемого в настоящий момент весьма перспективного научно-исследовательского проекта по проблемам интернационализации внутренних конфликтов [Голубев, 2018].

вмешательстве, один из которых касается вопроса о возможности разработки дефиниции вмешательства как таковой, а другой — определения содержательных границ данного понятия.

* * *

Готовя обзор зарубежной библиографии, посвященной вмешательству, исследователь неминуемо сталкивается с объективными «трудностями перевода» и различиями в терминологии, зачастую понимаемыми в большей степени интуитивно. Ситуация дополнительно осложняется тем, что термин «вмешательство», во-первых, в отличие от другого стержневого понятия — «агрессия»³, так и не получил международно признанного определения, а во-вторых, не является политически нейтральным и имеет ярко выраженные негативные коннотации. По справедливому замечанию американского политолога Д.А. Грабер, «вмешательство» уже ко второму десятилетию «холодной войны» стало «ругательным словом, используемым для обозначения любых форм негативного внешнего воздействия, и приобрело моральную окраску» [Graber, 1959: 15].

Исходя из этого, смысловые нюансы следует рассмотреть как можно более детально, прежде чем определять содержательные особенности толкований, предложенных отдельными исследователями изучаемого явления.

В русском языке в интересующем нас контексте употребляются два слова: отглагольное существительное «вмешательство», имеющее славянское происхождение, и заимствованное понятие «интервенция», происходящее от латинского глагола *intervenire*, одно из значений которого — «вмешиваться, мешать, препятствовать»⁴. В толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова, опубликованном впервые в 1930-е годы, термин «вмешательство» имеет два ключевых значения: 1) «непрощенное или насильственное участие в чужих делах, отношениях; действия, противоречащие самостоятельности или независимости другого»; 2) «действия извне, пресекающие нежелательные последствия, приостанавливающие ход чего-либо» (вмешательство проку-

³ Определение агрессии; утв. резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. A/RES/3314 (XXIX) // ООН. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 02.10.2018).

⁴ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 3-е изд., испр. М.: Русский язык, 1986. С. 548–549.

ратуры, хирургическое вмешательство и т.п.). Термин «интервенция» в свою очередь согласно тому же словарю обозначает «вмешательство, преимущественно вооруженное, иностранцев во внутренние дела какой-либо страны»⁵. Между тем в современном русскоязычном дискурсе, характеризующемся заметным расширением объемов использования заимствованных слов, помимо сочетания «военная/вооруженная интервенция» довольно часто используются такие конструкции, как «вербальная интервенция», «валютная интервенция», «товарная интервенция», связанные с практикой регулирования органами государственной власти валютных курсов или рынков. В последних примерах смысл слова «интервенция» максимально сближается со вторым из указанных ранее значений понятия «вмешательство», ибо обозначает как раз «действие, направленное на пресечение нежелательных последствий».

В английском языке также присутствует определенная терминологическая путаница — со словами *intervention* и *interference* соответственно. Например, в словаре Уэбстера мы обнаруживаем несколько вариантов толкования понятия *intervention*, два из которых имеют непосредственное отношение к тематике статьи. Интервенция может обозначать либо «действие по предотвращению нежелательных последствий или улучшению того или иного процесса или результата», либо «вмешательство одной страны в дела другой в целях принуждения ее к осуществлению или отказу от осуществления тех или иных действий»⁶. При этом смысловые нюансы обоих вариантов раскрываются с помощью слова *interference*. Это существительное образовано от глагола *interfere*, который в свою очередь был заимствован из старофранцузского (*s'entreferir*) и первоначально использовался в значении «сталкиваться», но уже с первой половины XVII в. стал обозначать также и «вмешиваться», «препятствовать». В том же словаре Уэбстера приведено довольно много современных значений этого слова,

⁵ Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1: А–Кюрины / Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935 // ФЭБ «Русская литература и фольклор». Доступ: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 08.10.2018).

⁶ The Merriam-Webster dictionary. Springfield, Massachusetts: Merriam-Webster, Inc., 2016. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/intervention> (accessed: 08.10.2018).

в числе которых и лишенное негативных коннотаций «участие в решении чужих проблем»⁷.

Погружение в тексты международно-правовых документов не только не устраняет отмеченную неопределенность в употреблении этих двух англоязычных терминов, но, напротив, лишь усиливает ощущение нахождения в некоей «серой зоне». Так, в Уставе ООН был использован термин *intervention* (ст. 2: «Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций *права на вмешательство* [курсив наш. — В.Б.] в дела, по существу, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства [англ. текст : right to intervene in matters which are essentially within the domestic jurisdiction of any state. — В.Б.], и не требует от членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании Главы VII»⁸). Этот же термин применен и в названии Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета (англ. вариант: ‘Declaration on the Inadmissibility of Intervention in the Domestic Affairs of States and the Protection of Their Independence and Sovereignty’), принятой Генеральной Ассамблеей ООН единогласно в декабре 1965 г. на фоне начала активной фазы войны во Вьетнаме (109 голосов «за» при 1 воздержавшемся)⁹, а также в резолюции № 2225 от 19 декабря 1966 г., обозначившей разделение вмешательства на косвенное (терроризм и подрывная деятельность) и прямое (вооруженная интервенция)¹⁰.

В Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между

⁷ Ibidem.

⁸ Устав ООН.

⁹ Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета; принята резолюцией 2131 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 1965 г. A/RES/2131 (XXI) // ООН. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml (дата обращения: 01.02.2018).

¹⁰ Резолюция 2225 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 1966 г. «О ходе выполнения Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета». A/RES/2225 (XXI) // ООН. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/2225%28XXI%29> (дата обращения: 01.02.2018).

государствами в соответствии с Уставом ООН (1970)¹¹ термины *intervene/interfere (intervention/interference)* употреблялись уже попеременно. В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки (1975)¹² вновь использовался термин *(non)intervention (in internal affairs)*¹³, но уже через год в англоязычной версии текста резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Невмешательство во внутренние дела государств» (1976) фигурировало только понятие *non-interference*¹⁴.

Наконец, спустя 5 лет, 9 декабря 1981 г., резолюцией № 36/103 Генеральной Ассамблеи ООН была утверждена Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств (англ. вариант: ‘Declaration on the Inadmissibility of Intervention and Interference in the Internal Affairs of States’), в которой обозначен комплекс из 5 прав и 15 обязанностей, вытекающих из указанного в ее названии принципа¹⁵, и впервые четко разграничены понятия «интервенция» (*intervention*) и «вмешательство» (*interference*). Интервенция обозначала лишь крайнюю форму, вооруженное вторжение на территорию другого государства, а вмешательство — все остальные варианты внешнего воздействия.

¹¹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций; принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. A/RES/2625 (XXV) // ООН. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 01.02.2018).

¹² Conference on Security and Co-Operation in Europe. Final Act. August 1, 1975 // OSCE. Available at: <https://www.osce.org/helsinki-final-act?download=true> (accessed: 01.02.2018).

¹³ В русскоязычной версии документа при этом употреблялся только термин «вмешательства», а словосочетание ‘armed intervention’ переводилось как «вооруженное вмешательство», а не как «вооруженная интервенция». См.: Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. 1 августа 1975 г. // ОБСЕ. Доступ: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505?download=true> (дата обращения: 01.02.2018).

¹⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 31/91 от 14 декабря 1976 г. «Невмешательство во внутренние дела государств». A/RES/31/91 // ООН. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/31/91> (дата обращения: 01.02.2018).

¹⁵ Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств; утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 36/103 от 9 декабря 1981 г. A/RES/103 (XXXVI) // ООН. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/412/19/IMG/NR041219.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.02.2018).

Эта логика имела шанс получить формальное закрепление при осмыслении феномена гуманитарных интервенций (*humanitarian interventions*). Однако в названии ситуативного консультативного органа International Commission on Intervention and State Sovereignty (ICISS; утвердившийся в русском языке перевод — Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета), сформированного в 2001 г. под председательством правительства Канады, и в тексте подготовленного этой структурой итогового доклада «Ответственность по защите»¹⁶ слово *intervention* вновь употреблялось в отношении как силовых, так и не силовых действий¹⁷.

С учетом сказанного, формируя комплекс англоязычной литературы для подготовки обзора, мы стремились включить в него работы, в которых использованы оба понятия — как (*non*) *intervention*, так и (*non*) *interference*. Результаты обработки поисковых запросов в различных реферативных базах позволили сделать вполне однозначный вывод о том, что политологи в целом применяют второй из них значительно реже.

Важно и другое. Конкуренция терминов *intervention* и *interference* в англоязычном политическом дискурсе разворачивалась параллельно с возникновением и развитием двух «больших споров» о вмешательстве. Один из них касался более общих, эпистемологических вопросов, а другой — непосредственно содержательного наполнения понятия *intervention*.

* * *

Принципиальные эпистемологические различия в подходах к концептуализации вмешательства одним из первых в 1987 г. зафиксировал Р. Литтл, британский политолог-международник, преподававший тогда в Университете Ланкастера, в своем обзоре литературы об интервенциях, ставшем хрестоматийным. В нем он противопоставил друг другу «традиционалистский» и «бихевиористский» подходы, признав, впрочем, условность данных определений [Little, 1987: 50].

«Традиционалисты», подчеркивал Р. Литтл, были склонны опираться на нормативный подход и формировать понимание

¹⁶The Responsibility to Protect // International Commission on Intervention and State Sovereignty. December 2001. Available at: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf> (accessed: 01.02.2018).

¹⁷Ibid. P. 9.

интервенции на основе анализа исторических кейсов: «Идея подкрепленного статистикой, внеисторического концепта интервенции чужда традиционалистскому подходу. Напротив, традиционалисты имеют дело с противоречащими друг другу концепциями вмешательства и исходят из того, что значение этого понятия может меняться с течением времени» [Little, 1987: 53]. Основываясь на этих базовых принципах, ученые исследовали вмешательство на протяжении столетий.

Однако в 1960-е годы в его изучении наметился «бихевиористский поворот», нашедший воплощение, в частности, в работах американских ученых О. Янга [Young, 1968] и Дж. Розенау [Rosenau, 1968, 1969], которые попытались установить более четкие, научные границы данного понятия.

О. Янг одним из первых выразил обеспокоенность тем, что под термином «вмешательство» объединяются слишком разнородные явления [Young, 1968], и решил сформулировать общее определение. По его мнению, вмешательством следует называть «организованные и системные действия трансграничного характера, нацеленные на оказание влияния на политические институты объекта вмешательства» [Young, 1968: 178].

Дж. Розенау со своей стороны также указывал на разногласицу в подходах ученых к осмыслению этого феномена. Он писал, что одни исследователи воспринимают интервенцию как специфический тип поведения, другие концептуализируют ее через определенные мотивы, которыми руководствуются субъекты, осуществляющие вмешательство, третьи осмысливают интервенционистские акции через их последствия, а четвертые сопоставляют подобные действия с условными международно-правовыми стандартами [Rosenau, 1969: 153]. Именно эта разногласица и заставила ученого предпринять первую попытку разработать научно обоснованное определение вмешательства. По мнению Дж. Розенау, действия международного актора носят интервенционистский характер лишь в том случае, если, они, во-первых, обозначают разрыв с существующим *modus operandi* во взаимоотношениях государств (*convention-breaking character*), а во-вторых, осуществляются с целью изменить или сохранить структуру политической власти в стране, являющейся объектом вмешательства [Rosenau, 1969: 161], при этом обязательно должны выполняться оба условия.

Дж. Розенау отмечал четыре основных преимущества предложенного им определения:

1) сужение объекта рассмотрения до адекватных пределов и возможность не записывать любые внешнеполитические действия (или бездействие) в число интервенционистских акций;

2) разграничение исследований интервенций и внешней политики в целом (Дж. Розенау, в частности, подчеркивал, что запуск «плана Маршалла», заключение военных союзов и размещение советских ракет на Кубе в 1962 г. не должны рассматриваться в качестве примеров вмешательства, поскольку не отвечают второму из предложенных им критериев, хотя такая точка зрения легко может быть оспорена в каждом из приведенных им случаев);

3) научно обоснованное дифференцирование интервенций и таких явлений, как колониализм и империализм, которые описывают *постоянное* присутствие субъекта вмешательства в политической и экономической жизни другого государства, в то время как интервенции ограничены во времени и завершаются тогда, когда присутствие внешнего актора(ов) становится обыденным и не воспринимается как нечто чрезвычайное;

4) отсутствие увязки определения с мотивацией субъектов вмешательства или их восприятием объектами вмешательства в качестве насильственных действий, т.е. актов принуждения.

«Бихевиористский поворот» получил развитие в работах целого ряда исследователей, в числе которых Дж. ван Винген и Х.К. Тиллема [Tillema, 1973; Tillema, van Wingen, 1982; Tillema, 1989], Ф.С. Пирсон [Pearson, 1974] и Б. Данер [Dunér, 1985]. Чертами, объединявшими их с Дж. Розенау, Р. Литтл считал стремление исходить из некоего априорного понимания того, что такое интервенция и какие конкретные ее проявления необходимо отслеживать в международной практике, а также поиск в политической реальности примеров действий интервенционистского характера, соответствующих этим априорным представлениям. Сторонники «бихевиористского» подхода готовы были полностью вынести за скобки идейно-ценностные и нормативные аспекты вмешательства и, следовательно, мотивацию акторов, его осуществляющих, и сосредоточиться на обретении «чистого» знания, формулировании верифицируемых гипотез и их проверке на конкретно-эмпирическом материале с применением количественных методов.

И если сам Дж. Розенау предложил крайне широкое определение вмешательства в том, что касается инструментов, используемых при его осуществлении, то многие ученые, шедшие по его стопам, предпочли ограничить предмет рассмотрения исключительно измеряемыми (*measurable*) акциями вооруженного характера. Как отмечает Р. Литтл, сторонники этого подхода классифицировали подобные действия по таким параметрам, как объект вмешательства (интегрированные или фрагментированные государства), цель (желание повлиять на политику или изменить сами властные структуры государства — объекта воздействия) и используемые инструменты [Little, 1987: 53].

«Бихевиористский поворот» дал новый импульс развитию «традиционалистского» подхода, который в годы «холодной войны» продолжали активно разрабатывать приверженцы различных парадигм в теории международных отношений, в том числе представители английской школы [Vincent, 1974; Little, 1975; *Intervention in world politics*, 1984]. Конкуренция «бихевиористского» и «традиционалистского» подходов продолжилась и после распада биполярного мирового порядка.

В числе наиболее известных ученых, склонных оперировать априорным определением интервенции, можно назвать, в частности, американского политолога П. Регана [Regan, 1998], профессора Университета Йоханнесбурга Д. Гелденуйса [Geldenhuys, 1998] и профессора Университета Квинсленда (Австралия) К. Реус-Смита [Reus-Smit, 2013]. «Традиционалистский» же подход с его акцентом на нормативно-ценностном измерении обрел новую жизнь в трудах конструктивистов. Так, один из основоположников конструктивизма немецкий ученый Ф. Кратчвил в принципе отказывался от того, чтобы формулировать определение вмешательства, пытаясь извлечь критерии его недопустимости на основе изучения эволюции института суверенитета [Kratochwil, 1995: 22]. Аналогичной позиции придерживалась и американская исследовательница, ныне профессор Университета Джорджа Вашингтона М. Финнемор: вместо того чтобы спрашивать себя, имеет ли место интервенция, она предпочитала изучать действия, которые акторы, их совершающие, называют интервенцией, и на основе этого определять данное явление [Finnemore, 2003: 10]. В текущем десятилетии тенденция к погружению международных интервенций в исторический контекст получила развитие, в частности, в материалах темати-

ческого номера журнала «Review of International Studies» 2013 г.¹⁸ Его редактором выступил профессор лондонского Университета Брунеля Дж. Макмиллан, представивший вмешательство как «социальную практику» [Macmillan, 2013].

Более того, как и многие другие концепты, понятие «вмешательство» не избежало участи быть подвергнутым деконструкции приверженцами постмодернизма. Р. Литтл еще в 1987 г. сформулировал очень точный тезис: «Для внесения содержательного вклада в дебаты касательно вмешательства специалистам в области международных отношений потребуется значительно более изощренная концепция государственности, чем та, на которую они привыкли опираться» [Little, 1987: 59]. Вопросы государственности и суверенитета в этот период получили совершенно новое осмысление в качестве дискурсивных практик как раз в трудах постструктуралистов [Ashley, 1989; Ashley, Walker, 1990].

Одним из ученых, работавших в рамках этой парадигмы и внесших наибольший вклад в изучение проблем вмешательства, была американская исследовательница С. Уэбер, ныне преподающая в Университете Сассекса в Великобритании. С. Уэбер настаивала на том, что содержательное наполнение понятия «вмешательство» эволюционирует по мере изменения норм невмешательства во внутренние дела и их переосмысления международным сообществом [Weber, 1992: 210].

Развивая эту мысль, С. Уэбер предложила осуществить разрыв с практикой определения вмешательства как нарушения государственного суверенитета и вообще отказаться от попыток предложить универсальную дефиницию суверенитета и вмешательства, которая позволяет разделить действия на интервенционистские и не интервенционистские. Вместо это она призвала согласиться с тем, что значения понятий «суверенитет» и «вмешательство» закрепляются, оспариваются, выходят из употребления и снова становятся частью политического дискурса в определенном историческом контексте [Weber, 1992: 200]. В получившей широкий резонанс книге «Симулируя суверенитет» С. Уэбер рассмотрела несколько исторических кейсов легитимации интервенций, начиная с действий Священного Союза по подавлению восстаний в Неаполе и Испании в начале XIX в. и заканчивая американскими

¹⁸ Review of International Studies. Vol. 39. Iss. 5. Intervention and the Ordering of the Modern World. December 2013.

интервенциями в Гренаду и Панаму в конце XX столетия. На этих примерах она смогла достаточно убедительно продемонстрировать одновременно и то, каким разным содержанием наполнялось понятие «суверенитет» в различные периоды, и то, какой вклад интервенции внесли в конструирование представлений о суверенитете и их последующую эволюцию [Weber, 1995].

В трудах С. Уэбер содержалась еще одна важная мысль: при анализе конкретного кейса все зависит от того, кто обладает *легитимным правом* выступать от имени народа как носителя суверенитета. Соответственно если правительство суверенного государства, где происходит внутренний конфликт, не выражает волю своего народа, то другое государство может выступить по отношению к первому в роли суверена [Weber, 1992: 216]. Тем самым С. Уэбер не только предложила оправдание гуманитарной интервенции, но и сформулировала суть доктрины «Ответственность по защите», изложенной в упомянутом ранее одноименном докладе ICISS 2001 г. и прошедшей апробацию — крайне неудачную — в Ливии в 2011 г.

В целом работы С. Уэбер способствовали, с одной стороны, распространению представлений о суверенитете и интервенции как о взаимозависимых конструируемых концептах, а с другой — закреплению тенденции к контекстуализации понятий «вмешательство»/«невмешательство», изучению нюансов их использования в конкретно-исторических условиях. Обе идеи получили развитие, например, в книге другой представительницы постструктурализма, старшего научного сотрудника Датского института международных исследований Х. Мальмвиг. В ее работе проанализированы интервенционистские действия и отказ от них в отношении соответственно Косово и Алжира в 1990-е годы. Х. Мальмвиг подчеркивала: «Представляет ли то или иное событие акт вмешательства, зависит от того, какое значение априори вкладывается в понятие “суверенитет”, что подпадает и что не подпадает под суверенную юрисдикцию государства» [Malmvig, 2006: 16]. В то же время именно в дискурсе о вмешательстве/интервенции обозначается граница внутренней юрисдикции, т.е. содержательное наполнение суверенитет обретает как раз в ходе осуществления вмешательства [Malmvig, 2006: 17]. Х. Мальмвиг настаивает на том, что суверенитет обозначает некое правильное, нормальное состояние вещей, а интервенция — аномалию, патологию, и именно поэтому она нуждается в обосновании.

Соответственно через процесс легитимации интервенций эти характеристики понятий воспроизводятся и закрепляются в дискурсе. Заслугой Х. Мальмвиг стала убедительная демонстрация на конкретных примерах того, что, во-первых, изучение суверенитета и вмешательства как социальных конструктов требует не только временной, но и пространственной контекстуализации, а во-вторых, отказ от вмешательства во внутренний конфликт (как в случае с гражданской войной в Алжире) тоже может требовать от внешних акторов обоснования.

Приведенные примеры, безусловно, не исчерпывают всего многообразия точек зрения по вопросу о необходимости и возможности разработки дефиниции вмешательства. Вместе с тем появление радикальных постструктуралистских трактовок совершенно не означало вытеснения ими «традиционалистского» и «бихевиористского» подходов из библиографии, которые продолжали развиваться параллельно и весьма успешно. Осознавая принципиальные расхождения между этими подходами, мы, тем не менее, считаем возможным выделить одну их фундаментальную общую черту: признание их сторонниками существования неких закономерностей вне дискурса. Отталкиваясь от этого, в следующем разделе мы рассмотрим работы представителей обоих подходов. Акцент будет сделан на различиях в понимании теми или иными исследователями *содержания* термина «вмешательство».

* * *

В намеченной пунктиром в первом разделе обзора эволюции употребления англоязычных терминов *intervention* и *interference* достаточно ярко проявилось столкновение двух основополагающих трактовок вмешательства — «узкой» и «широкой», приверженцы которых вели друг с другом ожесточенную полемику. В некоторых случаях она развивалась по весьма непредсказуемой траектории, а отдельные мнения и вовсе были парадоксальными.

Первую, «узкую» трактовку можно смело назвать легалистской, поскольку преимущественно ее придерживаются именно правоведы и «традиционалисты». Наиболее часто цитируемое «узкое» определение вмешательства (как синонима вооруженной интервенции) впервые было сформулировано выдающимся немецким юристом рубежа XIX–XX вв., одним из основоположников современного международного права как научной

дисциплины Л.Ф.Л. Оппенгеймом, который концептуализировал данное явление следующим образом: «насильственное [*dictatorial*] вмешательство одного государства в дела другого в целях сохранения или изменения текущего положения дел» [Oppenheim, 1905: 304–305]. Другими словами, акцент делался на принудительном характере вмешательства, осуществлении его против воли другого государства, т.е. с применением или угрозой применения силы. В рамках данной концепции все интервенции, производимые легитимно — одним государством по просьбе другого (например, в рамках исполнения союзнических обязательств), даже не могли называться интервенциями, что фиксировало расхождение между реальными событиями в мировой политике и их нормативной интерпретацией. Правоведы также всячески хотели исключить из дискурса о вмешательстве инструменты, представлявшие собой разные формы того, что американский юрист немецкого происхождения, профессор Колумбийского университета В. Фридман относил к «нормальному взаимодействию держав, занимающих различные ступени в международной иерархии»: такие меры, как отзыв дипломатов, проведение торговых переговоров или предоставление кредитов [Friedmann, 1971: 42].

Среди политологов «узкой» трактовки придерживался, в частности, один из ведущих представителей английской школы международных отношений Х. Булл, подразумевавший под интервенцией насильственное (принудительное) вмешательство внешнего актора(ов) в сферу юрисдикции суверенного государства, или, в более широком смысле, независимого политического сообщества [Intervention in world politics, 1984: 1]. Х. Булл также подчеркивал, что неотъемлемым условием проведения интервенционистской акции является асимметрия мощи между государством, осуществляющим вмешательство, и объектом подобных действий [Intervention in world politics, 1984: 1]. Приверженность трактовке, согласно которой термин «интервенция» надо использовать исключительно в отношении акций военно-силового характера, можно встретить в научных трудах как в XX столетии [Pearson, Baumann, 1988], так и в XXI [Owens, 2004; Saunders, 2009].

В данном контексте важно затронуть вопрос о *ненасильственном вмешательстве*, осуществляемом с согласия государства, которое становится его объектом. Эта политика уникальна тем,

что не подпадает под запрет на применение силы, утвержденный Уставом ООН. Согласие на силовое вмешательство внешнего актора может быть выражено в предупредительном порядке или ретроспективно, явно или завуалированно и быть обращено к отдельным государствам, региональным организациям, негосударственным акторам или многонациональным силам, учрежденным по решению Совета Безопасности ООН. Одним из ключевых вопросов для ученых и политиков в этой связи становится выяснение того, имело ли место реальное выражение согласия на интервенцию или оно стало результатом той или иной формы внешнего давления [Lieblich, 2011: 344–345]. Вместе с тем ряд исследователей, в частности К. Реус-Смит, принципиально отказываются называть силовое вмешательство, не совершаемое против воли властей, интервенцией [Reus-Smit, 2013: 1060].

Вторая, «широкая» трактовка не предполагала концентрации внимания исключительно на *насильственном* характере вмешательства — применении или угрозе применения силы, и ее становление необходимо вписать в исторический контекст. Как отмечал Дж. Розенау, уже в первые десятилетия «холодной войны» в политическом дискурсе наблюдалась тенденция расширять границы термина «вмешательство» настолько, что «оно фактически становилось синонимом империализма, агрессии, колониализма, неоколониализма, войны и других общих понятий, используемых для описания некооперативного взаимодействия государств» [Rosenau, 1969: 153].

Распространению такой интерпретации, безусловно, способствовал процесс деколонизации. Как отмечал еще в 1960-е годы другой американский политолог Д. Болдуин, тогда преподававший в Дартмутском колледже, «лидеры развивающихся стран навешивали ярлык “вмешательство” [*intervention*] на любые возможные формы оказания влияния». «С точки зрения многих развивающихся стран, крупные державы вмешивались в их дела уже самим фактом своего существования», — писал он [Baldwin, 1969: 426–427].

Понимая опасность утраты концептом «вмешательство» аналитической состоятельности в случае принятия этой точки зрения, такие ученые, как О. Янг и Дж. Розенау, как раз и предприняли свою попытку четче обозначить границы рассматриваемого понятия. Предложенные ими определения имели две общие черты: 1) в них не содержалось никакого указания на *насильственный* характер действий, что демонстрировало до-

статочно явный разрыв с легалистской традицией; 2) речь шла о вмешательстве во *внутреннюю* политику другого государства.

Дж. Розенау признавал, что вооруженные интервенции «легче поддаются операционализации и измерению, чем другие формы оказания влияния» [Rosenau, 1969: 155], поскольку всегда оставляют «следы», обращают на себя повышенное внимание и при этом строго ограничены по времени. Вместе с тем он считал необходимым рассматривать в качестве интервенционистских акций и экономические санкции, и выставление политических требований к государству — получателю помощи, и пропагандистские кампании, имеющие цель оказать прямое влияние на политическую ситуацию в той или иной стране.

Одним из наиболее известных последователей Дж. Розенау среди зарубежных конфликтологов конца XX — начала XXI в. можно считать П.М. Регана, который, будучи профессором Бингемтонского университета, сформулировал в 1998 г. следующее определение: «Интервенции — нарушающие обычный порядок вещей акты военного и/или экономического вмешательства во внутренние дела зарубежного государства, нацеленные на изменение баланса сил между правительством и оппозицией» [Regan, 1998: 756]. Несмотря на явные параллели с подходом Дж. Розенау, П.М. Реган склонен был сужать понятие «вмешательство», исключая из него меры политико-дипломатического и информационно-пропагандистского характера, но при этом идя существенно дальше приверженцев «узкой», легалистской трактовки.

Расширительной интерпретации вмешательства придерживались и многие другие исследователи, в том числе некоторые специалисты в области юриспруденции. Например, франко-канадский правовед Дж.-Дж. Кастель подчеркивал, что вмешательство содержит элемент принуждения независимо от того, осуществляется ли оно военно-силовыми методами или только в форме политического и экономического давления, поскольку главным критерием интервенционистской акции является наличие намерения со стороны осуществляющего вмешательство актора «подавить суверенную волю другого государства» [Castel, 1976: 55].

Г. Моргентау, хотя и не ставил перед собой задачу выработки дефиниции вмешательства, также без всяких колебаний относил к его разновидностям оказание внешней помощи или отказ это делать. «Если зарубежное государство предоставляет помощь, оно

осуществляет вмешательство, и если не предоставляет — тоже. В случае если выживание правительства или государства зависит от поступления помощи извне, оно неизбежно оказывается уязвимо к политическому давлению со стороны донора. Многие правительства стран-реципиентов научились минимизировать или нейтрализовывать это давление посредством получения помощи из разных источников», — писал он. [Morgenthau, 1967: 426]. В 1975 г. Р. Литтл также отметил необходимость включения как внешней помощи, так и пропаганды в круг мероприятий интервенционистского характера [Little, 1975: 2]. При этом он полагал, что если государство устанавливает и поддерживает взаимоотношения только с одной из противоборствующих сторон, вовлеченных во внутренний конфликт, то вмешательство имеет место, а если с обеими, то оно отсутствует [Little, 1975: 8–9].

Вместе с тем подход, предложенный Дж. Розенау и акцентирующий внимание на вмешательстве во *внутренние* дела, готовы были поддержать далеко не все. Так, в 1968 г. британский историк М. Белофф, преподававший тогда в Оксфордском университете, предложил определять интервенцию как «попытку одного государства изменить внутреннюю структуру и *внешнюю политику* [курсив наш. — В.Б.] других государств с помощью различных форм принуждения» [Beloff, 1968: 198]. В схожем ключе мыслил, например, В. Фридман, писавший о насильственном вмешательстве во внутренние или *внешние* дела другого государства, что ограничивает его независимость [Friedmann, 1971: 40].

Более того, некоторые исследователи стремились давать настолько широкое определение, в частности, военной интервенции, что фактически она становилась синонимом войны или применения силы в международных делах [Tillema, 1973: 3; Tillema, 1989: 181–187; Sullivan, Koch, 2009: 709]. Другими словами, в рамках такого подхода вмешательство во внутреннюю политику не отделялось фактически от вмешательства в межгосударственные конфликты.

Впрочем, следует признать, что с определенного момента такая точка зрения в научном сообществе стала считаться скорее маргинальной. Подавляющее большинство ученых отказывались включать вмешательство во внешние дела в границы предметного поля из опасений приравнять любые внешнеполитические действия к интервенционистским акциям и сделать аналитическую категорию «вмешательство» попросту бесполезной [Intervention in world politics, 1984: 7–8; Little, 1987: 49]. Показательно, что

профессор Гарвардского университета С. Хоффман, например, даже определял интервенцию «от противного» — как «действие, которое имеет целью влиять *не на внешнюю* [курсив наш. — В.Б.], а на внутреннюю политику государства» [Intervention in world politics, 1984: 9].

На этом фоне обращает на себя внимание весьма развернутое определение вмешательства, предложенное Д. Гелденуйсом: «Вмешательство — это целенаправленное действие государства, группы государств, международной организации или другого международного актора по оказанию влияния на политическую систему другого государства (включая структуру управления, внутреннюю политику и политических лидеров) против его воли с использованием тех или иных средств принуждения (силовых или несиловых) для достижения специфических политических целей» [Geldenhuis, 1998: 6].

Данное определение представляется весьма удобным с точки зрения его инструментализации. Во-первых, акцент в нем сделан исключительно на вмешательстве во внутренние дела. Во-вторых, вмешательство не ограничивается теми или иными специфическими инструментами (методами), что выводит задачу их типологизации за рамки поиска оптимальной дефиниции. Наконец, в-третьих, оно не содержит никаких критериев, сложно поддающихся операционализации, таких как, например, «разрыв с привычным порядком вещей» (*convention-breaking character*) в трактовке Дж. Розенау. Не имеющей простого решения проблемы определения момента, когда внешнее вмешательство перестает восприниматься как нечто чрезвычайное и становится обыденным, в данном случае попросту не возникает.

В то же время нельзя не отметить государствоцентричность данного определения, которую попытался преодолеть в своих научных изысканиях К. Реус-Смит. Осуществляя разрыв с парадигмой о вмешательстве как производной от суверенитета над определенной территорией, он предложил рассматривать его как «нарушение границ юрисдикции властных структур другими властными структурами, образующими международный порядок, которое совершается в одностороннем порядке или коллективно» [Reus-Smit, 2013: 1058]. При этом ученый полагает, что интервенции всегда носят трансформационный характер и представляют собой случаи «нарушения границ юрисдикции для оказания влияния на идентичность, институты или политику», поэтому такие действия обязательно требуют

нормативного обоснования [Reus-Smit, 2013: 1058]. С точки зрения К. Реус-Смита, его трактовка может быть одинаково применима к интервенционистским идеям и акциям, характерным для различных международных порядков, в том числе довестфальской эпохи, когда ни субъекты, осуществлявшие вмешательство, ни объекты воздействия не были полностью суверенными территориальными единицами, а их власть носила не территориальный, а функциональный характер [Reus-Smit, 2013: 1066]. Такой подход в свою очередь призван облегчить анализ представлений мыслителей разных исторических эпох о вмешательстве и, с нашей точки зрения, обладает достаточно большим потенциалом для применения в международно-политической науке.

* * *

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие основные выводы.

1. В плане концептуализации проблемы вмешательства зарубежная политология с середины XX в. прошла извилистый путь, в котором имели место и принятие вмешательства как данности, и демонстрация убежденности в необходимости разработки его универсального определения, и научно обоснованный отказ заниматься поисками такой дефиниции. При этом следует еще раз подчеркнуть, что речь шла не о последовательно сменявших друг друга стадиях, а о параллельно развивавшихся точках зрения, у которых фактически в любой момент времени было достаточное число весьма авторитетных сторонников.

2. Скепсис критиков идеи получения «чистого» знания о феномене вмешательства, большинство из которых являются приверженцами конструктивистской парадигмы либо постструктуралистами, вполне объясним. В то же время невозможно отрицать и то, что важнейшая задача классификации типов вмешательства требует формулирования хотя бы рабочего определения этого понятия. Предложенная М. Финнемор идея индуктивного выведения дефиниции на основе анализа действий, которые совершающие их акторы называют интервенцией, несомненно, близка к представлениям приверженцев гроцианской и кантианской традиций в теории международных отношений о существовании универсальных прав и норм. Однако указанной идеей объективно было бы очень сложно руководствоваться как при анализе практик вмешательства эпохи «холодной войны» с ее

бесчисленными интервенциями и контринтервенциями, так и сегодня, в конце второго десятилетия XXI в.

В условиях обострения межгосударственного противоборства и возрождения идеологического соперничества, одним из элементов которого как раз и выступает усиление различий в представлениях о границах государственного суверенитета и допустимости их нарушения, исследователь, полагающийся на дискурс субъектов, совершающих интервенционистские действия, попросту рискует стать заложником логики «игры с нулевой суммой» и политики «двойных стандартов». Выдающийся британский историк Э. Карр еще в 1939 г. блестяще сформулировал суть этой проблемы, отметив, что «доминирующие державы рассматривают суверенитет других государств как препятствие, мешающее им наслаждаться своим преобладающим положением» [Carr, 1939: 18]. Этот тезис сохраняет актуальность по сей день и вполне может быть применен к дискурсу о расширении границ допустимости вмешательства во внутренние дела под гуманитарными предлогами после «ливийского кейса», вызывающего все большее отторжение у незападных держав — России, Китая, Ирана, Турции и др.

Формулирование рабочего определения, как представляется, дает возможность вырваться из ловушки «взаимно гарантированной обструкции» и конфликта восприятий. Это, впрочем, не отменяет необходимости активизировать усилия по изучению специфики дискурса о вмешательстве/интервенциях посредством обращения к конкретным интернационализированным внутренним конфликтам и кризисам, имевшим место в разные исторические периоды в различных регионах мира.

3. Конкуренция «узкой» и «широкой» трактовок вмешательства служила еще одной движущей силой развития концептуально-теоретических представлений об этом явлении. И по сей день среди ученых можно встретить приверженцев как одного, так и другого подхода, способных найти массу аргументов в обоснование своего выбора.

По нашему глубокому убеждению, использование «узкой», легалистской трактовки вмешательства, акцентирующей внимание на случаях применения военной силы, несомненно, облегчает задачу исследователя, однако в некотором смысле ведет к искажению действительности. Интернационализированные внутренние конфликты подразумевают возможность применения внешними акторами широчайшего спектра экономических, политико-ди-

пломатических и информационно-пропагандистских инструментов воздействия на внутренние дела. Различного рода санкции (как прямые, так и косвенные — экстерриториальные), помощь оппозиции (военная, финансовая и политическая — через использование разных видов признания) или информационное давление могут в ряде случаев оказывать настолько же значительное влияние на логику и динамику того или иного внутреннего противоборства, как и применение силы, тем более в ограниченном масштабе. Сознательное исключение этих инструментов из сферы рассмотрения будет искусственным. И хотя ни в одном юридически обязывающем документе эти формы по-прежнему не кодифицированы как меры интервенционистского характера, сложно отрицать, что почти всеми субъектами международных отношений они воспринимаются в качестве таковых, если речь идет о конфликтах, затрагивающих их непосредственные интересы. Споры о том, применение каких невоенных инструментов и в каких случаях является вмешательством во внутренние дела и нарушением суверенитета, как раз и составляют суть многих дипломатических баталий, которые разворачиваются сегодня, и их игнорирование граничит с опасным редукционизмом.

4. Рабочее определение должно обозначать вмешательство исключительно во внутренние дела и не ставить вопроса о его восприятии в качестве чрезвычайного или обыденного. В этом плане и более детализированная трактовка Д. Гельденуйса, в которой явственно проглядывает стремление четко обозначить позицию по каждому спорному аспекту, и дефиниция, предложенная К. Реус-Смитом, вполне могут быть взяты на вооружение. Вместе с тем определение К. Реус-Смита дает некоторые преимущества благодаря применимости к различным историческим эпохам и акценту на оказании внешнего воздействия на идентичность, примеров которого в информационную эпоху становится все больше.

5. Принятие на вооружение какого-то уже сформулированного определения или разработка собственной дефиниции само по себе не является панацеей. В сущности, это лишь первый шаг на пути к классификации видов вмешательства, которая, по справедливому выражению еще одного представителя английской школы международных отношений Дж. Винсента, может быть произведена лишь в том случае, если «“геном” интервенции уже определен и необходима лишь выявление различных его модификаций» [Vincent, 1974: 10].

В построении данной классификации, как представляется, имеет смысл отталкиваться как раз от изучения конкретно-эмпирического материала, а не от априорно заданных параметров. В этом плане большую пользу может принести обращение к истории многочисленных интернационализированных внутренних конфликтов «холодной войны», которые имели место во всех без исключения регионах мира. Построение максимально развернутой типологии инструментов вмешательства — задача, заслуживающая того, чтобы стать предметом отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бордачев Т.В. Миротворческая и гуманитарная интервенция и ее место в поддержании глобальной и региональной безопасности: современные теории и практический опыт: Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 1998.
2. Голубев Д.С. К проблеме концептуализации феномена интернационализованного внутригосударственного конфликта: о недостаточности изучения роли внешних государственных акторов // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 12. Доступ: <https://doi.org/10.24158/rep.2018.12.1> (дата обращения: 01.03.2019).
3. Дидманидзе У.Т. Наука международного права об ограничении и запрещении применения вооруженной силы в международных отношениях: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
4. Камаровский Л.А. Начало невмешательства: вопрос об интервенциях в литературе / 2-е изд., воспр. по изд.: М.: Университетская тип. (Катков и Ко), 1874. М.: URSS, 2016.
5. Никитин А.И. Международное вмешательство в современные конфликты: миротворческая политика ООН, ОБСЕ, ЕС, НАТО и ОДКБ: Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2017.
6. Худайкулова А.В. Теория и практика «гуманитарного вмешательства» в современной миротворческой деятельности: на примере Югославии: Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2003.
7. Ashley R.K. Living on border lines: Man, poststructuralism, and war // International/intertextual relations: Postmodern readings of world politics / Ed. by J. Der Derian, M.J. Shapiro. New York: Lexington Books, 1989. P. 259–321.
8. Ashley R.K., Walker R.B.J. Conclusion: Reading dissidence/writing the discipline: Crisis and the question of sovereignty in international studies // International Studies Quarterly. 1990. Vol. 34. No. 3. P. 367–416.
9. Baldwin D. Foreign aid, intervention, and influence // World Politics. 1969. Vol. 21. No. 3. P. 425–447.
10. Beloff M. Reflections on intervention // Journal of International Affairs. 1968. Vol. 22. No. 2. P. 198–207.
11. Carr E. The twenty years' crisis, 1919–1939. An introduction to the study of international relations. London: Macmillan and Co., 1939.
12. Castel J.-G. International law chiefly as applied and interpreted in Canada. 3rd ed. Toronto: Butterworths, 1976.

13. Dunér B. *Military intervention in civil wars: The 1970s*. Aldershot: Gower, 1985.
14. Evans G., Newnham R. *The dictionary of world politics: A reference guide to concepts, ideas, and institutions*. New York: Harvester Wheatsheaf, 1992.
15. Finnemore M. *The purpose of intervention: Changing beliefs about the use of force*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003.
16. Friedmann W. *Intervention and international law // Intervention in international politics* / Ed. by L.G.M. Jaquet. The Hague: Netherlands Institute of International Affairs and Martinus Nijhoff, 1971. P. 40–68.
17. Geldenhuys D. *Foreign political engagement*. London: Palgrave Macmillan UK, 1998.
18. Graber D.A. *Crisis diplomacy: A history of U.S. intervention politics and practices*. Washington, D.C.: Public Affairs Press, 1959.
19. *Intervention in world politics* / Ed. by H. Bull. Oxford: Clarendon, 1984.
20. Jones G.J. *The United Nations and the domestic jurisdiction of states: Interpretations and applications of the non-intervention principle*. Cardiff: University of Wales Press, 1979.
21. Kratochwil F. *Sovereignty as dominium: Is there a right of humanitarian intervention?* // *State sovereignty and international intervention* / Ed. by G. Lyons, M. Mastanduno. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995. P. 21–42.
22. *Law on the use of force and armed conflict* / Ed. by R. Cryer, Ch. Henderson. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2017.
23. Lieblich E. *Intervention and consent: Consensual forcible interventions in internal armed conflicts as international agreements* // *Boston University International Law Journal*. 2011. Vol. 29. P. 337–382.
24. Little R. *Intervention: External involvement in civil wars*. London: M. Robertson, 1975.
25. Little R. *Revisiting intervention: A survey of recent developments* // *Review of International Studies*. 1987. Vol. 13. P. 49–60.
26. Macmillan J. *Intervention and the ordering of the modern world* // *Review of International Studies*. 2013. Vol. 39. No. 5. P. 1039–1056.
27. Malmvig H. *State sovereignty and intervention: A discourse analysis of interventionary and non-interventionary practices in Kosovo and Algeria*. London: Routledge, 2006.
28. Morgenthau H.J. *To intervene or not to intervene* // *Foreign Affairs*. 1967. Vol. 45. No. 3. P. 425–436.
29. Nowak C. *The changing law of non-intervention in civil wars — assessing the production of legality in state practice after 2011* // *Journal on the Use of Force and International Law*. 2018. Vol. 5. No.1. P. 40–77.
30. Oppenheim L.F.L. *International law: A treatise*. Vol. 1: Peace. New York; Bombay: Longmans, Green, and Co., 1905.
31. Owens P. *Theorizing military intervention* // *International Affairs*. 2004. Vol. 80. No. 2. P. 355–365.
32. *The Oxford handbook of the use of force in international law, 2017* / Ed. by M. Weller. Oxford: Oxford University Press, 2017.
33. Pearson F.S. *Geographic proximity and foreign military intervention* // *The Journal of Conflict Resolution*. 1974. Vol. 18. No. 3. P. 432–460.
34. Pearson F.S., Baumann R.A. *International military interventions: Identification and classification* // *International Interactions*. 1988. Vol. 14. No. 2. P. 173–180.

35. Regan P.M. Choosing to intervene: Outside interventions in internal conflicts // *Journal of Politics*. 1998. Vol. 60. No. 3. P. 754–779.
36. Rethinking humanitarian intervention in the 21st century / Ed. by A. Warren, D. Grenfell. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018.
37. Reus-Smit C. The concept of intervention // *Review of International Studies*. 2013. Vol. 39. No. 5. P. 1057–1076.
38. Rosenau J.N. The concept of intervention // *Journal of International Affairs*. 1968. Vol. 22. No. 2. P. 165–176.
39. Rosenau J. Intervention as a scientific concept // *Journal of Conflict Resolution*. 1969. Vol. 13. P. 149–171.
40. Saunders E.N. Transformative choices: Leaders and the origins of intervention strategy // *International Security*. 2009. Vol. 4. No. 2. P. 119–161.
41. Sullivan P.L., Koch M.T. Military intervention by powerful states, 1945–2003 // *Journal of Peace Research*. 2009. Vol. 46. No. 5. P. 707–718.
42. Talentino A.K. *Military intervention after the Cold war: The evolution of theory and practice*. Athens: Ohio University Press, 2005.
43. Tillema H.K. *Appeal to force: American military intervention in the era of containment*. New York: T.Y. Crowell, 1973.
44. Tillema H.K. Foreign overt military intervention in the nuclear age // *Journal of Peace Research*. 1989. Vol. 26. No. 2. P. 179–196.
45. Tillema H.K., van Wingen J.R. Law and power in military intervention: Major states after World War II // *International Studies Quarterly*. 1982. Vol. 26. No. 2. P. 220–250.
46. *The use of force in international law: A case-based approach* / Ed. by T. Ruys, O. Corten. New York: Oxford University Press, 2018.
47. Vincent R.J. *Non-intervention and international order*. Princeton: Princeton University Press, 1974.
48. Weber C. Reconsidering statehood: Examining the sovereignty/intervention boundary // *Review of International Studies*. 1992. Vol. 18. P. 199–216.
49. Weber C. *Simulating sovereignty: Intervention, the state, and symbolic exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
50. Young O.R. Intervention and international systems // *Journal of International Affairs*. 1968. Vol. 22. No. 2. P. 177–187.

V.I. Bartenev

INTERVENTION IN THE DOMESTIC AFFAIRS: QUESTIONING DEFINITIONS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The last decades have seen a proliferation of internationalized internal disputes and a steady growth in scholarly interest in interference in the domestic affairs of sovereign states. This bibliographic review summarizes the approaches of those scholars (predominantly from the Anglo-Saxon countries) — who focused on conceptual dimensions of the intervention

problematique. The review consists of three sections. The first section examines the semantic nuances of the key terms in Russian and English languages describing interventionist behaviour and the particularities of their usage in international legal documents. The second and third sections reveal the essence of two 'great debates' in the literature on intervention. The first debate centers on desirability and possibility of working out a definition of intervention. The second debate focuses on delimiting semantic boundaries of the 'intervention' concept. The first debate is presented as a polemic between scholars who take intervention for granted, the proponents of treating it as a scientific concept and those who refuse to search for a common definition as such. The conclusion contains a critique of argumentation of those scholars — predominantly constructivists and post-structuralists — who question the possibility of obtaining a purely scientific knowledge about intervention and call for studying discourse instead, including the discourse of actors conducting interventionist actions. The author of the review justifies the need to formulate the working definition of intervention which would allow to get out of a trap conflicting perceptions in the times of an increasing interstate confrontation, revival of an ideological competition and widening divergences in conceptualisation of sovereignty, its boundaries and conditions of their violation. He also advocates for the utilization of the broadest interpretation of intervention which, on the one hand, would include both military and non-military tools (such as foreign aid, sanctions, information influence etc.), and, on the other hand, would be applicable to studying interventionist practices of different historical epochs, including the pre-Westphalian era. The review concludes with a reminder that the use of any extant definition or a development of a new one is only the first step towards a typology of interventionist actions which should be based on the study of empirical data and not on the a priori chosen parameters.

Keywords: intervention in the domestic affairs, interference, non-interference, sovereignty, internationalized domestic conflict, behaviourism, English School of international relations, constructivism, post-structuralism, discourse, foreign aid, sanctions.

About the author: *Vladimir I. Bartenev* — PhD (History), Associate Professor at the Chair for International Organizations and World Political Processes, Director of the Center for Security and Development Studies at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vladimir.bartenev@fmp.msu.ru).

Acknowledgements: This paper represents a revised version of the literature review conducted within the research project which was implemented under the aegis of the Center for Security and Development Studies at the

School of World Politics, Lomonosov Moscow State University in 2015–2017 with the financial support of the Russian Foundation for Humanities and the Russian Foundation for Basic Research (project № 15-01-00363).

REFERENCES

1. Bordachev T.V. 1998. *Mirotvorcheskaya i gumanitarnaya interventsiiya i ee mesto v podderzhanii global'noi i regional'noi bezopasnosti: sovremennye teorii i prakticheskii opyt* [Peacekeeping and humanitarian intervention and its role in maintaining global and regional security: Contemporary theories and practice]. PhD Thesis. Saint-Petersburg. (In Russ.)
2. Golubev D.S. 2018. K probleme kontseptualizatsii fenomena internatsionalizirovannogo vnutrigosudarstvennogo konflikta: o nedostatochnosti izucheniya roli vneshnikh gosudarstvennykh aktorov [Conceptualization of internationalized intrastate conflict: Moving beyond the role of external state-based actors]. *Society: Politics, economics, law*, vol. 12. Available at: <https://doi.org/10.24158/pep.2018.12.1> (accessed: 01.03.2019). (In Russ.)
3. Didmanidze U.T. 2017. *Nauka mezhdunarodnogo prava ob ogranichenii i zapreshchenii primeneniya vooruzhennoi sily v mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [Science of international law on restrictions and prohibitions on the use of force in international relations]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)
4. Kamarovskii L.A. 2016. *Nachalo nevmeshatel'stva* [The origins of non-intervention]. 2nd ed., cop. 1874. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)
5. Nikitin A.I. 2017. *Mezhdunarodnoe vmeshatel'stvo v sovremennye konflikty: mirotvorcheskaya politika OON, OBSE, ES, NATO i ODKB* [International intervention in conflicts. UN, OSCE, EU, NATO, CSTO peacekeeping policies]. Moscow, Valdai Discussion Club Publ. (In Russ.)
6. Khudaikulova A.V. 2003. *Teoriya i praktika 'gumanitarnogo vmeshatel'stva' v sovremennoi mirotvorcheskoi deyatel'nosti: na primere Yugoslavii* [Theory and practice of 'humanitarian intervention' in contemporary peacekeeping: Case of Yugoslavia]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)
7. Ashley R.K. 1989. Living on border lines: Man, poststructuralism, and war. In Der Derian J., Shapiro M.J. (eds.). *International/intertextual relations: Postmodern readings of world politics*. New York, Lexington Books, pp. 259–321.
8. Ashley R.K., Walker R.B.J. 1990. Conclusion: Reading dissidence/writing the discipline: Crisis and the question of sovereignty in international studies. *International Studies Quarterly*, vol. 34, no. 3, pp. 367–416.
9. Baldwin D. 1969. Foreign aid, intervention, and influence. *World Politics*, vol. 21, no. 3, pp. 425–447.
10. Beloff M. 1968. Reflections on intervention. *Journal of International Affairs*, vol. 22, no. 2, pp. 198–207.
11. Carr E. 1939. *The twenty years' crisis, 1919–1939. An introduction to the study of international relations*. London, Macmillan and Co.
12. Castel J.-G. 1976. *International law chiefly as applied and interpreted in Canada*. 3rd ed. Toronto, Butterworths.
13. Dunér B. 1985. *Military intervention in civil wars: The 1970s*. Aldershot, Gower.
14. Evans G., Newnham R. 1992. *The dictionary of world politics: A reference guide to concepts, ideas, and institutions*. New York, Harvester Wheatsheaf.

15. Finnemore M. 2003. *The purpose of intervention: Changing beliefs about the use of force*. Ithaca, NY, Cornell University Press.
16. Friedmann W. 1971. Intervention and international law. In Jaquet L.G.M. (ed.). *Intervention in international politics*. The Hague, Netherlands Institute of International Affairs and Martinus Nijhoff, pp. 40–68.
17. Geldenhuys D. 1998. *Foreign political engagement*. London, Palgrave Macmillan UK.
18. Graber D.A. 1959. *Crisis diplomacy: A history of U.S. intervention politics and practices*. Washington, D.C., Public Affairs Press.
19. Bull H. (ed.). 1984. *Intervention in world politics*. Oxford, Clarendon.
20. Jones G.J. 1979. *The United Nations and the domestic jurisdiction of states: Interpretations and applications of the non-intervention principle*. Cardiff, University of Wales Press.
21. Kratochwil F. 1995. Sovereignty as dominium: Is there a right of humanitarian intervention? In Lyons G., Mastanduno M. (eds.). *State sovereignty and international intervention*. Baltimore, Johns Hopkins University Press. P. 21–42.
22. Cryer R., Henderson Ch. (eds.). 2017. *Law on the use of force and armed conflict*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing.
23. Liebllich E. 2011. Intervention and consent: Consensual forcible interventions in internal armed conflicts as international agreements. *Boston University International Law Journal*, vol. 29, pp. 337–382.
24. Little R. 1975. *Intervention: External involvement in civil wars*. London, M. Robertson.
25. Little R. 1987. Revisiting intervention: A survey of recent developments. *Review of International Studies*, vol. 13, pp. 49–60.
26. Macmillan J. 2013. Intervention and the ordering of the modern world. *Review of International Studies*, vol. 39, no. 5, pp. 1039–1056.
27. Malmvig H. 2006. *State sovereignty and intervention: A discourse analysis of interventionary and non-interventionary practices in Kosovo and Algeria*. London, Routledge.
28. Morgenthau H.J. 1967. To intervene or not to intervene. *Foreign Affairs*, vol. 45, no. 3, pp. 425–436.
29. Nowak C. 2018. The changing law of non-intervention in civil wars — assessing the production of legality in state practice after 2011. *Journal on the Use of Force and International Law*, vol. 5, no. 1, pp. 40–77.
30. Oppenheim L.F.L. 1905. *International law: A treatise. Vol. 1: Peace*. New York, Bombay, Longmans, Green, and Co.
31. Owens P. 2004. Theorizing military intervention. *International Affairs*, vol. 80, no. 2, pp. 355–365.
32. Weller M. (ed.). 2017. *The Oxford handbook of the use of force in international law, 2017*. Oxford, Oxford University Press.
33. Pearson F.S. 1974. Geographic Proximity and Foreign Military Intervention. *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 18, no. 3, pp. 432–460.
34. Pearson F.S., Baumann R.A. 1988. International military interventions: Identification and classification. *International Interactions*, vol. 14, no. 2, pp. 173–180.
35. Regan P.M. 1998. Choosing to intervene: Outside interventions in internal conflicts. *Journal of Politics*, vol. 60, no. 3, pp. 754–779.

36. Warren A., Grenfell D. (eds.). 2018. *Rethinking humanitarian intervention in the 21st century*. Edinburgh, Edinburgh University Press.
37. Reus-Smit C. 2013. The concept of intervention. *Review of International Studies*, vol. 39, no. 5, pp. 1057–1076.
38. Rosenau J.N. 1968. The concept of intervention. *Journal of International Affairs*, vol. 22, no. 2, pp. 165–176.
39. Rosenau J. 1969. Intervention as a scientific concept. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 13, pp.149–171.
40. Saunders E.N. 2009. Transformative choices: Leaders and the origins of intervention strategy. *International Security*, vol. 4, no. 2, pp. 119–161.
41. Sullivan P.L., Koch M.T. 2009. Military intervention by powerful states, 1945–2003. *Journal of Peace Research*, vol. 46, no. 5, pp. 707–718.
42. Talentino A.K. 2005. *Military intervention after the Cold war: The evolution of theory and practice*. Athens, Ohio University Press.
43. Tillema H.K. 1973. *Appeal to force: American military intervention in the era of containment*. New York, T.Y. Crowell.
44. Tillema H.K. 1989. Foreign overt military intervention in the nuclear age. *Journal of Peace Research*, vol. 26, no. 2, pp. 179–196.
45. Tillema H.K., van Wingen J.R. 1982. Law and power in military intervention: Major states after World War II. *International Studies Quarterly*, vol. 26, no. 2, pp. 220–250.
46. Ruys T., Corten O. (eds.). 2018. *The use of force in international law: A case-based approach*. New York, Oxford University Press.
47. Vincent R.J. 1974. *Non-intervention and international order*. Princeton, Princeton University Press.
48. Weber C. 1992. Reconsidering statehood: Examining the sovereignty/intervention boundary. *Review of International Studies*, vol. 18, pp. 199–216.
49. Weber C. 1995. *Simulating sovereignty: Intervention, the state, and symbolic exchange*. Cambridge, Cambridge University Press.
50. Young O.R. 1968. Intervention and international systems. *Journal of International Affairs*, vol. 22, no. 2, pp. 177–187.

ПОЛИТЭКОНОМИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Д.А. Нечкин*

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ РИСК»: КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Анализ политических рисков начал оформляться в самостоятельное направление прикладных международных исследований в разгар «холодной войны», но в последние годы получил новый импульс для развития. Предпосылкой к этому стало качественное возрастание неопределенности в целом ряде сегментов мировой политики после серии мощных «стратегических шоков» («Арабское пробуждение», «украинский кризис», Брексит и др.), оказавших масштабное и зачастую непредвиденное прямое и косвенное влияние на международную деятельность бизнес-структур по всему миру. В настоящей статье проведено сравнительное исследование классических подходов к определению политических рисков, сформулированных ведущими специалистами в данной области в 1970–1980-е годы, и современных трактовок, которые появились в научной литературе, а также в материалах аналитических центров и консалтинговых агентств в последнее десятилетие. Осуществлена типологизация классических определений политических рисков, в частности выделены такие факторы, как нежелательное воздействие национального правительства принимающей страны на проведение деловых операций, возможность ограничения деятельности транснациональных корпораций, отсутствие стабильности в деловой среде в связи с политическими событиями. Обозначены основные факторы, предопределившие особенности современных подходов к дефиниции политических рисков, включая усиление влияния негосударственных акторов, возникновение политических рисков в развитых государствах и др. Продемонстрирована роль этих факторов в расширении или изменении представлений о таких характеристиках политических

* *Нечкин Дмитрий Анатольевич* — аспирант кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dimitrn@yandex.ru).

рисков, как их субъект, среда возникновения и методы воздействия на объект (инострannую компанию).

Ключевые слова: политические риски, страновые риски, иностранные инвесторы, международный бизнес, политическая среда, принимающая страна, страна происхождения, инвестиции, санкции, протекционизм.

Проблемы риска широко исследуются в рамках различных наук: экономики, юриспруденции, математики и др. Согласно словарю современных экономических терминов риск — это опасность возникновения непредвиденных потерь ожидаемой прибыли, дохода или имущества, денежных средств в связи со случайным изменением условий экономической деятельности, неблагоприятными обстоятельствами [Райзберг, 2008].

В политической науке проблемы анализа рисков начали системно изучать лишь с середины XX в., хотя сама по себе политическая среда всегда была важным фактором оценки при осуществлении международных деловых операций.

Риски политического характера стали заметно сказываться на деятельности транснациональных компаний в развивающихся странах, где политическая среда характеризовалась низким уровнем стабильности и имела высокий потенциал воздействия на функционирование бизнес-структур.

Анализ политических рисков применим и в рамках изучения деятельности компаний внутри государства, но на практике он чаще используется для оценки деловой активности на внешних рынках, например выполнения экспортных контрактов или осуществления прямых иностранных инвестиций.

Несмотря на то что общего определения и универсальной структуры анализа политических рисков нет, существует набор характеристик, позволяющих идентифицировать те или иные политические угрозы, которые потенциально могут оказывать или уже оказывают воздействие на бизнес-структуры. На протяжении истории развития международных экономических отношений изучение политических рисков приобретало более комплексный характер, усложнялось и дополнялось различными концепциями и моделями.

С течением времени возникают новые тенденции, оказывающие влияние на международную деятельность компаний, происходят социально-экономические потрясения, появляются

новые виды угроз, исходящих от негосударственных акторов, в условиях глобализации усиливается взаимозависимость субъектов международной деятельности. В результате формируется потребность в пересмотре традиционных подходов к понятию «политический риск», которые были предложены в 1970–1980-е годы [Nehrt, 1970; Weston, Sorge, 1972; Aliber, 1973; Jodice, 1981; и др.] (на основе анализа характерных для того периода событий в политической среде). Эти подходы до сих пор используются во многих научных исследованиях [Афанасьева, 2018; Панюков, 2015; Clark, Tunaru, 2015; и др.], но не отражают в полной мере современные тенденции.

В настоящее время оценка политических рисков становится особенно актуальной ввиду существенного возрастания неопределенности в мировой политике и мировой экономике. «Горячие точки», генерирующие политические риски, регулярно возникали в мире и в прошлом, однако в настоящее время наблюдается одномоментное появление различных по своей природе рисков, оказывающих влияние на инвестиционные потоки в глобальном масштабе. Можно выделить несколько факторов, которые способствовали повышенному вниманию исследователей к проблемам анализа рисков в последние годы:

– «Арабское пробуждение» [Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия., 2012] — масштабные и неожиданные социально-политические потрясения, которые охватили регион Ближнего Востока и Северной Африки, значительно повлияли на деловой климат затронутых стран и выявили ряд недостатков существующих подходов к оценке политических рисков;

– Брексит [Бабынина, 2016; Байков, Дымова, 2017], обозначивший проблему анализа политических рисков в программах управления рисками в Европейском регионе, который традиционно был наименее подвержен угрозам политического характера;

– протекционистская политика [Яковлев, 2017; Дмитриев, Королев, 2017], начатая в США с приходом к власти администрации Д. Трампа (выход из Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, пересмотр НАФТА, введение запретительных пошлин на товары из Китая, Европы, Канады и Мексики) и усилившая геополитическую напряженность;

– международные санкции против России [Симонов, 2015; Гусев, 2015; Политика санкций., 2018], серьезно повысившие

спрос на страхование деловых операций зарубежных компаний от политических рисков на постсоветском пространстве.

Цель данной работы — выяснить, как изменился характер политических рисков в последние полвека и какие тенденции наблюдаются в настоящее время в концептуализации данного понятия в результате осмысления текущих общественно-политических событий. В структурном плане статья состоит из двух основных частей. В первой изучен процесс становления и развития понятия «политический риск» на протяжении второй половины XX в., рассмотрены основные особенности сформулированных тогда классических определений первого поколения, которые можно встретить в отдельных работах и по сей день. Во второй части внимание сфокусировано на новых тенденциях и подходах к определению политических рисков, проявившихся в полной мере в новом тысячелетии.

* * *

Рассматривая подходы к определению политических рисков, сразу важно дифференцировать термины «политический риск» (*political risk*) и «страновой риск» (*country risk*). Последний наиболее широко употребляется при составлении различных рейтингов инвестиционной привлекательности государства, оценке его кредитоспособности или вероятности дефолта по долговым обязательствам.

Главная особенность страновых рисков состоит в том, что они как многомерное явление включают различные финансово-экономические и социально-политические параметры, поэтому ставить знак равенства между страновыми и политическими рисками не всегда правомерно. Вместе с тем ряд авторов отождествляют данные понятия, и в этом случае говорят о страновых рисках в узком их значении. Так, И.А. Подколзина, старший научный сотрудник Центра европейских исследований ИМЭМО РАН, выделяет в рамках общих страновых рисков некоммерческие (политические) и коммерческие риски [Подколзина, 1996: 20]. Другой современный отечественный исследователь из РЭУ им. Г.В. Плеханова И.А. Кадырбаев также разграничивает экономические и политические риски как субкомпоненты базового понятия страновых рисков [Кадырбаев, 2016: 88]. Автор берет за основу классический подход западных исследователей к определению политических рисков, согласно которому они

характеризуются прямым вмешательством государства, принимающего инвестиции, в работу иностранных компаний методами дискриминации, национализации и экспроприации [Кадырбаев, 2016: 88]. Дискриминация подразумевает неравные условия деятельности национальных и иностранных фирм в стране пребывания, что предполагает повышение существующих или введение новых пошлин, дополнительные налоговые обязательства для зарубежных организаций, излишнее регулирование коммерческой деятельности. Экспроприация представляет собой лишение иностранной компании права собственности на территории государства пребывания, что означает потерю контроля над существующими активами. При национализации происходит полная передача частной собственности (промышленных предприятий, банков, земельных ресурсов и т.д.) государству.

Таким образом, в зависимости от предмета научного исследования политические риски могут выступать, с одной стороны, как часть анализа страновых рисков, с другой стороны — как самостоятельное направление при оценке социально-политических угроз. В рамках данной статьи акцент делается именно на втором аспекте.

Важно отметить, что до 1970-х годов из-за отсутствия массива необходимых данных и недостаточной разработанности методов анализа и прогнозирования политических рисков в научной литературе им отводилась второстепенная роль. В период 1970–1980-х годов исследования политических рисков стали более серьезными и прикладными вследствие значительного роста угроз политического характера для западных компаний, поступательно осваивавших зарубежные рынки. «Нефтяной шок» 1973 г., революции в Иране и Никарагуа в 1979 г. вызвали серьезные опасения у государственных и коммерческих структур за развитие инвестиционных проектов, в том числе на рынке углеводородов, и соответственно рост публикаций, научных исследований, международных отчетов частных и государственных агентств по прогнозированию и управлению политическими рисками. Именно в этот период были определены ключевые характеристики данного понятия.

При детальном изучении становления термина «политический риск» в научной литературе можно разделить весь спектр определений первого поколения на две большие группы. Основным критерием классификации выступал субъект, создающий поли-

тические риски. Если в первом случае это исключительно органы государственной власти, которые могут вступать в конфликт с иностранным бизнесом и налагать ограничения на осуществление деловых операций, то во втором — более обширный перечень факторов, включающий не только деятельность правительства, но и динамичные процессы, происходящие в социально-политической жизни и способные прямо или косвенно оказывать влияние на деловую активность (например, социальные волнения, революции или государственные перевороты, смена политических элит, международные конфликты и т.д.).

Представители первого подхода к анализу причин возникновения политических рисков профессора Калифорнийского университета В. Вестон и Б. Сордж в своей работе «Международный финансовый менеджмент» утверждали, что политические риски проистекают из действий органов государственной власти, которые препятствуют проведению деловых операций, изменяют условия соглашений или ведут к частичной или полной конфискации собственности компаний [Weston, Sorge, 1972: 60].

Эксперт в области политических наук, политический консультант Д. Джодис в свою очередь обозначает политические риски как «возможные изменения в условиях проведения операций иностранными компаниями, возникающие в ходе политического процесса» [Jodice, 1981: 5]. Наконец, профессор Чикагского университета Р. Алибер условно определяет политические риски как негативное воздействие мер, принимаемых государством в отношении иностранных инвесторов, в частности ограничения, накладываемые правительством на трансграничное перемещение капитала [Aliber, 1973: 1453].

Стоит отметить, что в рамках данного подхода политические риски рассматриваются достаточно однобоко — с точки зрения интересов зарубежных инвесторов, а это не всегда отражает объективную действительность. Часть специалистов в области политических рисков придерживаются мнения, что те или иные действия правительства в отношении зарубежных инвестиций имеют не только негативные последствия, но могут также способствовать возникновению новых возможностей или отражать определенный национальный политический курс. В пример можно привести государственные программы и налоговые преференции в поддержку отечественного производства или политические изменения, в результате которых происходит либерали-

зация деятельности в отношении инвесторов, что способствует дополнительному притоку инвестиций в стратегически важные для государства сектора.

Как справедливо отмечает И.А. Подколзина, под термином «политический риск» необходимо понимать неопределенность среды, в которой действуют все нерыночные силы [Подколзина, 1996: 24]. Это означает, что при оценке политических рисков исследователь может рассматривать их не только в качестве источника негативного воздействия, но и с точки зрения новых возможностей и ресурсов для развития бизнеса, т.е. сами риски являются нейтральными и могут способствовать возникновению положительных или отрицательных эффектов в зависимости от контекста.

Представители второй группы исследователей (С. Кобрин, Г. Райс, И. Махмуд, Ф. Рут, Ч. Нэрт, С. Робок, Дж. Саймон, Р. Грин, К. Корс) определяют политические риски более широко: как возможность ограничения деятельности транснациональных корпораций (международного бизнеса) или как отсутствие стабильности в деловой среде в связи с политическими событиями.

В рамках данного подхода речь идет о таких событиях, которые потенциально накладывают ограничения на деятельность компаний в принимающей стране и при неблагоприятном исходе ведут к полной потере контроля над собственностью инвесторов в результате политических или социальных процессов (введение административных барьеров, гражданские волнения, военные действия и т.д.).

К данному подходу можно отнести одну из первых теоретических работ, в которой использовалось понятие «политический риск», — монографию профессора Университета Пенсильвании Ф. Рута «Бизнес США за рубежом и политический риск» [Root, 1968: 11]. В этом исследовании политические риски характеризуются как события, происходящие в политической среде, ассоциируемые с действиями правительства и оказывающие влияние на работу фирмы. Ф. Рут отделяет политические риски от иных рисков (экономических/финансовых), характерных для деловой среды в принимающей стране.

Исследователь определяет политические риски как возможные политические события любого рода (например, война, революция, государственный переворот, экспроприация, налогообложение, девальвация, введение механизмов валютного контроля и

ограничений на импорт) в принимающей стране, которые ведут к потере прибыли и/или активов в международных деловых операциях [Root, 1968: 11].

Ф. Рут подчеркивает разницу между неопределенностью и риском, указывая, что неопределенность потенциально нельзя просчитать, в то время как риск может быть спрогнозирован.

Анализ соотношения риска и неопределенности в дальнейшем получил развитие в научном дискурсе. Например, сотрудники факультета экономики Университета Линчепинга (Швеция) М. Линберг и С. Мёрндал также отделяли политические риски от понятия «неопределенность» [Lindeberg, Morndal, 2002: 19]. По их мнению, обе эти характеристики указывают на то, что у субъекта нет уверенности в исходе того или иного события, например спортивных состязаний или инвестирования средств. Однако эти два понятия все же следует разграничивать, так как риск предполагает более четкое прогнозирование исходной вероятности, неопределенность же возникает тогда, когда субъект, принимающий решение, не может представить все возможные последствия события.

В работе профессора Массачусетского технологического института С. Кобрин [Kobrin, 1982: 71] также дается широкое определение политических рисков: это потенциально значимые для управления компанией непредвиденные обстоятельства, вызванные политическими событиями или процессами. Важно отметить, что фактор влияния внешней среды на работу организации или инвестиционный проект не всегда действует напрямую, поскольку сама по себе политическая нестабильность может не представлять угрозу для иностранного бизнеса, но привести к изменению государственной политики в отношении деятельности иностранных инвесторов в принимающей стране.

По мнению Г. Райса, научного сотрудника бизнес-школы Thunderbird (США), и И. Махмуда, научного сотрудника Университета г. Хелуана (Египет), «политические риски могут быть определены как внутристрановые и международные, конфликтные и интеграционные события и процессы, которые могут привести к изменениям в правительственной политике внутри государства или в зарубежных странах, что выразится в возникновении неблагоприятных условий или дополнительных возможностей (касающихся, например, прибыли, рынков, персонала) для фирмы» [Rice, Mahmoud, 1986: 12].

Другой исследователь Ч. Нэрт, профессор Университета Индианы, рассматривает политические риски через призму общего инвестиционного климата в принимающей стране, который состоит из двух компонентов: деловой среды (административные и социально-экономические параметры) и политического климата. Политические риски в данном случае характеризуется с точки зрения фактов экспроприации иностранной собственности и наличия конкуренции и противоречий с государственными компаниями принимающего государства [Nehrt, 1970].

Профессор высшей школы бизнеса Колумбийского университета С. Робок в своей работе «Политический риск: определение и оценка» указывает на то, что «политические риски возникают в международном бизнесе, когда происходит нарушение стабильности функционирования деловой среды, и являются следствием политических изменений, которые сложно предвидеть» [Robock, 1971: 7].

Стержнем данного определения выступает акцент на отсутствии стабильного развития политической среды, что потенциально оказывает негативное воздействие на иностранную компанию в принимающем государстве. Примечательно, что в рамках данного подхода генераторами политических рисков становятся не поступательные, эволюционные трансформации деловой среды, а именно непредсказуемые и резкие изменения политического характера, которые нарушают ее стабильность.

Однако в ряде случаев не всегда можно провести разделительную линию между постепенными и резкими политическими переменами, заранее предсказать их и идентифицировать, что в итоге приводит к ложным прогнозам при анализе и оценке развития ситуации.

Исследователи из Университета Западного Мичигана Р. Грин и К. Корт формулируют определение политических рисков, используя понятие «политические перемены», которое включает различные факторы социально-политического характера (например, проведение выборов, забастовки, протесты, аресты значимых политических деятелей и т.д.). На основе анализа совокупности таких факторов авторы создают индекс, позволяющий прогнозировать уровень потенциальных рисков.

В предложенном подходе учитываются взаимосвязи между политическим режимом, существующим в государстве, и возможными политическими рисками. Соответственно полити-

ческий режим может, с одной стороны, оказывать влияние на деятельность иностранных инвесторов в принимающей стране, а с другой — сам подвергаться различным изменениям под воздействием экономических или социально-политических факторов (например, экономическая модернизация неизбежно формирует запрос на политическую модернизацию) и тем самым генерировать новые политические риски.

Р. Грин и К. Корт утверждают: «...несмотря на то что можно привести множество примеров политических рисков в относительно стабильных условиях, наиболее драматичные по уровню воздействия и характеру распространения события обычно являются результатом политических перемен» [Green, Korth, 1974: 25].

Еще один исследователь в рамках данного направления Дж. Саймон, президент Компании по оценке политических рисков (Political Risk Assessment Company), рассматривает политические риски достаточно широко в контексте влияния всех факторов политической среды на деятельность бизнеса. Согласно его определению «политические риски — это политические или социальные факторы, возникающие внутри или вне принимающей страны, оказывающие негативное воздействие как на отдельных субъектов, так и на все деловые операции и инвестиции» [Simon, 1992: 116].

Можно сказать, что данное определение по своей сути универсально и используется во многих современных работах, посвященных анализу политических рисков, так как оно охватывает различные измерения этого понятия:

- анализируется политическая среда, включающая как государственные, так и негосударственные факторы возникновения политических рисков в стране пребывания;
- проводится различие между рисками для определенных действующих субъектов и рисками политической среды, которые затрагивают все деловые операции в стране;
- разграничиваются внешние и внутренние источники политических рисков.

В отечественной политической науке становление анализа политических рисков происходило в середине 1990-х годов. После распада СССР началось стремительное развитие международных контактов государственных и частных компаний с зарубежными партнерами, формировалась новая политическая среда, способная генерировать политические риски для бизнес-структур.

Ввиду отсутствия в отечественной науке обширной наработанной базы исследований в рассматриваемой сфере, а также из-за слабой прикладной составляющей в результате недостаточного представительства российских компаний на мировых рынках и в международных инвестиционных процессах российские ученые преимущественно взяли за основу западный опыт и только начали формировать заделы для самостоятельных исследований политических рисков.

Работы научного сотрудника МГУ имени М.В. Ломоносова И.В. Тихомировой стали первыми в России в этой области. В рамках своей диссертации «Политический риск и управление социально-политическими процессами» автор определила политический риск как «вероятность наступления нежелательных последствий <...>, вызванных влиянием политических и социальных факторов на объекты международного бизнеса» [Тихомирова, 1992: 2].

Научный сотрудник сектора теории политики ИМЭМО РАН И.В. Джус считает, что ключевым аспектом в изучении политических рисков является взаимодействие бизнес-структур с политическими компонентами внешней среды [Джус, 2002: 34]. Исследователь предлагает рассматривать «политические риски» как общие условия политического характера, влияющие на бизнес-субъекты, а термин «политический риск» применять для анализа конкретной ситуации.

Старший научный сотрудник факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова А.Н. Бордовских в своей диссертации «Политические риски: современные проблемы оценки и теоретического моделирования» [Бордовских, 2009: 16] обобщила основные подходы зарубежных и отечественных авторов к определению политических рисков, а также уточнила сущностное содержание данного явления в современных условиях. Важным элементом этого исследования стала разработка теоретико-прикладной модели оценки венчурной составляющей связей государства и трансграничного бизнеса.

На основе проведенного анализа различных трактовок понятия «политический риск» можно констатировать, что они варьируют от оценки конкретных рисков для международных компаний в результате деятельности правительства принимающей страны до изучения общей совокупности неэкономических рисков, связанных с социально-политической средой в государ-

стве. Указанные вариации можно встретить и сегодня, в конце 2010-х годов, однако в целом в новом тысячелетии на первый план вышли некоторые тенденции мирового политического развития, ранее не имевшие столь основополагающего значения, предопределившие современные нюансы подходов к концептуализации политических рисков, появление новых моделей их оценки и страхования деловых операций.

* * *

Представляется целесообразным выделить три ключевых фактора, которые оказали влияние на изменение подходов к анализу политических рисков уже в XXI в.:

- 1) появление новых субъектов, генерирующих политические риски для иностранных компаний;
- 2) изменение среды возникновения политических рисков;
- 3) изменение методов воздействия (политического характера) на объект в принимающей стране.

Фактор № 1. В XXI в., в эпоху глобализации, повсеместной и все более активной деятельности негосударственных акторов международных отношений понятие «политический риск» и модели его оценки усложняются. Национальное правительство утрачивает монопольную роль в генерировании рисков политического характера, более того, в новую эпоху уже сами государственные институты подвергаются влиянию определенных политических рисков.

Появился новый класс субъектов, которые не относятся к «государственным», «правительственным» источникам политических рисков, характерным для ряда классических определений данного явления (В. Вестона и Б. Сорджа, Р. Алибера и др.). Таковыми субъектами по большей части являются неправительственные общественные организации и группы интересов, террористические группы, а также высокотехнологичные компании, которые благодаря стремительному научному прогрессу и прорывным достижениям в области информационных технологий стали оказывать влияние на текущую политическую повестку дня.

Например, деятельность самой крупной международной террористической организации текущего десятилетия «Исламское государство»¹, привлекая в свои ряды сторонников со всего мира, наиболее ярко продемонстрировала отток международных

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

инвестиций из регионов активности террористических групп. Так, по оценкам международной консалтинговой компании в сфере политических рисков Eurasia Group, «организация ИГИЛ пустила свои корни далеко за пределы Ирака и Сирии (в Ливию, Афганистан, Йемен и Мали, а также среди суннитских групп населения в странах Ближнего Востока, в России и Европе); ее технологические возможности позволяют функционировать более эффективно и децентрализованно, в отличие, например, от “Аль-Каиды”»².

Террористические атаки оказывают прямое влияние на деловые операции: они могут, с одной стороны, негативно воздействовать на ключевые отрасли в экономике государств, подверженных терактам (например, нефтяная отрасль в Ираке или туристическая в Египте), с другой стороны, создавать негативный имиджевый фон, который отпугивает инвесторов.

Так, в Кении после теракта в торговом центре г. Найроби в 2013 г. туристический сектор пережил значительное падение, при том что на него приходится 12% ВВП страны; похожим образом серьезно пострадала репутация Турции, прежде всего среди европейских туристов, в результате взрыва в Стамбульском аэропорту имени Ататюрка в 2016 г. Сокращение турпотока негативно отразилось на развитии важного для экономики страны туристического сектора [Заварика, 2018: 20].

Еще одной тенденцией в последние годы стало появление новых акторов из технологической сферы, оказывающих влияние на политические и экономические процессы как внутри государства, так и на международной арене. В частности, различные информационно-телекоммуникационные компании начинают вести активную деятельность, генерирующую новые политические риски для инвесторов и стран в целом.

В докладе Eurasia Group 2016 г. отмечается: «Таких технологических игроков с политическими амбициями станет много, они очень разные — от корпораций Силиконовой долины до хакерских групп. Политический рост этих субъектов вызовет сопротивление со стороны правительств и отдельных граждан, что станет причиной дестабилизации политики и рынка»³. Например, объемы капитализации крупнейших технологических

²Bremmer I., Kupchan K. Top risks — 2016 // Eurasia Group. 2016. Available at: https://www.eurasiagroup.net/siteFiles/Issues/1512_Top_Risks_2016.pdf (accessed: 27.05.2018).

³Ibidem.

корпораций (Google, Facebook, Apple, Microsoft и др.) уже превышают бюджеты некоторых государств, что способствует возрастанию политического и экономического влияния подобных акторов на мировые процессы. Предложение главы Alibaba Джека Ма о создании аналога Всемирной торговой организации «ВТО 2.0» для малого бизнеса⁴ является одним из сигналов растущих амбиций частного сектора, которые могут формировать новые вопросы международной повестки дня о будущем архитектуры глобального управления.

Обозначенные факторы указаны в ряде исследований, связанных с изучением влияния политических сетей на процесс управления политическими рисками, в частности в статье А.Н. Бордовских и А.И. Соловьёва. По их мнению, политическая либерализация вместе с процессом глобализации и растущей зависимостью от внешних экономических и политических условий предоставляет негосударственным акторам инструменты власти. Это оказывает сильное влияние на национальное правительство, так как часть его регулирующих функций размываются. Государство может отреагировать на это давление двумя возможными способами: уступить и передать некоторые полномочия другим акторам, заменив центральное правительство представительскими учреждениями и более обширным участием открытых политических сетей в процессе принятия решений; или сопротивляться и заключить непрозрачные соглашения с другими акторами, что приведет к такому явлению, как теневые политические сети, в которых правительственные чиновники часто играют доминирующую роль [Бордовских, Соловьёв, 2015: 196].

Результатом появления таких новых факторов (групп влияния), оказывающих воздействие на компании в стране пребывания, стали новые определения политических рисков, подразумевающие не только государство в качестве источника их происхождения, но также негосударственных акторов.

Так, в рамках трактовки понятия «политический риск» сотрудник факультета социальных и политических наук Норвежского университета естественных наук и технологий Дж. Якобсен рассматривает правительства принимающих стран лишь как один из многих субъектов, которые способствуют возникновению

⁴ Малахов А.И. Джек Ма предложил создать аналог ВТО для малого бизнеса // Rambler News Service. 18.01.2017. Доступ: <https://rns.online/economy/Dzhek-Ma-predlozhil-sozdat-analog-VTO-dlya-malogo-biznesa-2017-01-18/> (дата обращения: 01.06.2018).

политических рисков, наряду с террористическими группами, повстанческими организациями и другими участниками [Jakobsen, 2010: 481].

Ученые из школы международного бизнеса Университета Гриффита А. Заркада и С. Фрейзер дают более полное определение политических рисков. В рамках своего научного исследования они описывают его как «комплексное негативное влияние действий и/или бездействия правительственных или неправительственных акторов в отношении определенных групп либо внешние угрозы, которые могут оказать потенциальное воздействие на рынок принимающей страны» [Zarkada, Fraser, 2002: 99–100].

В этом же русле сформулировано и комплексное определение, предложенное американской компанией Political Risk Services Group (PRS Group), которая предоставляет услуги оценки и прогнозирования политических рисков коммерческим организациям и государственным структурам: «Политический риск — это риск, связанный с действиями правительственных и неправительственных акторов, осуществляемыми как внутри, так и за пределами принимающего государства, которые оказывают прямое или косвенное влияние на бизнес и общий инвестиционный климат в стране, что ставит под угрозу деятельность компании или состояние различных категорий ее активов»⁵. Специалисты PRS Group оговаривают: для того чтобы оценка различных политических рисков была объективной, особенно в разное время и в разных странах (юрисдикциях), эти риски должны быть четко определены в рамках единой и проверенной методологии.

Например, методология оценки политических рисков PRS Group, представленная в аналитической работе «Международный атлас страновых рисков» (The International Country Risk Guide, ICRG), которая включает 140 государств и содержит ретроспективный анализ, формируется на базе 12 значимых показателей: стабильность правительства, социально-экономические условия, инвестиционный потенциал, внутренние конфликты, внешние конфликты, уровень коррупции, участие военных в политике, религиозная напряженность, соблюдение законов, этническая напряженность, следование демократическим принципам, уровень бюрократии.

⁵Understanding political risk: Key definitions // The PRS Group. 2017. Available at: <https://www.prsgroup.com/understandingpoliticalrisk> (accessed: 22.05.2018).

Важно отметить, что ключевыми центрами анализа политических рисков в настоящее время становятся не научно-образовательные учреждения, а аналитические и исследовательские компании (PRS Group, Eurasia Group, Marsh, AON и др.), для которых методология оценки и прогнозирования политических рисков является ключевым активом и соответственно коммерческой тайной. Такая тенденция усложняет понимание различных подходов к анализу рисков.

Фактор № 2. В настоящее время происходит поступательное смещение пространственного контекста определения и изучения политических рисков, что подтверждается выводами ежегодных докладов ведущих аналитических центров и международных страховых компаний. Согласно этим документам современные политические риски могут генерировать не только развивающиеся страны, но и развитые, причем в условиях формирования глобальных производственных цепочек конечных продуктов, взаимозависимости бизнес-структур из разных государств данная тенденция становится крайне опасной.

Как отмечает А.Н. Бордовских, глобализация превращается в своего рода мультипликаторный политический риск [Бордовских, 2016: 75]. В условиях глубокой взаимозависимости государств, рынков и капитала происходит быстрое увеличение прямого ущерба за счет взаимосвязанности игроков, т.е. чем более удаленные и выгодные партнерские связи будут налажены между компаниями, тем более уязвимыми они становятся перед лицом потрясений политического характера в разных точках мира. Именно глобальный характер распространения политических рисков в современном мире можно считать ключевой проблемой для точной их оценки и построения эффективных моделей анализа.

Приведем пример: в 2014 г. Китай перенес свою нефтяную платформу в эксклюзивную экономическую зону Вьетнама, где начались антикитайские протесты. Поставщики гонконгской компании Li & Fung, одного из крупнейших мировых оптовых продавцов одежды и игрушек, были вынуждены на неделю закрыть свои вьетнамские фабрики, что затруднило поставку товаров в США⁶. Таким образом, локальный конфликт вокруг

⁶ Зигарт Э., Райс К. Управление политическими рисками в XXI веке // Harvard Business Review Россия. 18.06.2018. Доступ: <https://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/771146> (дата обращения: 25.06.2018).

спорных территориальных вод в Юго-Восточной Азии вызвал перебои в поставках и финансовые убытки американских дилеров, которые напрямую не имели отношения к данным политическим событиям.

Характерной чертой политических рисков в XXI в. стала их транснационализация, ведущая к возникновению ущерба для инвесторов далеко за пределами национальных границ государства, что проявлялось еще в ходе «цветных» революций на постсоветском пространстве и особенно ярко было проиллюстрировано событиями «Арабского пробуждения» [Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия., 2012].

В свете мирового финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг. развитые страны также уже не выглядят настолько защищенными от политических рисков, как это казалось ранее. Политические обозреватели журнала «The Wall Street Journal» Р. Голд и Г. Канчев констатируют растущую неопределенность в развитии политической среды Европейского союза. В рамках своей концепции они рассматривают выход Соединенного Королевства из ЕС, смену политического истеблишмента во многих европейских государствах, конституционный референдум в Италии как определенные факторы риска⁷. Таким образом, как справедливо заметила сотрудник Университета LUISS С.Е. Соттилотта, политические риски перестали рассматриваться как исключительный атрибут наименее развитых стран [Sottilotta, 2013: 13].

Интересный комплексный подход к определению политических рисков в рамках данного направления был предложен экспертом в области страхования кредитных и специальных рисков «Капиталь Страхование» М.Ю. Карякиным: «...политические риски представляют собой множество опасностей, которые могут быть вызваны решениями, событиями политического или административного характера на региональном, государственном или международном уровне, способных повлечь за собой финансовые, коммерческие, экономические потери для компании, проводящей импортные и экспортные операции, осуществляющей инвестиции за границу, заключившей международные деловые

⁷Gold R., Kantchev G. Political risks loom large on European markets // The Wall Street Journal. 2016. Available at: <http://www.wsj.com/articles/growing-political-risk-makes-cheap-european-stocks-unattractive-1471878052> (accessed: 15.05.2018).

контакты, и ущерб жизни, здоровью и имуществу экспатриированных граждан» [Карякин, 2002: 29].

В рамках данного определения автор учитывает классификацию внешних и внутренних рисков, выделяет различных субъектов, подверженных политическим рискам, а также влияние межгосударственных политических отношений на деятельность бизнес-структур. Последняя характеристика становится ключевой при анализе внешних факторов политических рисков для компании в принимающей стране.

Как следует из сказанного, политические риски могут генерироваться не только на уровне связей принимающей страны и иностранных компаний, но и на уровне межгосударственных отношений, которые потенциально будут отражаться на взаимодействии с инвесторами. В пример можно привести значительные финансовые убытки немецких компаний, которые в настоящее время ведут дела с российскими предприятиями, включенными в санкционные списки. По результатам опроса представителей 154 организаций — членов Российско-германской внешнеторговой палаты совокупные ожидаемые годовые потери могут составлять 1,5 млрд евро⁸. По сути, компании становятся заложниками динамики развития межгосударственных отношений, в том числе с участием третьей стороны (США), что показывает глобальный характер влияния и связь обширного перечня различных факторов политических рисков. Бизнесу постоянно приходится оперативно подстраиваться под новые правила и искать компромиссы для ведения совместной деятельности, несмотря на то что существуют объективные причины для развития сотрудничества. Данный пример отлично характеризует непредсказуемость возникновения новых политических рисков: их быстрое распространение обусловлено взаимозависимостью рынков, постоянным движением ресурсов и капитала. В результате нельзя оперативно выявить источник рисков, полностью спрогнозировать дальнейшие последствия и рассчитать потенциальный ущерб.

Фактор № 3. Наблюдается постепенная трансформация «классических» форм политических рисков в связи с изменением

⁸ Немецкий бизнес оценил ущерб от санкций США в отношении РФ в 1,5 млрд евро // ТАСС. 26.04.2018. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/5159848> (дата обращения: 22.03.2019).

характера деловых операций и развитием институциональных механизмов защиты частной собственности.

«Классические» риски предыдущих десятилетий (экспроприация, создание административных барьеров в рамках нормативного регулирования для бизнеса и т.д.) и сегодня вызывают опасения у международных компаний и инвесторов, большое значение приобретают новые формы политического воздействия. Рост влияния различных регуляторных процедур на формирование деловой среды нашел отражение и в современных подходах к определению политических рисков.

Как утверждают профессор Университета Пенсильвании В. Хеницц и профессор Университета Мэриленда Б. Целнер⁹, политические риски заключаются в том, что правительство либо вносит дискриминационные изменения в законодательство, регуляторный процесс или инвестиционные контракты, либо не может обеспечить их должное исполнение, и это приводит к финансовым потерям инвестора.

Похожая точка зрения на проблему дефиниции политических рисков развивается в современных работах профессора факультета международных отношений Университета Южной Калифорнии Б. Грэхэма, научного сотрудника Оксфордского университета Н. Джонстона и научного сотрудника школы бизнеса Университета Вермонта А. Кингли. Исследователи указывают на то, что так называемая ползучая экспроприация (форма непрямого постепенного посягательства правительства на право собственности иностранных инвесторов¹⁰) вытесняет классическую ее форму, характерную в большей степени для XX в. [Graham et al., 2016: 7]. В своей работе авторы подробно рассматривают такой механизм ползучей экспроприации, как трансферные риски (ограничение движения капитала), которые в настоящее время вызывают серьезные дискуссии при определении права собственности зарубежных инвесторов.

К ползучей экспроприации можно отнести также выборочное налогообложение отдельных компаний, которое носит заведомо

⁹Henisz W., Zelner B. The hidden risks in emerging markets // Harvard Business Review. April 2010. Available at: <https://hbr.org/2010/04/the-hidden-risks-in-emerging-markets> (accessed: 16.05.2018).

¹⁰Shreuer Ch. The concept of expropriation under the ETC and other investment protection treaties. 2005. P. 14. Available at: https://www.univie.ac.at/intlaw/pdf/csunpublpaper_3.pdf (accessed: 26.05.2018).

дискриминационный характер, регуляторную политику государства (избирательное регулирование условий деятельности в рамках различных отраслей, разграничение преференций для зарубежных и местных фирм и т.д.), нарушение государственных контрактов, введение барьеров для трансграничного движения капитала.

Несмотря на наличие отдельных случаев экспроприации собственности иностранных инвесторов в зарубежных государствах в последние годы, данное явление уже не так распространено, как прежде. Особенностью последних лет стало применение не прямых, а косвенных методов изъятия иностранных активов, так как государственные структуры, осознавая важность привлечения иностранных инвестиций и технологий, формирования благоприятного имиджа страны, не хотят выступать субъектами, создающими барьеры для деловой активности. В этом случае различные формы ползучей экспроприации приобретают большую значимость при характеристике политических рисков.

Одной из современных тенденций в определении последних стало появление термина «протекционизм 2.0»¹¹. Данное явление начало формироваться после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и усилилось с приходом Д. Трампа к власти в США. Новые ограничительные барьеры становятся менее явными. Вместо классических форм ограничения деятельности зарубежных компаний правительства вводят дополнительное субсидирование стратегических отраслей, антикризисные меры, обязательства по закупке национальных продуктов и услуг. При этом подобная тенденция относится не только к традиционным секторам (сельское хозяйство, горнорудная промышленность, химическая промышленность и т.д.), но и к инновационным технологическим отраслям, например к защите интеллектуальной собственности.

Отдельный фактор, который оказывает влияние на современные подходы к определению и оценке политических рисков, — санкции, широкое применение которых в последние годы стало результатом обострения конфликтности на международной арене (санкции США и ЕС против России, санкции США против Ирана и т.д.). Санкционные ограничения служат средством политического воздействия на государство, при этом оказывая

¹¹ Bremmer I., Kupchan K. Top risks — 2018 // Eurasia Group. 2018. Available at: <https://www.eurasiagroup.net/live-post/risk-7-protectionism-2> (accessed: 26.05.2018).

существенное негативное влияние на отдельные компании, нарушая общие производственные цепочки и затрагивая другие страны, которые могут не иметь прямого отношения к санкциям [Тимофеев, 2018].

В пример можно привести ограничительные меры в отношении российских компаний и физических лиц и их последующее влияние на всю цепочку контрагентов. 6 апреля 2018 г. США наложили новые экономические санкции на отдельных крупнейших российских бизнесменов, государственных чиновников и государственные корпорации. Санкции привели к заморозке российских активов на территории США, американским компаниям было запрещено вести любую совместную деятельность с указанными организациями, также под угрозой введения новых санкций оказались контрагенты из других государств, которые были вовлечены в общие производственные цепочки с субъектами, попавшими под санкции (угрожая прямыми санкциями, американцы рекомендовали данным контрагентам не вести совместную деятельность с российскими компаниями и физическими лицами из санкционного списка).

Например, наложение санкций на одного из крупнейших производителей алюминия в мире Объединенную компанию «РУСАЛ» повлекло за собой значительные негативные последствия: вызвало потрясения на товарных биржах, резкий скачок цен на алюминий и повышение рисков для всей производственной цепочки алюминиевой продукции на планете. Крупнейшие судоходные компании Maersk и Mediterranean Shipping Company (MSC) под угрозой введения американских экстерриториальных санкций приостановили перевозку любых продуктов, связанных с «РУСАЛ», а конечные потребители (производители оборудования, компании автомобильной и авиационной промышленности) начали диверсифицировать поставщиков алюминия с целью снизить риски для собственной деятельности. После введения санкций акции Объединенной компании «РУСАЛ» упали более чем на 20%. Подобные процессы также затронули крупные российские банки, сотрудничающие с «РУСАЛ»: акции Сбербанка снизились на 17%, ВТБ — на 9%¹².

¹² Phillips M. Russian markets reel after U.S. imposes new sanctions // The New York Times. 09.04.2018. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/04/09/business/russia-markets-sanctions-ruble.html> (accessed: 28.05.2018).

Таким образом, современные подходы к анализу и определению политических рисков изменились в силу ряда причин. Во-первых, компании, действующие на зарубежных рынках, стали подвергаться прямому воздействию новых групп акторов, которые ранее не имели политического веса и достаточных ресурсов влияния. Во-вторых, границы государств оказались размыты из-за распространения глобальных производственных цепочек, что сделало бизнес уязвимым к социально-политическим событиям в самых разных странах, в том числе тех, где инвесторы непосредственно не имеют инвестиций; глобальный характер политических рисков усложняет выявление потенциальных субъектов риска и прогнозирование возможного ущерба. В-третьих, бизнес-структуры стали подвергаться новым способам давления (например, новые формы ползучей экспроприации или «протекционизм 2.0»), которые отличаются от существовавших ранее: они носят косвенный характер и могут оказывать скрытое воздействие на компании; более того, в данном случае бизнес-структуры нередко выступают заложниками межгосударственных отношений и несут непредвиденные издержки при взаимодействии с иностранными партнерами. Эти процессы способствовали расширению понятийного аппарата в области политических рисков как в научных кругах, так и на уровне стратегических документов деловых структур.

* * *

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие основные выводы относительно логики эволюции концептуальных представлений о природе политических рисков.

В рамках процесса становления и развития понятия «политический риск» в 1970–1980-е годы были предложены классические определения данного феномена. Основное внимание исследователей было сосредоточено на двух ключевых факторах: первый основывался на влиянии действий правительства принимающей страны на иностранных инвесторов (первая группа определений), второй — на общем состоянии деловой среды, которая прямо или косвенно могла оказывать влияние на бизнес-структуры: например, социальная нестабильность, международные конфликты и т.д. (вторая группа определений). Этот период характеризовался расширением объемов инвестиционной и торговой деятельности крупных корпораций Западной Европы и США, изменением социально-политических процессов в рамках постколониального

развития и открытия рынков, в результате чего иностранным компаниям потребовался анализ рисков политической среды, например рисков национализации/экспроприации или возникновения политической нестабильности.

В центре внимания классических определений находились социально-политические процессы в принимающей стране. Впоследствии к ним добавился учет нестабильности внешней среды (конфликты, кризисы, общественные волнения) и ее негативного воздействия на деловые операции иностранных инвесторов. Итогом стало формирование базовых представлений об основных параметрах политических рисков как особого феномена в международных отношениях: комплексность, противоречивость, проявление в различных сферах общественной жизни и т.д.

Однако устоявшиеся классические определения не всегда точно отражали тенденции трансформировавшейся политической реальности. В начале 2000-х годов ко многим исследователям пришло понимание того, что в современном мире происходит эволюция политических рисков, возникают новые акторы, которые могут оказывать влияние на политический процесс, расширяется география потенциальных риск-факторов, увеличивается масштаб негативного воздействия на бизнес-структуры, а регулирующей роли государства и международных организаций оказывается недостаточно для обеспечения безопасности бизнеса и общества от рисков политического характера как на национальном, так и на глобальном уровнях.

Произошло изменение восприятия и определения политических рисков в современном мире. Во-первых, в отличие от классических подходов, в рамках новых концепций одинаковое внимание уделяется как государственным, так и негосударственным источникам политических рисков. Несмотря на то что в настоящее время государство по-прежнему остается самой серьезной административной силой, оно не имеет возможности абстрагироваться от влияния различных транснациональных факторов. Таким образом, в роли субъекта политического влияния в определении политических рисков выступают различные государственные и негосударственные структуры.

Во-вторых, увеличение взаимозависимости в мировой торговле и возникновение глобальных цепочек добавленной стоимости, которые сейчас включают множество субъектов в разных странах, эффективно воздействуют на экономические показатели бизнеса, однако генерируют глобальные риски даже в случае локальных

потрясений. Более того, возникла тенденция к увеличению политических рисков, источником которых являются развитые страны — либо вследствие внутривнутриполитических процессов, либо по причине радикального изменения внешнеполитического курса и принятия решений, направленных на достижение превосходства в конкуренции за выгодные позиции в политике, экономике, науке и технологиях и т.п. В итоге новые определения политических рисков, в отличие от классических, не замыкаются только на принимающей стране, а указывают на глобальный характер рисков и их сетевую природу.

В-третьих, как видно из приведенных в статье примеров, расширяется комплекс методов воздействия, который уже может включать косвенные ограничительные меры в отношении иностранного капитала, ужесточение регуляторных требований к инвестициям и инвесторам, технологические и имиджевые угрозы и др. Данные факторы изменяют привычное понимание методов воздействия, характерных для классических определений политических рисков. Особое внимание уделяется в этой связи косвенным способам влияния на компании и деловые операции, а также стремлению государств получить дополнительные преференции для собственной экономики за счет иностранного бизнеса на фоне декларируемых привилегий для инвесторов и неприкосновенности частной собственности.

Отслеживание появления инновационных тенденций в данной сфере сохраняет свою значимость как для фундаментальной науки, так и для прикладных исследований, особенно при сохранении текущих трендов в международно-политической обстановке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьева Д.А. Концептуальные подходы к изучению политических рисков // Инновационные подходы в решении проблем современного общества. Пенза, 2018. С. 222–224.
2. Бабынина Л.О. Значение Brexit для Европейского союза // Современная Европа. 2016. № 4. С. 21–33.
3. Байков А.А., Дымова Л.А. Выход Великобритании из ЕС и устойчивость европейской региональной структуры // Современная Европа. 2017. № 3. С. 37–46.
4. Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред. В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012.

5. Бордовских А.Н. Политические риски: современные проблемы оценки и теоретического моделирования: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2009.
6. Бордовских А.Н. Политический риск и корпоративная ответственность // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. № 2. С. 67–79.
7. Бордовских А.Н., Соловьёв А.И. Политические сети как новый источник политического риска // Государственное управление [Электронный вестник]. 2015. № 51. С. 185–212.
8. Гусев К.Н. Антироссийские санкции и экономическая политика России // Современная Европа. 2015. № 2. С. 144–147.
9. Гусев К.Н. Брекзит и проблемы экономики ЕС // Современная Европа. 2017. № 1. С. 158–159.
10. Джус И.В. Политические риски: оценка, анализ и управление: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2002.
11. Дмитриев С.С., Королев И.С. Контуры формирующейся внешне-экономической программы США // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 10. С. 25–36.
12. Заварика Г.М. Международный терроризм как фактор риска для туризма // Туризм и гостеприимство. 2018. № 1. С. 18–24.
13. Кадырбаев И.А. Страновой риск и совершенствование методов его оценки при страховании политических рисков // Мир современной науки. 2016. № 2 (36). С. 87–92.
14. Карякин М.Ю. Страхование политических рисков внешнеторговых операций и международных инвестиций (вопросы теории и методологии). М.: Авуар консалтинг, 2002.
15. Панюков А.Ю. Становление понятия «политический риск» в политологии // Вестник Пермского университета. 2015. № 2 (30). С. 99–106.
16. Подколзина И.А. Проблемы дефиниции и оценки политического риска в зарубежных исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1996. № 5. С. 19–33.
17. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: Хрестоматия / Сост. И.Н. Тимофеев, Т.А. Махмутов. М.: НП РСМД, 2018.
18. Райзберг Б.А. Словарь современных экономических терминов. М.: Айрис-пресс, 2008.
19. Симонов В.В. Антироссийские санкции и системный кризис мировой экономики // Вопросы экономики. 2015. № 2. С. 49–68.
20. Тимофеев И.Н. Санкции против России: направления эскалации и политика противодействия. М.: НП РСМД, 2018.
21. Тихомирова И.В. Политический риск и управление социально-политическими процессами: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 1992.
22. Яковлев П.П. «Фактор Трампа» и меняющийся облик глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 7. С. 5–14.
23. Aliber R. The interest rate parity theorem: A reinterpretation // Journal of Political Economy. 1973. Vol. 81. No. 6. P. 1451–1459.
24. Clark E., Tunaru R. Emerging markets: Investing with political risk // Multinational Finance Journal. 2015. Vol. 5. No. 3. P. 155–173.
25. Graham B.A.T., Johnston N.P., Kingsley A.F. A unified model of political risk // Strategy beyond markets / Ed. by J.M. De Figueiredo, M. Lenox, F. Ober-

holzer-Gee, R.G. Vanden Bergh. Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 2016. P. 119–160.

26. Green R.T., Korth C.M. Political instability and the foreign investor // *California Management Review*. 1974. Vol. 18. No. 1. P. 23–31.

27. Jakobsen J. Old problems remain, new ones crop up: Political risk in the 21st century // *Business Horizons*. 2010. No. 53 (5). P. 481–490.

28. Jodice D. An overview of political risk assessment // *Political risk assessment: An annotated bibliography* / Ed. by D. Jodice. Westport: Greenwood, 1981. P. 3–45.

29. Kobrin S.J. *Managing political risk assessment: Strategic response to environmental change*. Berkeley: University of California Press, 1982.

30. Lindeberg M., Morndal S. *Managing political risk: A contextual approach*. Stockholm, 2002. Available at: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:17037/FULLTEXT01.pdf> (accessed: 15.05.2018).

31. Nehrt Ch. *The political environment for foreign investment*. New York: Praeger, 1970.

32. Rice G., Mahmoud E.A. Managerial procedure for political risk forecasting // *Management International Review*. 1986. Vol. 26. P. 12–21.

33. Robock S.H. Political risk: Identification and assessment // *Columbia Journal of World Business*. 1971. No. 6 (4). P. 6–20.

34. Root F.R. US business abroad and political risks // *The International Executive*. 1968. No. 3. P. 11–12.

35. Simon J.D. Political risk analysis for international banks and multinational enterprises // *Country risk analysis: A handbook* / Ed. by R.L. Solberg. London: Routledge, 1992. P. 118–132.

36. Sottilotta C.E. *Political risk: Concepts, definitions, challenges*. Rome: LUISS School of Government, 2013.

37. Weston F., Sorge B. *International managerial finance*. Illinois: Richard D. Irwin Inc., 1972.

38. Zarkada A., Fraser C. Risk perception by UK firms towards the Russian market // *International Journal of Project Management*. 2002. No. 20 (2). P. 99–105.

D.A. Nechkin

EVOLUTION OF POLITICAL RISK CONCEPT: CLASSICAL AND CONTEMPORARY INTERPRETATIONS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Political risk analysis emerged as a distinctive field within applied international studies at the height of the Cold War but recently it has received a new impetus. It was preconditioned by an increasing uncertainty in many segments of world politics after a series of powerful ‘strategic shocks’ (‘Arab Awakening’, ‘Ukrainian crisis’, Brexit etc.) which brought about substantial and often completely unforeseen, direct and indirect consequences for the international business activities all over the world. This paper examines

both classical approaches to defining political risk, which were elaborated by the leading experts in this field in the 1970–1980s, and its contemporary interpretations proposed in academic literature, and reports of think tanks and consultancies over the last decade.

The author outlines a new classification of the main definitions of political risks, based on the factors that affect a company, be it the host government's actions, sanctions or a general destabilization of the business environment as a result of certain political events. The paper identifies the key drivers behind the development of contemporary approaches to defining political risks, including an increasing influence of non-governmental actors, destabilizing processes in certain developed countries, etc. The author shows that these factors have broadened the concept by reinterpreting what generates political risks, in what circumstances and what impact they have on a risk bearer (a foreign company).

Keywords: political risks, country risks, foreign investors, international business, political environment, host country, country of origin, investment, sanctions, protectionism.

About the author: *Dmitrii A. Nechkin* — PhD Candidate at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dimitrn@yandex.ru).

REFERENCES

1. Afanas'eva D.A. 2018. Kontseptual'nye podkhody k izucheniyu politicheskikh riskov [Conceptual approaches to studying political risks]. In Gulyaev G.Y. (ed.). *Innovatsionnye podkhody v reshenii problem sovremennogo obshchestva* [Innovative approaches to solving the problems of modern society]. Penza, pp. 222–224. (In Russ.)
2. Babynina L.O. 2016. Znachenie Brexita dlya Evropeiskogo soyuza [The meaning of Brexit for the EU]. *Contemporary Europe*, no. 4, pp. 21–33. (In Russ.)
3. Baikov A.A., Dymova L.A. 2017. Vykhod Velikobritanii iz Evropeiskogo soyuza i perspektivy ustoichivosti evropeiskoi regional'noi struktury [Great Britain's withdrawal from the EU and the prospects of European regional structure stability]. *Contemporary Europe*, no. 3, pp. 37–46. (In Russ.)
4. Naumkin V.V., Popov V.V., Kuznetsov V.A. (eds.). 2012. *Blizhnii Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiya: chto dal'she?* [Middle East, Arab Awakening and Russia: What comes next?]. Moscow, IV RAN Publ. (In Russ.)
5. Bordovskikh A.N. 2009. *Politicheskie riski: sovremennye problemy otsenki i teoreticheskogo modelirovaniya* [Political risks: contemporary challenges of evaluation and theoretical modeling]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)
6. Bordovskikh A.N. 2016. Politicheskii risk i korporativnaya otvetstvennost' [Political risk management and corporate responsibility]. *Kontury globalnykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, no. 2, pp. 67–79. (In Russ.)
7. Bordovskikh A.N., Solov'ev A.I. 2015. Politicheskie seti kak novyi istochnik politicheskogo riska [Policy networks as a new source of political risk]. *Public Administration [E-journal]*, no. 51, pp. 185–212. (In Russ.)

8. Gusev K.N. 2015. Antirossiiskie sanktsii i ekonomicheskaya politika Rossii [The anti-Russian sanctions and the economic policy of Russia]. *Contemporary Europe*, no. 2, pp. 144–147. (In Russ.)
9. Gusev K.N. 2017. Brekzit i problemy ekonomiki ES [Brexit and the EU economic issues]. *Contemporary Europe*, no. 1, pp. 158–159. (In Russ.)
10. Dzhus I.V. 2002. *Politicheskie riski: otsenka, analiz i upravlenie* [Political risks: Evaluation, analysis, and management]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)
11. Dmitriev S.S., Korolev I.S. 2017. Kontury formiruyushcheysya vneshneekonomicheskoi programmy SShA [Contours of emerging U.S. foreign trade program]. *World Economy and International Relations*, no. 10, pp. 25–36. (In Russ.)
12. Zavarika G.M. 2018. Mezhdunarodnyi terrorizm kak faktor riska dlya turizma [International terrorism as a risk factor for tourism]. *Turizm i gostepriimstvo*, no. 1, pp. 18–24. (In Russ.)
13. Kadyrbaev I.A. 2016. Stranovoi risk i sovershenstvovanie metodov ego otsenki pri strakhovanii politicheskikh riskov [Country risk and assessment methods improvement for political risk insurance]. *Mir sovremennoi nauki*, no. 2, pp. 87–92. (In Russ.)
14. Karyakin M.Yu. 2002. *Strakhovanie politicheskikh riskov vneshnetorgovykh operatsii i mezhdunarodnykh investitsii (voprosy teorii i metodologii)* [Political risk insurance of foreign trade operations and international investments: Theory and methodology]. Moscow, Avuar consulting Publ. (In Russ.)
15. Panyukov A.Yu. 2015. Stanovlenie ponyatiya ‘politicheskii risk’ v politologii [The formation of the concept of ‘political risk’ in political science]. *Vestnik Permskogo universiteta*, no. 2 (30), pp. 99–106. (In Russ.)
16. Podkolzina I.A. 1996. Problemy definitsii i otsenki politicheskogo riska v zarubezhnykh issledovaniyakh [Issues of definition and assessment of political risk in foreign studies]. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, no. 5, pp. 19–33. (In Russ.)
17. Timofeev I.N., Makhmutov T.A. (eds.). 2018. *Politika sanktsii: tseli, strategii, instrumenty* [Sanctions policy: Goals, strategies, tools]. Moscow, RIAC Publ. (In Russ.)
18. Raizberg B.A. 2008. *Slovar’ sovremennykh ekonomicheskikh terminov* [Dictionary of contemporary economic terms]. Moscow, Airis-press Publ. (In Russ.)
19. Simonov V.V. 2015. Antirossiiskie sanktsii i sistemnyi krizis mirovoi ekonomiki [Anti-Russian sanctions and the systemic crisis of the world economy]. *Voprosy ekonomiki*, no. 2, pp. 49–68. (In Russ.)
20. Timofeev I.N. 2018. *Sanktsii protiv Rossii: napravleniya eskalatsii i politika protivodeistviya* [The sanctions against Russia: Escalation scenarios and countermeasures]. Moscow, RIAC Publ. (In Russ.)
21. Tikhomirova I.V. 1992. *Politicheskii risk i upravlenie sotsial’no-politicheskimi protsessami* [Political risk and management of social and political processes]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)
22. Yakovlev P.P. 2017. ‘Faktor Trampa’ i menyayushchiysya oblik globalizatsii [‘The Trump factor’ and the changing face of globalization]. *World Economy and International Relations*, no. 7, pp. 5–14. (In Russ.)
23. Aliber R. 1973. The interest rate parity theorem: A reinterpretation. *Journal of Political Economy*, vol. 81, no. 6, pp. 1451–1459.
24. Clark E., Tunaru R. 2015. Emerging markets: Investing with political risk. *Multinational Finance Journal*, vol. 5, no. 3, pp. 155–173.

25. Graham B.A.T., Johnston N.P., Kingsley A.F. 2016. A unified model of political risk. In De Figueiredo J.M., Lenox M., Oberholzer-Gee F., Vanden Bergh R.G. (eds.). *Strategy beyond markets*. Bingley, Emerald Group Publishing Limited, pp. 119–160.
26. Green R.T., Korth C.M. 1974. Political instability and the foreign investor. *California Management Review*, vol. 18, no. 1, pp. 23–31.
27. Jakobsen J. 2010. Old problems remain, new ones crop up: Political risk in the 21st century. *Business Horizons*, no. 53 (5), pp. 481–490.
28. Jodice D. 1981. An overview of political risk assessment. In Jodice D. (ed.). *Political risk assessment: An annotated bibliography*. Westport, Greenwood Press, pp. 3–45.
29. Kobrin S.J. 1982. *Managing political risk assessment: Strategic response to environmental change*. Berkley, University of California Press.
30. Lindeberg M., Morndal S. 2002. *Managing political risk: A contextual approach*. Stockholm. Available at: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:17037/FULLTEXT01.pdf> (accessed: 15.05.2018).
31. Nehrt Ch. 1970. *The political environment for foreign investment*. New York, Praeger.
32. Rice G., Mahmoud E.A. 1986. Managerial procedure for political risk forecasting. *Management International Review*, vol. 26, pp. 12–21.
33. Robock S.H. 1971. Political risk: Identification and assessment. *Columbia Journal of World Business*, no. 6 (4), pp. 6–20.
34. Root F.R. 1968. US business abroad and political risks. *The International Executive*, no. 3, pp. 11–12.
35. Simon J.D. 1992. Political risk analysis for international banks and multinational enterprises. In Solberg R.L. (ed.). *Country risk analysis: A handbook*. London, Routledge, pp. 118–132.
36. Sottilotta C.E. 2013. *Political risk: Concepts, definitions, challenges*. Roma, LUISS School of Government.
37. Weston F., Sorge B. 1972. *International managerial finance*. Illinois, Richard D. Irwin Inc.
38. Zarkada A., Fraser C. 2002. Risk perception by UK firms towards the Russian market. *International Journal of Project Management*, no. 20 (2), pp. 99–105.

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В.А. Золотарёв*

ВОЙНА КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА

*Рецензия на книгу академика РАН А.А. Кокошина
«Вопросы прикладной теории войны»***

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Рецензия посвящена новому фундаментальному труду академика РАН, 6-го секретаря Совета безопасности Российской Федерации А.А. Кокошина. В центре внимания представленной работы оказался широкий спектр различных теоретических и прикладных аспектов проблематики войны и мира. Среди достоинств монографии рецензент отмечает глубину и оригинальность авторских выводов, основанных на внимательном изучении как классических трудов, посвященных военному искусству, так и новейших исследований ведущих военных теоретиков; ее ярко выраженный междисциплинарный характер. В частности, рецензент подчеркивает, что, обращаясь к рассмотрению проблем влияния технологических параметров на развитие военного дела, феноменов гибридной войны и сдерживания, автор в равной мере уделяет внимание и объективным, и субъективным факторам. Высоко оценивает рецензент и выводы А.А. Кокошина относительно современных тенденций развития и новых форм военного противоборства на международной арене, среди которых особого внимания заслуживают увеличение числа и расширение географического ареала локальных вооруженных конфликтов, наблюдаемый повсеместно рост ассигнований на военные нужды, бурное развитие перспективных военных технологий. В теоретическом осмыслении этих тенденций и поиске оптимального ответа на порождаемые ими вызовы национальной безопасности, как подчеркивает А.А. Кокошин, важную роль может сыграть об-

* *Владимир Антонович Золотарёв* — доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, генерал-майор в отставке, главный научный сотрудник факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dekanat@fmp.msu.ru).

** Кокошин А.А. Вопросы прикладной теории войны. М.: ИД ВШЭ, 2019.

ращение к трудам классиков военной науки. Рецензент заключает, что рассматриваемая работа является важным вкладом в развитие теоретических исследований войны как особого политического и социального феномена, и выражает надежду на то, что выход в свет новой монографии А.А. Кокошина даст импульс к появлению других отечественных разработок по этой проблематике.

Ключевые слова: война, теория войны, национальная безопасность, военное планирование, сдерживание, стратегическая стабильность, гибридные войны, «туман войны», «интегральный полководец», «лестница эскалации».

Выход в свет нового фундаментального труда академика РАН А.А. Кокошина «Вопросы прикладной теории войны» стал крупным событием в научной жизни нашей страны применительно к изучению важнейших вопросов войны и мира, военно-политических проблем международной безопасности.

С самого начала хотелось бы выделить несколько ключевых особенностей рассматриваемой монографии.

Бесспорным ее достоинством следует признать стремление автора к многоплановому осмыслению всего комплекса ключевых актуальных трендов развития военно-политической сферы. Работа носит одновременно и теоретический, и прикладной характер, она отражает богатейший опыт научной и практической деятельности А.А. Кокошина, занимавшего в прошлом посты первого заместителя министра обороны, секретаря Совета обороны, секретаря Совета безопасности Российской Федерации.

Характерно для рецензируемой монографии также использование весьма значительного числа самых разнообразных источников информации. Это подчеркивает междисциплинарность труда, что в целом является особенностью научного почерка А.А. Кокошина, прошедшего как естественно-научную (инженерную), так и общественно-научную подготовку.

Большое внимание в рецензируемом труде, как и в ряде своих предыдущих крупных работ, хорошо известных отечественным специалистам¹, А.А. Кокошин обоснованно уделил проблеме

¹ Кокошин А.А., Балуевский Ю.Н., Потапов В.Я. О соотношении компонентов военного искусства в контексте трансформации мирополитической системы и технологических изменений. М.: Едиториал УРСС, 2015; Кокошин А.А. Стратегическое ядерное и неядерное сдерживание в обеспечении национальной безопасности России. М.: URSS, 2015; Кокошин А.А. Политология и социология военной стратегии. М., 2005; Кокошин А.А. О политическом смысле победы в современной войне. М.: Едиториал УРСС, 2004.

войны «как продолжения политики иными средствами» и соотношению политики и военной стратегии (с. 9).

При рассмотрении кейсов, иллюстрирующих теоретические положения, автор с большим знанием дела обращается к примерам развития вооруженных сил Соединенных Штатов Америки, Китайской Народной Республики и Российской Федерации (с. 165–180). Выбор США обусловлен, помимо пока еще присущего им лидерства в Евро-Атлантической региональной подсистеме, их огромными усилиями в военной сфере, значительным опытом использования вооруженных сил как в боевых условиях (в частности, в Ираке и Афганистане), так и в мирное время. Вместе с тем в будущем было бы также небезынтересно изучить опыт вооруженных сил других ведущих держав Запада (в первую очередь Великобритании, Франции и Германии), особенно в рамках борьбы с международным терроризмом и содействия воссозданию сектора безопасности в государствах, затронутых вооруженным конфликтом.

Рассматривая пример КНР, А.А. Кокошин обоснованно указывает на то, что Китай обладает уникальными по общемировым меркам традициями стратегической культуры, зачатки которой формировались еще в середине I тыс. до н.э. В этом плане особенно важным представляется обращение автора к теоретическому наследию Сунь Цзы, которое тщательно изучают не только в Китае, но и во многих других странах, особенно в США. Интересна при этом оценка реальной степени преемственности стратегической культуры КНР. Внимание академика А.А. Кокошина к военной мысли и военной политике Китая обусловлено бурным развитием вооруженных сил Поднебесной в рамках кульминационной фазы перспективной военной реформы, о которой с большим знанием дела пишет автор монографии, обобщая оценки, представленные в более ранних трудах².

В отношении России А.А. Кокошин подчеркивает, что вопрос об обеспечении должного уровня обороноспособности всегда был органичной и важнейшей частью политики национальной безопасности страны. В настоящий момент Вооруженные Силы Российской Федерации переживают период подъема, что подтверждается их успешным опытом антитеррористической борьбы в Сирии, военно-тренировочной деятельностью, активным ро-

²Кокошин А.А. Военная реформа в КНР: военно-стратегические, политические и организационно-управленческие аспекты // Международная жизнь. 2016. № 12. С. 48–67; Кокошин А.А. Военная реформа в КНР 2015–2020 гг.: оборонные, внешнеполитические и внутривнутриполитические аспекты. М.: ИСПИ РАН, 2016.

стом технической оснащенности и резким повышением интереса общества к вопросам обороны.

Автор выстраивает свою работу (главы 1 и 2) на основе глубокого анализа трудов ведущих отечественных военных теоретиков (А.А. Свечина³, В.К. Триандафилова, В.Д. Соколовского, М.А. Гареева, И.С. Даниленко и др.) и военачальников, включая нынешнего начальника Генерального штаба ВС РФ генерала армии В.В. Герасимова и др. Оправдано использование А.А. Кокошиным и теоретического наследия Г. Гроция, Т. Гоббса, К. Клаузевица, Ф. Энгельса, Мао Цзэдуна.

Обобщая различные исторические и теоретические исследования, А.А. Кокошин выделяет следующие компоненты теории войны:

- война как состояние общества и состояние определенного сегмента системы мировой политики;
- война как столкновение двух (или более) государственно-политических структур (или негосударственных структур, сил);
- война как сфера неопределенного, недостоверного;
- война как задача управления (политическое и военно-стратегическое руководство/управление) (с. 9).

А.А. Кокошин при этом подчеркивает: «Очевидно, что отмеченными выше компонентами не исчерпываются все параметры войны как сложного, многомерного социального явления, которому принадлежит чрезвычайно важное место в общественной жизни» (с. 9).

В главе 3, посвященной изучению широкого круга вопросов, связанных с воздействием развития технологий на проблемы ведения войны и эволюцию военного искусства, А.А. Кокошин обращает должное внимание на опыт «холодной войны», что представляется полностью оправданным, учитывая масштаб данного конфликта, а также возвращение отношений Запада и России к парадигме, характерной для той эпохи. Автор показывает важный феномен неизбирательности применения оружия массового уничтожения (ОМУ), а также резкое возрастание доли и масштаба потерь среди гражданского населения в вооруженных и военных конфликтах с начала XXI в. (с. 59). В этой связи автор исследует вопросы сокращения потерь среди гражданского

³Жизненный путь и вклад А.А. Свечина в развитие отечественной военной науки подробно изучены в книге: Кокошин А.А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013.

населения за счет активного использования новых технических средств.

В своем новом труде А.А. Кокошин дает также развернутую трактовку феномена гибридной войны (глава 4), показывая ее сущность, особенности целеполагания, вариативность и масштаб использования конкретных инструментов (идеологических, информационных, политико-дипломатических, военных, экономических) в зависимости от хода конфликта и степени достижения поставленных целей. Очевидно, что проблематика гибридной войны и в теоретическом, и в прикладном плане нуждается в дальнейшей разработке силами как военных, так и гражданских ученых и специалистов в направлениях, намеченных в данном труде А.А. Кокошина.

Представляется важным его замечание о том, что наибольшего внимания заслуживает интерпретация гибридной войны, предполагающая применение вооруженного насилия ниже определенного порога, переход которого уже приводит к ограниченной (локальной) обычной войне (с. 108).

А.А. Кокошин подробно освещает проблемы соотношения политических и собственно военных целей войны (глава 5), при этом совершенно обоснованно акцентируя аспекты, связанные с учетом различных нематериальных, идеологических факторов, которые зачастую носят иррациональный характер (с. 130–141).

Продолжая эту мысль, в главе 6 автор уделяет особое внимание вопросам общественного восприятия состояния войны (с. 145–155). А.А. Кокошин рассматривает круг акторов, которые являются участниками войн и вооруженных конфликтов в современных мирополитических реалиях. В этой связи нельзя не обратить внимание на усложнение процессов урегулирования таких конфликтов, а также на прямую связь между увеличением их продолжительности и ростом масштабов их интернационализации.

Прекрасным примером узнаваемого авторского подхода А.А. Кокошина, ключевая черта которого — ярко выраженная междисциплинарность, может служить глава 7, в которой автор обращается к изучению таких феноменов, как стратегическая культура и сдерживание. В рецензируемой монографии содержится их комплексный анализ, в равной степени учитывающий роль объективных (связанных, в частности, с развитием новейших военных технологий) и субъективных (морально-психологических) факторов.

В заключительных главах монографии (главы 8 и 9) А.А. Кокошин обоснованно останавливается на вопросах управления войсками в современных войнах, а также на сложностях политико-военного прогнозирования, подчеркивает высокую степень неопределенности в этой сфере. В этой связи автор успешно пытается создать собирательный портрет современного военачальника, отталкиваясь от концепции «интегрального полководца», разработанной А.А. Свечиным еще в 1930-х годах (с. 223).

Заслуживает внимания обращение А.А. Кокошина к таким практически забытым понятиям, как «трение войны» и «туман войны» (с. 186–193). Эти два феномена являются важными компонентами учения К. Клаузевица о войне, многие элементы которого не устаревают и по сей день, но, к сожалению, очень редко попадают в фокус внимания отечественных авторов военно-научных трудов.

В главе «Война как задача управления» (глава 9) наиболее интересна смелая попытка А.А. Кокошина представить — по словам автора, «в качестве одного из рабочих вариантов» (с. 221) — «лестницу эскалации» конфликта с применением вооруженного насилия. Эта тема особенно важна в условиях обострения противоречий между США и Россией, а также между США и КНР, когда эскалация может произойти и по иррациональным причинам. Безусловно, изучение различных вариантов «лестницы эскалации» должно находиться в фокусе внимания гражданских и военных ученых, которым следует работать в тесном взаимодействии с практиками.

В целом труд А.А. Кокошина позволяет структурировать методологические подходы к изучению теории войны, а также выделить несколько важнейших трендов, характеризующих развитие военного дела на современном этапе мирового развития.

А.А. Кокошин справедливо обращает внимание на то, что с начала XXI в. вновь наблюдается тенденция к повышению значимости фактора силы в мирополитических процессах. Это происходит несмотря на рост взаимозависимости между государствами и сохраняющееся значение такого ограничителя применения военной силы, как ядерное оружие с его многочисленными поражающими факторами, вторичными и третичными последствиями использования, и проявляется несколькими тенденциями.

Первая из них — это рост числа и расширение географического ареала локальных вооруженных конфликтов, что сопровождается резким увеличением количества комбатантов на региональном и глобальном уровнях, в том числе в составе незаконных воору-

женных формирований. При этом возможности национальных государств и созданных ими военно-политических блоков, особенно в случае со странами и институтами Евро-Атлантического сообщества, контролировать ситуацию серьезно сокращаются. Это проявляется, в частности, в сложности поддержания режима нераспространения ОМУ и особенно противодействия нелегальному обороту конвенциональных вооружений и боеприпасов в мире, прежде всего в нестабильных государствах.

Вторая тенденция — это демонстрируемая рядом ведущих государств мира готовность к наращиванию военной мощи. Особенно отчетливо данный тренд проявляется сегодня в США в условиях ухудшения стратегических отношений с Россией. Указанная тенденция обусловлена также теми сложностями, с которыми приходится сталкиваться Евро-Атлантическому сообществу в ходе противодействия разноплановым, но развивающимся параллельно вызовам, порождаемым нестабильными государствами Африки и Азии. В этих условиях значительные усилия по укреплению своей обороноспособности приходится прилагать и России. Но, как неоднократно заявлял президент Российской Федерации В.В. Путин, наша страна не должна позволить втянуть себя в новую гонку вооружений⁴.

Вместе с тем в условиях нарастания напряженности в рамках других региональных подсистем (в частности, ужесточения противостояния между Исламской Республикой Иран и Королевством Саудовская Аравия) количественный рост вооруженных сил будет с высокой долей вероятности характерен и для «великих», и для «малых» держав за пределами Европы, в первую очередь в Азии.

Третья значимая тенденция, на которую акцентированно обращает внимание академик А.А. Кокошин, — это бурное развитие новых военных технологий. Речь идет как о создании широкой линейки образцов техники, основанной в том числе на использовании возможностей искусственного интеллекта, так и о глубокой модернизации средств, предназначенных для людей-бойцов.

⁴ Путин В.В. Интервью сербским изданиям «Политика» и «Вечерние новости» // Официальный сайт Президента России. 16.01.2019. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/59680> (дата обращения: 10.02.2019); Путин заявил о зеркальном ответе США на выход из ДРСМД // Российская газета. 02.02.2019. Доступ: <https://rg.ru/2019/02/02/putin-zaiavil-o-zerkalnom-otvete-ssha-na-vyход-iz-drsmd.html> (дата обращения: 10.02.2019).

А.А. Кокошин обоснованно пишет о том, что в этой связи особое значение приобретают вопросы переосмысления военной теории, эффективности задействования как отдельных солдат и мелких подразделений, так и военно-политических ресурсов в целом.

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что интерес к феномену войны резко возрос как в России, так и за рубежом. В этой связи нет никаких сомнений в том, что новая монография А.А. Кокошина будет встречена с большим интересом соответствующей аудиторией. Публикация этого глубокого и оригинального научного труда вносит заметный вклад в изучение теоретических и прикладных вопросов войны. Работу отличают наличие четкой методологической базы, опирающейся на ясно сформулированный понятийный аппарат, и стремление вписать проблемы войны в общеполитический контекст. Хотелось бы надеяться, что выход в свет новой монографии академика А.А. Кокошина даст импульс к появлению и других отечественных разработок по этой важной и все еще недостаточно изученной проблематике.

V.A. Zolotarev

WAR THROUGH AN INTERDISCIPLINARY LENS

***Book review of 'An inquiry into the applied theory of war'
by Andrey A. Kokoshin***

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The book under review is a new seminal work by Andrey A. Kokoshin, the 6th Secretary of the Security Council of the Russian Federation and a member of the Russian Academy of Sciences. The monograph explores a wide range of applied and theoretical aspects of war and peace problematique. The reviewer emphasizes a profundity of Kokoshin's analysis — based on a careful examination of classical works on the art of war as well as contemporary studies by the leading military theorists — and his interdisciplinary approach. In particular, the reviewer stresses that the author considers both objective and subjective factors when addressing such issues as the impact of technological parameters on modern warfare, hybrid wars and deterrence. The reviewer also commends the author's observations on new trends in modern warfare, including an increase in number and geographical scope of local military conflicts, a worldwide growth in military

expenditures, and an explosive progress in advanced military technologies. Andrey A. Kokoshin emphasizes that studying classics of military sciences can help understand these trends and develop optimum responses to the correspondent national security challenges. The reviewer concludes that the book under review represents an important contribution to the theoretical studies of war as a specific political and social phenomenon and expresses the hope that its publication will provide a new impetus to the advancement of Russian military thought.

Keywords: war, theory of war, national security, military planning, deterrence, strategic stability, hybrid wars, fog of war, integral commander, escalation ladder.

About the author: *Vladimir A. Zolotarev* — Doctor of Sciences (History), Doctor of Sciences (Law), Professor, Major General (Rtd), Chief Research Fellow, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dekanat@fmp.msu.ru).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУКА НА СЛУЖБЕ МИРА

26–27 ноября 2018 г. в Москве состоялся *Десятый международный форум неправительственных партнеров ЮНЕСКО «Наука на благо человечества»*, организованный Секретариатом ЮНЕСКО при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации в партнерстве с Российской академией наук и Международным общественным фондом «Российский фонд мира». В представительном мероприятии, на торжественном открытии которого выступили министр иностранных дел РФ **С.В. Лавров**, заместитель генерального директора ЮНЕСКО **Син Цюй**, председатель Комитета по международным делам Государственной Думы Федерального Собрания РФ, председатель правления Российского фонда мира **Л.Э. Слуцкий** и президент РАН **А.М. Сергеев**, приняли участие более 300 ученых, государственных и общественных деятелей из более чем 50 стран мира, включая 40 иностранных членов РАН.

Повестка двухдневного форума, посвященного вопросам взаимодействия гражданского общества и ученых и проблемам их влияния на принятие политических решений, была чрезвычайно насыщенной. Она включила несколько пленарных сессий и большое число панельных дискуссий, организованных в рамках пяти тематических секций: «Научная дипломатия», «Образование для науки, наука для образования», «Человечество в современном мире», «Социальная ответственность науки» и, наконец, «Наука на службе мира».

Организацией и работой секции *«Наука на службе мира»*, целиком и полностью посвященной международно-политической проблематике, руководил декан факультета мировой политики МГУ академик РАН **А.А. Кокошин**. В течение двух дней отечественные и зарубежные эксперты мирового уровня, многие из которых имеют богатый опыт практической деятельности на самых высоких должностях в органах государственной власти и многосторонних организациях, обсуждали самые актуальные

вопросы развития международных отношений в условиях нарастания стратегической неопределенности, пытаюсь предложить устойчивые решения для уже накопленных и только еще зреющих проблем.

Работу секции открыла панельная дискуссия на тему «*Перспективы формирования нового мирового порядка глазами дипломатов и ученых*». Модератором ее стал **Ф.А. Лукьянов**, директор по научной работе Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», председатель Совета по внешней и оборонной политике и главный редактор журнала «Россия в глобальной политике». В качестве приглашенных экспертов выступили: **Н.Н. Бордюжа**, Чрезвычайный и Полномочный Посол, генерал-полковник в отставке, в прошлом — секретарь Совета безопасности РФ (1998–1999), руководитель Администрации Президента (1999) и генеральный секретарь Организации Договора о коллективной безопасности (2003–2017); **Чжан Дегуан**, один из наиболее авторитетных китайских дипломатов, в прошлом занимавший посты заместителя министра иностранных дел КНР (1995–2001), Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в Российской Федерации (2001–2003) и Генерального секретаря Шанхайской организации сотрудничества (2004–2006), а ныне являющийся почетным председателем совета Китайского фонда исследований международных проблем; **Д.Ф. Мезенцев**, Чрезвычайный и Полномочный Посол, Генеральный секретарь ШОС (2013–2015), ныне председатель Комитета Совета Федерации ФС РФ по экономической политике; **Д. Саймс**, президент и генеральный директор американского Центра национальных интересов; **Ж. Сапир**, директор Центра исследований моделей индустриализации Высшей школы социальных наук в Париже, иностранный член РАН.

В рамках дискуссии эксперты поделились своим видением предпосылок, базовых принципов и перспектив формирования нового миропорядка, обозначили основные сферы сотрудничества и соперничества между ведущими субъектами международных отношений. Особое внимание было уделено определению факторов, способствующих росту конфликтности в мировых делах, и стратегических ориентиров, которые могут содействовать стабилизации международной обстановки и мобилизовать международное сообщество на борьбу с такими общими угрозами

безопасности и развитию, как терроризм, незаконная миграция, наркоторговля, рост неравенства и ухудшение состояния окружающей среды.

Во второй день форума дискуссия в рамках секции была объединена темой «*Обеспечение мира и стабильности в XXI веке: в поисках устойчивых решений*». Дискуссия была разделена на две части.

Первая часть была посвящена рассмотрению *комплексных теоретических и прикладных проблем обеспечения стратегической стабильности*. Состав участников панельной дискуссии отражал центральную роль Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в поддержании стратегической стабильности на планете и прекрасно осознаваемую руководителем секции необходимость объединения усилий гражданских и военных специалистов в разработке данной проблематики. В роли модератора выступил академик РАН **С.М. Rogov**, многолетний директор, а ныне научный руководитель Института США и Канады РАН. Российскую сторону в диалоге представляли **Е.П. Бужинский**, генерал-лейтенант запаса, руководитель специализированного Центра прикладных политико-военных исследований факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, в прошлом начальник Международно-договорного управления, заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ (2001–2009); **В.И. Есин**, генерал-полковник в отставке, ведущий научный сотрудник факультета мировой политики МГУ и Института США и Канады РАН, в прошлом — начальник Главного штаба РВСН — первый заместитель Главнокомандующего РВСН (1994–1996), заместитель руководителя аппарата Совета обороны РФ (1996–1998), начальник Управления военной безопасности аппарата Совета безопасности РФ (1998–2002). Американскую сторону представляли **Р. Джинлоз**, член Национальной академии наук (НАН) США, председатель Комитета международной безопасности и контроля над вооружениями НАН США, профессор наук о Земле и астрономии Калифорнийского университета в Беркли; **Р. Гюнтер**, старший программный координатор указанного комитета НАН США; **К. Рич**, ведущий научный сотрудник «Корпорации РЭНД» — одного из наиболее авторитетных научно-исследовательских центров США, специализирующихся на изучении про-

блем национальной и международной безопасности, обороны и военно-технической политики. Участники секции обсудили, в частности, такие животрепещущие вопросы, как судьба режима контроля над вооружениями в условиях выхода США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г., перспективы продления Договора между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (Договора СНВ-3) после 2021 г., проблемы развертывания систем противоракетной обороны на региональных театрах военных действий и т.д.

Дискуссия по данной проблематике была продолжена в узком составе — на российско-американском семинаре, прошедшем с участием одного из ведущих экспертов факультета мировой политики МГУ — заместителя заведующего кафедрой международной безопасности **В.А. Веселова**, в прошлом — главного военного инспектора Совета безопасности РФ. Внимание на семинаре было сосредоточено на отработке подходов к определению понятия «стратегическая стабильность» в российско-американских отношениях в современных условиях с учетом ключевых политических, научно-технологических и военно-стратегических изменений, которые произошли за последние 20–25 лет.

Вторая часть дискуссии по вопросам обеспечения мира и стабильности в XXI в. была посвящена *региональной безопасности и подходам различных центров силы к борьбе с современными угрозами и вызовами*. Модератором ее стал **Ал.А. Громыко**, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН. Представительную панель участников сформировали: **А.В. Кортунов**, генеральный директор Российского совета по международным делам; **С.Г. Лузянин**, видный российский китаевед, директор Института Дальнего Востока РАН; **О. Оликер**, директор программы «Россия и Евразия» авторитетного вашингтонского Центра стратегических и международных исследований; **А. Рар**, один из крупнейших немецких политологов, научный руководитель и программный координатор Германо-российского форума; **В. Шадурский**, декан факультета международных отношений Белорусского государственного университета. В своих выступлениях участники дискуссии затронули весьма широкий круг вопросов обеспечения безопасности в Европе и Евразии, продемонстри-

ровав понимание механизмов взаимовлияния внутренних и внешних факторов на политику ведущих акторов, способных оказать наиболее системное и долговременное воздействие на мирополитическую систему в XXI в.

Подводя итоги двухдневной работы секции, академик ***А.А. Кошкин*** отметил плодотворность состоявшихся дискуссий, имеющих не только собственно научное, но и большое практическое значение — ввиду высокого статуса и авторитета их участников, которые вносят заметный вклад в информационно-аналитическое обеспечение процесса принятия политических решений в своих странах. Руководитель секции также предложил гостям продолжить конструктивное обсуждение затронутых проблем и воплотить тем самым в жизнь девиз, заключенный в названии секции, — «Наука на службе мира».

МИР И ГОСУДАРСТВО — СТРОИТЕЛЬСТВО БУДУЩЕГО НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

31 октября 2018 г. в Москве состоялась крупная международная научная конференция «*Мир и государство — строительство будущего на Ближнем Востоке*» (*Peace & State — Building the Future of the Middle East*). Мероприятие было организовано Институтом востоковедения Российской академии наук совместно с факультетом мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в лице Центра проблем безопасности и развития и приурочено к 200-летию со дня основания ИВ РАН — колыбели отечественной школы востоковедения, получившей всемирное признание. Тем самым ЦПБР как стержневое научно-исследовательское подразделение ФМП МГУ — долговременного партнера ИВ РАН — внес свой вклад в проведение серии юбилейных мероприятий, открывшихся 27 октября Международным конгрессом с участием более 600 видных российских и зарубежных политических и общественных деятелей и ученых. Одновременно была продолжена традиция проведения ФМП МГУ и ИВ РАН совместных мероприятий, начало которой было положено в 2017 г. организацией международной научной конференции «Содействие устойчивому развитию в неустойчивом мире» (*Empowering Sustainability in a Fragile World*) — совместно с Калифорнийским университетом в Ирвайне и в партнерстве с Российским советом по международным делам¹.

Участниками конференции «Мир и государство — строительство будущего на Ближнем Востоке» стали ведущие эксперты из Российской Федерации, Северной Америки, Западной Европы, Ближнего Востока и Северной Африки. Проблематика состоявшейся дискуссии отразила приоритетные направления научного поиска и специфику теоретико-методологических подходов ЦПБР ФМП МГУ (директор — к.и.н., доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов **В.И. Бартнев**) и Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН (руководитель — к.и.н., доцент кафедры региональных

¹ Мероприятие было организовано при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-30066 под руководством академика РАН А.А. Кокошина).

проблем ФМП МГУ *В.А. Кузнецов*), объединивших в 2017 г. усилия в рамках реализации научного проекта *«Дилеммы содействия укреплению государственности в странах Ближнего Востока и Северной Африки в условиях формирования новых угроз миру, безопасности, глобальной и региональной стабильности»* (проект Российского фонда фундаментальных исследований № 17-37-01018-ОГН).

Готовя конференцию, организаторы исходили из того, что политическая трансформация Ближнего Востока входит в новую фазу, и на смену периоду конфликтной деконструкции региона и экзистенциальному кризису приходит время восстановления, созидания, поиска новых точек опоры и идентичности. В Египте, Сирии, Саудовской Аравии, Тунисе, Ираке и других арабских странах происходит выбор новой модели развития, которая в каждом конкретном случае позволила бы оптимально сочетать нормативные требования современной государственности с императивами устойчивости политических систем, универсальные ценности — с местными культурными традициями, устремления крепнущего гражданского общества — с интересами элит. Ближневосточные государства предлагают удивительную по разнообразию палитру ответов на вставшие перед ними вызовы. В каждом конкретном случае эти ответы становятся результатом уникального сочетания многочисленных обстоятельств места и времени. Немалую роль играют и внешние игроки — как региональные, так и глобальные, каждый из которых вносит свою лепту в нелинейные процессы политической трансформации: через прямое военное вмешательство, дипломатические инициативы или программы помощи. Внутренние и внешние факторы влияют друг на друга, обнажая новые противоречия между процессами становления государств, государствостроительства, миростроительства и постконфликтного восстановления.

Учитывая специфику выбранной проблематики, организаторы решили пригласить на конференцию представителей широкого круга различных дисциплин, носителей теоретического и прикладного знания. В общей сложности на мероприятии было представлено 15 докладов в рамках 4 секций, каждая из которых была организована вокруг блока ключевых вопросов.

Первая секция *«Картография ближневосточной государственности»* ориентировала участников на поиск ответов на следующие ключевые вопросы: в чем специфика государств региона; насколько применимы к ним требования, предъявляемые к «государствам — нациям Вестфалья»; как соотносятся друг с другом

концепции государства и даула; можно ли говорить об исчерпанности постколониальной модели развития и что приходит ей на смену; возможно ли появление новых проектов альтернативной государственности и в чем они могут состоять; какое место в развитии государственности занимают и как соотносятся между собой гражданское общество, негосударственные акторы, традиционные компоненты социальной структуры — племена, кланы, этноконфессиональные группы?

Модератором панельной дискуссии выступил руководитель ЦАИИ ИВ РАН **В.А. Кузнецов**, в роли спикеров — **Бахгат Корани**, профессор международных отношений и политической экономики, директор Форума Американского университета в Каире (Египет); **Валид Салем**, директор Центра за демократию и общественное развитие (Восточный Иерусалим), профессор Университета Аль-Кудс (Палестина); известный журналист **Нур Розен**, специальный советник по Сирии и Ираку Центра гуманитарного диалога (США).

Во второй секции под названием «*Политическое насилие на Ближнем Востоке: логика и динамика*» в центре внимания оказались три стержневых вопроса: в каком состоянии находится государственность стран, переживающих вооруженные конфликты (Сирии, Ливии, Йемена); как соотносится формально-правовое развитие государственности с ситуацией «на земле» в этих странах; можно ли говорить о возникновении параллельных потестарных систем снизу в «тени конфликта»? Дискуссию модерировал **В.И. Бартнев**; спикерами стали **Абдул Рахман Аладжели**, научный сотрудник программы по Ближнему Востоку и Северной Африке Chatham House в Триполи (Ливия); **К.М. Труевцев**, старший научный сотрудник ЦАИИ ИВ РАН, доцент кафедры региональных проблем мировой политики ФМП МГУ; **Юст Хилтерманн**, директор программы по изучению Ближнего Востока и Северной Африки Международной кризисной группы (Бельгия).

Третья секция «*Государствостроительство: внутренние и внешние факторы*» была посвящена поиску ответов на следующие вопросы: насколько благотворное воздействие на процессы государствостроительства может оказать внешняя помощь; с какими политическими рисками приходится сталкиваться донорам и реципиентам помощи на Арабском Востоке; какие стратегии смягчения этих рисков могут быть наиболее эффективными с учетом общих тенденций глобального и регионального развития; как должны сочетаться друг с другом процессы государствостро-

ительства и миростроительства в ближневосточных обществах; какое влияние окажут процессы государствовроительства на Арабском Востоке на региональную и глобальную систему в международных отношениях в среднесрочной и долгосрочной перспективе? Модератором дискуссии выступил **М. Сучков**, старший научный сотрудник Центра (лаборатории) анализа международных процессов (ЛАМП) МГИМО (У) МИД России; спикерами — **Хрэр Баляян**, директор программы по урегулированию конфликтов Центра Картера (США); **В.И. Бартнев** и **Кайхан Барзегар**, директор Института ближневосточных стратегических исследований в Тегеране (Иран).

Наконец, четвертая панельная дискуссия, озаглавленная «Государство будущего», была организована вокруг следующих вопросов: как соотнести между собой модели государствовроительства «сверху» и «снизу»; каков потенциал укрепления государственности снизу; какие институты нужны странам региона и как их развивать; как изменится ближневосточная государственность в ближайшие 10–25 лет; какие вызовы будут в наибольшей степени влиять на устойчивость государств региона; помогут ли новые технологии компенсировать кризис идеологии; каковы пределы управляемости процессом государственного развития в регионе? Участниками дискуссии, модерлируемой **Т.А. Махмутовым**, заместителем программного директора РСМД, стали: **Надер Баккар**, заместитель председателя партии «Ан-Нур» (Египет); **Джон Белл**, директор программы по Ближнему Востоку и Средиземноморью Толедского международного центра проблем мира в Мадриде (Канада); **Ален Греш**, основатель и главный редактор журнала «Orient XXI», бывший главный редактор «Le Monde Diplomatique» (Франция); **В.А. Кузнецов**.

Закрывая мероприятие, **В.А. Кузнецов** и **В.И. Бартнев** выразили признательность всем участникам и гостям конференции за готовность поделиться своим видением актуальных проблем развития Ближнего Востока, не имеющих простых решений. Они также выразили надежду на продолжение междисциплинарного диалога по затронутым на конференции вопросам с участием представителей различных стран и дисциплин на различных российских площадках, включая Институт востоковедения РАН, МГУ имени П.М. Ломоносова, Российский совет по международным делам, Международный дискуссионный клуб «Валдай» и т.д.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2018 г.

Статьи	№	С.
Диалог поколений		
Громыко Ан.А., Громыко Ал.А. Демократический мировой право-порядок: утопия или реальность?	1	5–19
Слово практикам		
Белоконь С.П. Оценивание состояния национальной и военной безопасности России: установленный порядок и возможные пути совершенствования	1	20–41
Теория международных отношений		
Бартенев В.И. Вмешательство во внутренние дела: спор о дефиниции	4	79–108
История международных отношений и внешней политики		
Сергеев Е.Ю. Советско-британские отношения на рубеже 1917–1918 гг.: ключевые проблемы и нереализованные возможности	1	42–71
Глазунова Е.Н., Манькин А.С. США и события в Индонезии 1965–1966 гг.	4	3–40
Алиева А.И. Американо-турецкое «образцовое партнерство»: проверка на прочность (2009–2010)	4	41–78
Мировой порядок в XXI веке		
Истомин И.А. Особенности междержавной конкуренции в условиях взаимозависимости	1	72–101
Международная безопасность		
Веселов В.А. Смена «ядерных веков»: стратегическая стабильность и контуры нового мирового порядка	1	102–141
Бужинский Е.П., Веселов В.А. Ядерная политика США в XXI веке: преемственность и различия в подходах администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа	3	3–47
Международные организации и международная интеграция		
Соломатин А.И. Императивы укрепления государственности в деятельности Всемирного банка на территории Ирака в 2014–2018 гг.	2	92–124

Статьи	№	С.
Никифоров И.А. АСЕАН как сообщество безопасности: проблемы теоретического осмысления	3	154–174
Региональные проблемы мировой политики		
Благовещенский Р.И. Евроскептицизм во Франции: история и современность	1	142–164
Айвазян А.С. Дискурс о принадлежности к Европе в политическом диалоге ЕС и стран Южного Кавказа	2	125–144
Идеология и внешняя политика		
Мамедова А.О. Дискуссия в США и Великобритании о состоянии и перспективах особых отношений	2	33–60
Политэкономия международных отношений		
Нечкин Д.А. Эволюция понятия «политический риск»: классические и современные концепции	4	109–137
Международное развитие		
Глазунова Е.Н. К вопросу о генезисе понятия «устойчивая безопасность»	2	3–32
Гомбоин З.Э. Информационно-коммуникационные технологии для развития: логика эволюции международного дискурса . . .	3	121–153
«Мягкая сила» в мировой политике		
Белов С.И. Проблемы и перспективы измерения «мягкой силы»	1	165–184
Научная дипломатия		
Харитоновна Е.М. Научная дипломатия во внешней политике Великобритании: теоретические и институционально-организационные аспекты	2	61–91
Иностранная помощь		
Кулькова О.С. Европейские программы помощи Марокко в 1999–2011 гг.: ориентиры, компоненты, результаты	3	48–78
Хлебникова Л.Р. США и проблемы обеспечения стабильного развития Иорданского Хашимитского Королевства в исторической ретроспективе	3	79–120
Научные обзоры и рецензии		
Юдин Н.В. Новые решения для новых проблем. <i>Рецензия на книгу Е.М. Харитоновой «Мягкая сила» Великобритании»</i>	3	175–184
Золотарёв В.А. Война как объект междисциплинарного анализа. <i>Рецензия на книгу академика РАН А.А. Кокошина «Вопросы прикладной теории войны»</i>	4	138–146

Статьи**№ С.****Научная жизнь**

Восстановление Ирака после победы над «Исламским государством»: перспективы международного участия	2	145–192
Наука на службе мира	4	147–151
Мир и государство — строительство будущего на Ближнем Востоке	4	152–155

COMPLETE LIST OF PAPERS AND OTHER MATERIALS PUBLISHED IN 2018

Papers	№	P.
Dialogue between Generations		
Gromyko An.A., Gromyko Al.A. Global Democratic World Order: Utopia or Reality?	1	5–19
Insights from Policy Practitioners		
Belokon' S.P. Assessing National and Military Security of Russia: Established Procedure and How to Improve It	1	20–41
Theory of International Relations		
Bartenev V.I. Intervention in the Domestic Affairs: Questioning Definitions	4	79–108
History of International Relations and Foreign Policy		
Sergeev E.Yu. The Soviet-British Relations at the Turn of 1917/1918: Key Issues and Untapped Opportunities	1	42–71
Glazunova E.N., Manykin A.S. The United States and the Events of 1965–1966 in Indonesia	4	3–40
Aliyeva A.I. The U.S.-Turkey 'Model Partnership': Testing the Limits (2009–2010)	4	41–78
World Order in the XXI Century		
Istomin I.A. Rivalry between the Leading Powers in the Context of Global Interdependence	1	72–101
International Security		
Veselov V.A. At the Turn of the Nuclear Ages: Strategic Stability and Contours of a New World Order	1	102–141
Buzhinsky E.P., Veselov V.A. The US Nuclear Policy in the XXI Century: Continuity and Change in the Strategies of the George W. Bush, Barack Obama, and Donald Trump Administrations	3	3–47
International Organizations and International Integration		
Solomatn A.I. Imperatives of Strengthening Governance in the World Bank's Engagement in Iraq, 2014–2018	2	92–124
Nikiforov I.A. ASEAN as a Security Community: Challenges of Conceptualization	3	154–174
Regional Issues of World Politics		
Blagoveshchenskii R.I. Euroscepticism in France: Past and Present	1	142–164

Papers	№	P.
Ayvazyan A.S. Discourse of Europe in Political Dialogue between the EU and the South Caucasus Countries.	2	125–144
Ideology and Foreign Policy		
Mamedova A.O. The Present and the Future of ‘The Special Relationship’: State of the Debate in the United States and the United Kingdom.	2	33–60
International Political Economy		
Nechkin D.A. Evolution of Political Risk Concept: Classical and Contemporary Interpretations	4	109–137
International Development		
Glazunova E.N. On the Genesis of the ‘Sustainable Security’ Concept	2	3–32
Gomboin Z.E. Information and Communication Technologies for Development: Evolution of International Discourse.	3	121–153
‘Soft Power’ in World Politics		
Belov S.I. Methods of Measuring ‘Soft Power’.	1	165–184
Science Diplomacy		
Kharitonova E.M. Science Diplomacy in British Foreign Policy: Theoretical, Institutional, and Organizational Aspects	2	61–91
Foreign Assistance		
Kulkova O.S. The European Union’s Assistance to Morocco (1999–2011): Strategic Directions, Priority Areas, and Main Outcomes . .	3	48–78
Khlebnikova L.R. The United States and the Challenges of the Hashemite Kingdom of Jordan’s Internal Stability: A Historical Retrospective	3	79–120
Review Essays and Book Reviews		
Yudin N.V. New Challenges Require New Solutions. <i>Book review of ‘The Soft Power of the United Kingdom’ by E.M. Kharitonova</i>	3	175–184
Zolotarev V.A. War Through an Interdisciplinary Lens. <i>Book Review of ‘An Inquiry into the Applied Theory of War’ by Andrey A. Kokoshin</i> . .	4	138–146
Academic Events		
Reconstructing Iraq after the Victory over the Islamic State: Prospects for International Engagement	2	145–192
Science for Peace	4	147–151
Peace and State-Building Future of the Middle East	4	152–155

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

КОКОШИН А.А.

Заместитель главного редактора

БАРТЕНЕВ В.И.

Ответственный секретарь

ЮДИН Н.В.

Члены редколлегии:

БАБЫНИНА Л.О.

ПРОХОРЕНКО И.Л.

БАРСЕНКОВ А.С.

РЫХТИК М.И.

БЕЛОКРЕНИЦКИЙ В.Я.

СЕРГУНИН А.А.

ГЛАЗУНОВА Е.Н.

СИДОРОВ А.А.

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ И.Д.

СТЕПАНОВА Е.А.

КУЗНЕЦОВ В.А.

ФЕНЕНКО А.В.

ПАНОВ А.Н.

ХАХАЛКИНА Е.В.

ПОТЕМКИНА О.Ю.

ЯКОВЛЕВ А.И.

Редактор

МАЛЕВАННАЯ Е.А.

Адрес редакции:

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учеб. корпус гуманитарных факультетов, факультет мировой политики, к. 601.

Тел. 8 (495) 939-52-71.

E-mail: vestnik.fmp@gmail.com

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Подписано в печать 29.05.2019. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офс. № 1.

Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 9,5. Тираж экз.

Изд. № 11 068. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: (495)939-32-91. E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

ИНДЕКС 88513 (каталог «Пресса России»)

ISSN 0201-7385. ISSN 2076-7404

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 25. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА. 2018. Т. 10. № 4. 1–160.